

Джон Перкинс Исповедь экономического убийцы

Джон Перкинс

Исповедь экономического убийцы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономические киллеры (ЭКи *) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые обжуживают страны по всему земному шару на триллионы долларов. Они перенаправляют деньги от Всемирного банка, Американского Агентства по международному развитию (USAID) и других международных гуманитарных организаций на счета огромных корпораций и в карманы нескольких богатых семейств, которые контролируют природные ресурсы планеты. Их инструментарий включает мошенническую финансовую информацию, манипуляцию выборами, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в игру столь же старую, как и империя, но принявшую новые и ужасающие размеры во времена глобализации.

Мне ли этого не знать... ведь я был ЭКом.

Я написал эти строки в 1982 г. в начале книги с рабочим названием «Совесть экономического киллера». Книга посвящалась президентам двух стран, оба которых были моими подопечными, людям, которых я уважал и полагал родственными себе по духу, – Хайме Рольдосу, президенту Эквадора, и Омару Торрихосу, президенту Панамы. Оба только что погибли в огненных катастрофах. Их смерти не были случайными. Оба погибли, потому что выступали против того братства корпоративных, правительственных и банковских управляющих, цель которого – глобальная империя. Мы, ЭКи, оказались не в состоянии воздействовать на Рольдоса и Торрихоса, и в дело вмешались другие киллеры, нанятые ЦРУ шакалы, которые всегда маячат позади нас.

Меня убедили не писать ту книгу. Я начинал писать ее еще четырежды в течение двадцати лет. В каждом из этих случаев на мое решение начать все заново влияли текущие мировые события: американское вторжение в Панаму в 1989 г., первая Война в Заливе, Сомали, возвышение Осамы бен Ладена. Однако угрозы или взятки всякий раз заставляли

меня остановиться.

В 2003 г. президент крупного издательского дома, принадлежащего могущественной международной корпорации, прочитал наброски того, что позднее стало *«Исповедью экономического киллера»*. Он охарактеризовал их «как захватывающую историю, которая должна быть рассказана». Затем он печально улыбнулся, покачал головой и сказал мне, что не может позволить себе риск издания книги, поскольку топ-менеджеры международных корпораций сильно возражали бы против этого. Он посоветовал мне беллетризовать книгу: «Мы могли бы позиционировать вас в качестве романиста наподобие Джона Ле Карре или Грэма Грина».

Но это не беллетристика. Это – подлинная история моей жизни. Более отважный издатель, независимый от международных корпораций, согласился помочь мне рассказать ее.

Эта история должна быть рассказана. Мы живем во времена ужасного кризиса – и огромных возможностей. История отдельного экономического киллера – это история того, как мы попали в то положение, в котором находимся, и почему мы в настоящее время оказались перед лицом проблем, которые кажутся непреодолимыми. Эта история должна быть рассказана еще и потому, что только осознавая наши прошлые ошибки, мы можем быть способны использовать в своих интересах будущие возможности, потому что случилось 11 Сентября, сделавшее возможной вторую войну в Ираке, потому что в дополнение к трем тысячам человек, погибшим 11 сентября 2001 г. от рук террористов, в тот же день еще двадцать четыре тысячи человек умерли от голода и тому подобных причин. Фактически, двадцать четыре тысячи человек умирают каждый день только оттого, что они не могут добыть еду, достаточную для поддержания жизни. И что самое важное, эта история должна быть рассказана, потому что именно сегодня, впервые в истории, одна страна имеет возможности, деньги и власть, способные изменить все это. Это – страна, в которой я родился и которой я служил ЭКом: Соединенные Штаты Америки.

Что же, наконец, убедило меня игнорировать угрозы и взятки?

Короткий ответ – то, что моя единственная дочь Джессика окончила колледж и вышла в мир самостоятельно. Когда я недавно рассказал ей, что подумываю о публикации этой книги и разделил с ней свои опасения, она сказала: «Не волнуйся, папа. Если они помешают тебе, я продолжу там, где ты закончил. Мы должны сделать это ради внуков, которых я надеюсь подарить тебе когда-нибудь!». Это – короткий ответ.

Более длинная версия касается моих обязательств перед страной, в которой я вырос, моей любви к идеалам, выраженным Отцами-основателями, моего глубокого почтения к американской республике, обещавшей «жизнь, свободу и путь к счастью» для всех людей повсюду, и моего намерения после 11 Сентября не сидеть праздно более в то время, как ЭКи превращают эту республику в глобальную империю. Такова примерный скелет длинного ответа, который обрстет плотью в последующих главах.

Это – подлинная история. Я прожил каждую минуту ее. Все места и люди, беседы и ощущения которых я описываю, были частью моей жизни. Это моя личная история, и все же она находится в широком контексте мировых событий, сформировавших нашу общую историю, приведших нас туда, где мы находимся сегодня, и заложивших основу будущего наших детей. Я приложил максимум усилий, чтобы передать эти события, людей и беседы с ними как можно более точно. Всякий раз, когда я обсуждаю мировые события или воспроизвожу беседы с другими людьми, вспомогательными инструментами мне служат опубликованные документы, личные записей и заметки, воспоминания свои собственные и воспоминания других участников; пять рукописей, уже начинавшихся мною; исторические работы других авторов, в особенности, недавно изданные, которые раскрывают информацию, которая прежде считалась секретной или была недоступна по иным причинам. Для читателей, интересующихся углубленным изучением предмета, ссылки приведены в конце глав.

Мой издатель спросил меня, действительно ли мы называли себя экономическими киллерами. Я уверил его, что да, действительно, хотя обычно мы пользовались только

сокращением – ЭК. Фактически, в один из дней 1971 г., когда я начал работу со своей преподавательницей Клодин, она сказала мне: «Моя задача – сделать из вас экономического киллера. Никто не должен знать о вашем предназначении, даже ваша жена». Затем она стала серьезной: «Вступив в ряды, вы останетесь в них на всю жизнь». После этого она редко употребляла полное название, мы были просто ЭКи.

Роль Клодин – впечатляющий пример манипуляций, которые лежат в основе бизнеса, в который я вошел. Красивая интеллектуалка, она работала очень эффективно, она поняла мои слабости и использовала их на всю катушку. Ее работа и методы, которыми она пользовалась, иллюстрируют тонкость людей, стоящих за этой системой.

Клодин без обиняков описала мне будущую работу. Моя работа, по ее словам, заключалась «в убеждении мировых лидеров становиться частью обширной сети проживжения американских коммерческих интересов. В конце концов, эти лидеры должны оказаться пойманными в ловушку паутины долгов, которая гарантирует их лояльность. Мы сможем опереться на них всякий раз, когда того пожелаем, – для удовлетворения наших политических, экономических или военных интересов. В свою очередь, они укрепят свои политические позиции тем, что дадут своему населению технопарки, электростанции и аэропорты. А владельцы американских инжиниринговых и строительных компаний станут баснословно богаты».

Сегодня мы наблюдаем безумие как результат работы этой системы. Топ-менеджеры наших самых уважаемых компаний нанимают за почти рабскую заработную плату людей для работы в тяжелых условиях на азиатских предприятиях с потогонной системой. Нефтяные компании тоннами качают отраву в реки дождевых лесов, сознательно убивая людей, животных и растения, совершая геноцид древних культур. Фармацевтическая промышленность отказывает в спасительных лекарствах миллионам зараженных СПИДом африканцев. Двенадцать миллионов семей в наших собственных Соединенных Штатах озабочены тем, что они будут есть в следующий раз. Энергетическая индустрия породила «Enron». Бухгалтерская индустрия породила «Andersen». Отношение дохода одной пятой населения мира, проживающего в наиболее развитых странах, к доходу одной пятой населения мира, проживающей в беднейших странах, увеличилось с 30:1 в 1960 г. до 74:1 в 1995 г.. Соединенные Штаты потратили более 87 миллиардов долларов на войну в Ираке, в то время как, по оценкам ООН, половины этой суммы хватило бы на обеспечение чистой воды, адекватной диеты, санитарных услуг и начального образования для каждого человека на планете.

И мы еще удивляемся, почему нас атакуют террористы?

Некоторые возложили бы ответственность за наши текущие проблемы на организованный заговор. Мне жаль, что это далеко не так просто. Заговорщиков можно было бы выявить и отдать под суд. Эта система, однако, подпитывается кое-чем намного более опасным, чем заговор. Она приводится в действие не узкой группой людей, но концепцией, принятой как Евангелие: идеей о том, что экономический рост идет на пользу человечеству, и что чем больше рост, тем шире распространяются преимущества. Эта вера также имеет и следствие: люди, превосходящие других в разведении пожара экономического роста, должны быть возвеличены и вознаграждены, в то время как рожденные в отдалении от него предназначены для эксплуатации.

Эта концепция, конечно, ошибочна. Мы знаем, что во многих странах экономический рост приносит пользу лишь малой части населения и, на деле, может обернуться значительным ухудшением жизни для большинства населения. Этот эффект усиливается верой в то, что капитаны индустрии, управляющие этой системой, должны пользоваться специальным статусом, той верой, которая является корнем многих наших проблем – и, возможно, причиной того, что теории заговора распространены в большом количестве. Когда мужчины и женщины вознаграждаются за жадность, жадность становится движущей силой развращения. Когда мы придаем ненасытному потреблению статус, приближенный к святости, когда мы учим наших детей подражать людям, ведущим неуравновешенный образ

жизни, и когда мы объявляем огромные количества населения подвластными элитному меньшинству, мы напрашиваемся на неприятности. И мы получаем их.

В своем устремлении к расширению глобальной империи корпорации, банки и правительства (все вместе – корпоратократия) используют свои финансовые и политические мускулы для того, чтобы наши школы, наш бизнес, наши СМИ поддерживали эту ошибочную концепцию и ее следствия. Они привели нас к положению, в котором наша глобальная культура представляет собой чудовищный механизм, который требует экспоненциально увеличивающегося обслуживания и количества топлива и, в конечном итоге, потребит все, оказавшееся в поле зрения, и ему не останется ничего иного, нежели пожрать самого себя.

Корпоратократия – это не заговор, но ее члены действительно имеют общие ценности и цели. Одни из наиболее важных целей корпоратократии – увековечение, непрерывное расширение и усиление ее системы. Жизнь тех, кто «делает это», ее антураж – особняки, яхты и личные реактивные самолеты – представляются как образцы для подражания, чтобы вдохновить нас потреблять, потреблять и потреблять. Любая возможность используется для того, чтобы убедить нас, что приобретение товаров есть наш гражданский долг, что разграбление планеты есть благо для нашей экономики и, следовательно, служит нашим высшим интересам. Людям, подобным мне, платят колоссально высокие зарплаты для продвижения системы. Если мы не справляемся, приходит черед шакалов, еще более злонамеренных киллеров. Если терпят неудачу и они, наступает черед военных.

Эта книга – исповедь человека, который некоторое время назад был ЭКом, был частью относительно небольшой группы людей. Сейчас они более многочисленны. Для их именования прибегают к эвфемизмам, они идут по коридорам «Monsanto», «General Electric», «Nike», «General Motors», «Wal-Mart» и почти любой крупной корпорации мира. В самом реальном смысле, «Исповедь экономического киллера» – их история, так же, как и моя.

Это и ваша история, история вашего мира и моего, первой по-настоящему глобальной империи. История учит нас, что если мы не изменим положение вещей, это гарантированно закончится трагически. Империи не существуют долго. Все они очень плохо заканчивались. Они разрушили множество культур на пути к глобальному доминированию, а затем рушились сами. Ни одна страна или группа стран не могут процветать слишком долго, эксплуатируя другие страны.

Эта книга написана для того, чтобы мы могли переосмыслить и перестроить нашу жизнь. Я уверен, что когда достаточно много людей узнает, как нас эксплуатирует экономический двигатель, который порождает жадный аппетит к глобальным ресурсам и превращается в систему, способствующую рабству, мы перестанем его терпеть. Мы переоценим нашу роль в мире, где лишь немногие купаются в богатстве, а большинство тонет в бедности, загрязнении и насилии. Мы согласно выберем курс на сострадание, демократию и социальную справедливость для всех.

Признание проблемы – первый шаг к ее решению. Признание греха – первый шаг к его искуплению. Пусть эта книга станет началом нашего спасения. Пусть она вдохновит нас на новый уровень служения и приведет нас к пониманию того, как правильно воплотить нашу мечту о гармоничных и достойных обществах.

Эта книга не была бы написана без множества людей, судьбы которых я выставил на обозрение. Я благодарен им за опыт и уроки.

Кроме них, я благодарен людям, которые убедили меня выйти на публику и рассказать свою историю. Штефан Рехтшаффен, Билл и Линн Твист, Энн Кемп, Арт Роффи, множество людей, которые участвовали в мероприятиях и симпозиумах Dream Change, и особенно мои помощники Ив Брюс, Лин Робертс-Херрик и Мэри Тендалл, моя невероятная жена и партнер на протяжении двадцати пяти лет Винифред и моя дочь Джессика.

Я благодарен многим мужчинам и женщинам, которые предоставили личные впечатления и информацию о транснациональных банках, международных корпорациях и политических интригах различных стран. Отдельные благодарности Майклу бен-Эли,

Сабрине Болоньи, Хуану Габриэлю Карраско, Хайме Гранту, Полу Шоу и некоторым другим, пожелавшим остаться анонимными, но которые знают, кого я имею в виду.

Как только рукопись была закончена, основатель «Berrett-Koehler» Стивен Пьерсанти не только проявил отвагу, чтобы принять меня, но и посвятил бесконечные мне часы как блестящий редактор, помогая мне создавать и пересоздавать книгу. Мои глубочайшие благодарности Стивену, Ричарду Перлу, который представил меня ему, а также Нове Браун, Рэнди Фиату, Аллену Джонсу, Крису Ли, Дженнифер Лисс, Лори Пеллошо и Дженни Вильямс, которые читали и критиковали рукопись, Дэвиду Кортену, который не только прочел и раскритиковал ее, но и заставил меня прыгнуть выше головы, чтобы удовлетворить его высочайшим стандартам, Полу Федорко, моему агенту, Валери Брюстер за искусный дизайн книги и Тодду Манца, моему литературному обработчику и экстраординарному философу.

Специальные слова признательности Дживану Сивасабрамяню, управляющему редактору «Berrett-Koehler», и Кену Лупоффу, Рику Уилсону, Марии Хесусу Агило, Пату Андерсону, Марине Кук, Майклу Кроули, Робину Доновану, Кристину Францу, Тиффани Ли, Кэтрин Ленгрон, Дайане Платнер – всему штату «БК», который считает необходимым слушаться своей совести и работает неустанно, чтобы сделать этот мир лучше.

Я должен поблагодарить всех тех мужчин и женщин, которые работали со мной в MAIN и не создавали роли, которую они играли, помогая ЭКу формировать глобальную империю; Я особенно благодарю тех, кто работал на меня и с которыми я путешествовал в отдаленные страны и разделил так много драгоценных мгновений. А также Эхуда Сперлинга и его штат в «Inner Traditions International», издателей моих предыдущих книг по местным культурам и шаманству и добрых друзей, наставивших меня на путь автора.

Я вечно благодарен мужчинам и женщинам, принимавшим меня в своих домах в джунглях, пустынях, в горах, в картонных лачугах каналов Джакарты, в трущобах бесчисленных городов во всем мире, разделившим со мной свою пищу и свою жизнь, и кто был для меня самым большим источником вдохновения.

Джон Перкинс
Август 2004 г.

*) В тексте – Economic Hit Man (ЕНМ). (Прим. перев.).

ПРОЛОГ

Кито, столица Эквадора, лежит в высокогорной вулканической долине в Андах на высоте девяти тысяч футов. Жители города, который был сонован задолго до прибытия Колумба в Америку, привыкли наблюдать снег на окружающих город горных пиках, несмотря на то, что живут они всего лишь в нескольких милях к югу от экватора.

Город Шелл, пограничная застава и фоенная база, вырубленный в эквадорских джунглях Амазонки для нужд нефтяной компании, имя которой носит, расположен почти восемью тысячами футов ниже Кито. Бурлящий город населен главным образом солдатами, нефтяниками и индейцами племен шуар и кичва, которые подрабатывают большей частью чернорабочими и проститутками.

Чтобы перебраться из одного города в другой, вам надо проехать по извилистой дороге, захватывающей дух. Местные жители скажут вам, что в течение одного дня поездки вы увидите все четыре времени года.

И хотя я проезжал этой дорогой много раз, меня никогда не утомлял захватывающий пейзаж. Острые утесы, украшенные каскадами водопадов, возвышаются с одной стороны. С другой стороны – глубокая пропасть, в которой течет река Пастаза из верхнего бассейна Амазонки, змеящаяся вниз по Андам. Пастаза несет воду с ледников Котопакси, одного из самых больших в мире действующих вулканов и божества времен инков, к Атлантическому

океану на расстояние более чем три тысячи миль.

В 2003 г. я покинул Кито на «субару аутбэк» и направился в Шелл с миссией, которая не походила ни на одну из тех, что мне приходилось принимать. Я надеялся прекратить войну, которую я же и помог начать. Как это часто бывает во многих случаях, за которые мы, ЭКи, должны принять ответственность, это была война, фактически неизвестная за пределами страны, где она велась. Я направлялся своей дорогой, чтобы встретиться с шуарами, кичва и их соседями ачуарами, запаро и шивиарами – племена решили помешать нашим нефтяным компаниям уничтожить их дома, семьи и земли, даже если это означало их гибель в ходе войны. Для них это была война за выживание их детей и культуры, для нас – война за власть, деньги и природные ресурсы. Она была частью борьбы за мировое господство и мечту горстки алчных людей – за глобальную империю.

Вот к чему мы, ЭКи, прилагаем все свои усилия – мы строим глобальную империю. Мы – это элитная группа мужчин и женщин, которые используют международные финансовые организации, чтобы создать ситуации, в которых другие страны становятся подвластными корпоратократии – системе власти, в которую входят наши крупнейшие корпорации, наше правительство и наши банки.

Подобно нашим коллегам-двойникам из мафии, ЭКи предлагают покровительство. Оно принимает форму кредитов для развития инфраструктуры – электростанций, шоссе, портов, аэропортов или технопарков. Условия подобных кредитов состоит в том, что осуществление подобных проектов должно вестись инжиниринговыми и строительными компаниями нашей собственной страны. В сущности, большая часть денег никогда не покидает Соединенные Штаты, они просто перемещаются из банковских офисов в Вашингтоне в инжиниринговые офисы в Нью-Йорке, Хьюстоне или Сан-Франциско.

Несмотря на тот факт, что деньги возвращаются практически немедленно корпорациям, которые входят в корпоратократию (которая является кредитором), страна-должник обязана выплатить полностью тело долга плюс проценты. Если ЭК добился полного успеха, кредит является настолько большим, что должник вынужден объявить дефолт по своим платежам уже через несколько лет. Когда это случается, мы подобно мафии, требуем свой кусок мяса. Это часто означает что-нибудь из следующего набора: контроль над голосованием в ООН, размещение военных баз или доступ к ценным ресурсам типа нефти или Панамского канала. Конечно же, должник по-прежнему все еще должен нам деньги – и еще одна страна включена в глобальную империю.

Направляясь по шоссе от Кито к Шеллу, я вернулся мыслями на тридцать пять лет назад, когда первый раз прибыл в эту часть света. Я читал, что хотя Эквадор не превышает размерами Неваду, здесь есть более тридцати действующих вулканов, более 15 процентов видов птиц всего мира и тысячи пока еще неотклассифицированных видов растений, и это земля множества культур, на которой проживает столько же людей, говорящих на местных древних языках, сколько и испаноговорящих. Я находил его очаровательным и, безусловно, экзотическим, хотя эти слова, приходившие тогда на ум, были чисты, наивны и непосредственны.

Многое изменилось за эти тридцать пять лет.

Во время моего первого визита в 1968 г. «Техасо» только что обнаружила нефть в эквадорской части бассейна Амазонки. Сегодня нефть составляет почти половину экспорта страны. Протечки нефти в дождевые леса с их хрупкой экологией из транс-андского нефтепровода, который был сооружен вскоре после моего первого визита, достигли более полумиллиона баррелей – количество, вдвое превышающее пролитое «Eххон Valdez». Сегодня новый трехсотмильный нефтепровод стоимостью 1.3 млрд долларов, пролоббированный ЭКами, обещает сделать Эквадор входящим в десятку крупнейших мировых экспортеров нефти в Соединенные Штаты. Обширные области дождевых лесов погибли, попугаи и ягуары почти исчезли, три эквадорских туземных культуры приведены на грань исчезновения, а древние реки превращены в сточные каналы.

В то же самое время местные культуры начинают сопротивление. Так, 7 мая 2003 г.

группа американских адвокатов от имени более чем тридцати тысяч индейцев Эквадора подала иск на сумму 1 млрд долларов против «ChevronTexaco Corp.». В иске утверждается, что в период между 1971 и 1992 гг. нефтяной гигант сливал на открытое пространство и в реки более четырех миллионов галлонов в день ядовитых отходов, загрязненных нефтью, тяжелыми металлами и канцерогенами, и что компания оставила почти 350 брошенных открытых ям-коллекторов, которые продолжают убивать людей и животных.

За окном моего «аутбэка» большие облака тумана скатываются с лесов на каньоны Пастазы. Пот пропитал мою рубашку и мой живот начинает сводить, но не только от высокой тропической температуры и дорожного серпантина. Знание той роли, которую я сыграл в разрушении этой прекрасной страны, дает себя знать. Благодаря мне и моему приятелю ЭКу, Эквадор находится сейчас в намного более худшей форме, чем он был до того, когда мы представили им миражи современной экономики, банковского дела и инжиниринга. С 1970 г., в течение периода, эвфемистически именуемого Нефтяным Бумом, доля населения, пребывающего за официальной чертой бедности, увеличилась с 50 до 70 процентов, неполная занятость вкупе с безработицей увеличилась с 15 до 70 процентов, а государственный долг вырос с 240 млн до 15 млрд долларов. Тем временем, доля национальных ресурсов, относящихся к беднейшей части населения, сократилась с 20 до 6 процентов.

К сожалению, Эквадо – не исключение. Почти каждая страна, которую мы, ЭКи, привели под зонтик глобальной империи, имеет такую же судьбу. Долг третьего мира вырос до 1.5 трлн долларов, а стоимость его обслуживания – до 375 млрд долларов в год в 2004 г. – это больше, чем все расходы третьего мира на здравоохранение и образование, и в двадцать раз больше того, что развивающиеся страны получают ежегодно в виде иностранной помощи. Более половины людей в мире существуют на сумму менее двух долларов в день, которая равна примерно той же, что они имели в начале 1970– гг. Тем временем, 1 процент семей третьего мира владеет 70-90 процентами всего капитала и недвижимости в своих странах (фактический процент разнится в зависимости от страны).

«Субару» замедлил ход, пробираясь по улицам красивого курортного городка Баньос, знаменитого горячими источниками у подножия очень активного вулкана Тунгурагуа. Дети бежали впереди машины, махая руками и пытаясь продать нам жевательную резинку и печенье. Затем Баньос остался позади. Захватывающий пейзаж оборвался резко, когда «субару» вырвался из рая в современное воплощение дантовского ада.

Гигантский монстр вырос из реки, чудовищная серая стена. Его dripping бетон был полностью неуместен, неестественен и несовместим с пейзажем. Конечно, вид этого не должен был бы удивить меня. Все это время я знал, что он ждет в засаде. Я сталкивался с этим много раз прежде и раньше, почитая это символом достижений ЭКов. Но даже сейчас по моей коже поползли мурашки.

Эта отвратительная несоразмерная стена – дамба, которая блокирует реку Пастазу, поворачивая ее воды в огромные туннели, проложенные в горах, и преобразовывая ее энергию в электричество. Это – 156 мегаваттный Агоянский гидроэнергетический проект. Он питает заводы, которые делают горстку эквадорских семейств богатой, и он же является источником невыразимого страдания для фермеров и туземцев, живущих вниз по реке. Эта гидроэлектростанция – лишь один из многих проектов, получивших развитие благодаря моим усилиям и усилиям других ЭКов. Подобные проекты – причина того, что Эквадо ныне входит в глобальную империю, и объяснение того, почему шуары и кичва угрожают войной нашим нефтяным компаниям.

Благодаря проектам ЭКов, Эквадор опутан иностранными долгами и должен посвятить черзмерную долю своего национального бюджета для их выплаты вместо того, чтобы использовать свой капитал для того, чтобы помочь миллионам его граждан, официально классифицируемым как опасно обнищавшие. Единственный путь для выкупа своих иностранных обязательств для Эквадора – это продажа своих дождевых лесов нефтяным компаниям. В действительности, одной из причин, по которой ЭКи обратили свое внимание

на Эквадор, было то, что, как принято считать, нефтяное море под его амазонским регионом сравнимо с ближневосточными месторождениями нефти. Глобальная империя требует свой кусок мяса в виде нефтяных концессий.

Эти требования стали особенно неотложными после 11 сентября 2001 г., когда Вашингтон испугался, что ближневосточные поставки могут прекратиться. Вдобавок к этому, Венесуэла, наш третий по величине поставщик нефти, избрала президента-популиста Уго Чавеса, который начал сильное противостояние тому, что он назвал американским империализмом, и начал угрожать прекращением продажи нефти в Соединенные Штаты. ЭКи потерпели неудачу в Ираке и Венесуэле, но мы преуспели в Эквадоре и теперь мы могли бы поить нефтью всех за приемлемую цену.

Эквадор типичен среди стран, в которые ЭКи принесли экономико-политический перелом. С каждых 100 долларов сырой нефти, взятой из эквадорских дождевых лесов, нефтяные компании получают 75 долларов. Из оставшихся 25 долларов три четверти должны идти на выплату иностранного долга. Большая часть остатка покрывает военные и другие правительственные расходы – из которых примерно 2.5 доллара идут на здравоохранение, образование и программы помощи бедным. Таким образом, из каждых 100 долларов, вырванных из Амазонки, менее 3 долларов идет людям, которые нуждаются в деньгах больше всех, на жизнь которых так неблагоприятно повлияли дамбы, бурение и нефтепроводы, и которые умирают от недостатка продовольствия и пригодной для питья воды.

Все эти люди – миллионы в Эквадоре, миллиарды на планете – потенциальные террористы. Не потому, что они верят в коммунизм или анархизм или изначально злы, но просто оттого, что они пребывают в отчаянии. Глядя на эту дамбу, я задавался вопросом, поскольку я так часто бывал во многих местах по всему миру – когда эти люди предпримут меры, подобно американцам против Англии в 1770-х гг. или латиноамериканцы против Испании в начале 1800-х гг.

Тонкость, с которой строится эта современная империя, заставила бы устыдиться римских центурионов, испанских конкистадоров и европейские колониальные державы XVIII-XIX веков. Мы, ЭКи, лукавы и учимся у истории. Сегодня мы не носим мечей. Мы не надеваем броню или одежду, которая нас выделяет. В странах, подобных Эквадору, Нигерии и Индонезии, мы одеваемся, как местные школьные учителя или владельцы магазинов. В Вашингтоне и Париже мы похожи на бюрократов из правительства или банкиров. Мы выглядим скромно и обыденно. Мы посещаем строительные площадки и прогуливаемся по обнищавшим деревням. Мы проповедуем альтруизм и обсуждаем в местных газетах замечательные гуманитарные проекты, которые мы осуществляем. Мы покрываем столы совещаний правительственных комиссий нашими таблицами и финансовыми проектами и читаем лекции в Гарвардской Школе бизнеса о чудесах макроэкономики.

Мы доступны и открыты. Или, по крайней мере, таковыми мы себя изображаем и за таковых нас принимают. Так работает эта система. Мы редко обращаемся к чему-либо противозаконному, поскольку система построена на лазейках и по определению законна.

Однако – и это очень значимо – если мы терпим неудачу, в дело вступают люди гораздо более зловещей породы, люди, которых мы, ЭКи, называем шакалами, люди, которые ведут свое происхождение из империй прошлого. Шакалы всегда рядом, скрываясь в тени. Когда они появляются, главы правительств свергаются или погибают в насильственных «несчастных случаях». И если случайно шакалы терпят неудачу, как они потерпели неудачу в Афганистане и Ираке, тогда всплывают старые модели. Когда шакалы терпят поражение, молодых американцев посылают убивать и умирать.

Когда я миновал чудовищную гигантскую стену серого бетона, выросшую из реки, я уже изнывал от пота, пропитавшего мою рубашку, и сведенного кишечника. Я направлялся вниз в джунгли на встречу с туземцами, которые решили сражаться до последнего человека, чтобы остановить эту империю, которую я же и помогал создавать, и я был поражен терзавшим меня чувством вины.

Каким же образом, спрашивал я себя, простой деревенский парень из Нью-Гэмпшира попал в столь грязный бизнес?

Часть I: 1963-1971

Глава 1. Рождение экономического киллера

Это началось вполне невинно.

Я был единственным ребенком, рожденным в семье из среднего класса в 1945 г. Мои родители происходили из числа янки Новой Англии с трехсотлетней историей и за их строгими моралистическими, определенно республиканскими взглядами стояли поколения предков-пуритан. Они были первыми в своих семьях, пошедшими в колледж, чтобы получить образование. Моя мать стала учителем латинского языка в средней школе. Мой отец вступил во Вторую Мировую войну лейтенантом ВМФ и возглавлял вооруженную охрану на чрезвычайно огнеопасном танкере торгового флота в Атлантике. Когда я родился в Ганновере, Нью-Гэмпшир, он долечивал перелом бедра в тexasском госпитале. Я не видел его до тех пор, пока мне не исполнился год.

Он получил работу учителя языка в школе-интернате для мальчиков Тилтона в сельском Нью-Гэмпшире. Школьный городок стоял высоко на холме, можно сказать, высокомерно возвышаясь над поселком Тилтон. Это привилегированное учебное заведение ограничивалось пятьюдесятью питомцами – по девять-двенадцать учеников в каждом классе. Школьники, в основном, были отпрысками богатых семейств Буэнос-Айреса, Каракаса, Бостона и Нью-Йорка.

Моя семья страдала от недостатка денег, однако мы никоим образом не считали себя бедными. Хотя школьные преподаватели получали очень небольшое жалованье, мы были обеспечены всем бесплатным: едой, домом, теплом и водой, а также рабочими, убиравшими снег и ухаживавшими за лужайкой. Начиная со своего четвертого дня рождения, я питался в столовой подготовительной школы, бегал за мячами в школьной футбольной команде, тренируемой моим отцом, и подавал полотенца в раздевалке.

Было бы преуменьшением сказать, что преподаватели и их жены ощущали свое превосходство над местными жителями. Я часто слышал шутку родителей о лордах поместья, управляющих туповатыми крестьянами внизу. Я знал, что это больше, чем шутка.

Мои друзья по начальной и средней школе происходили как раз из этого нижнего класса и были очень бедны. Их родители были чумазыми фермерами, плотниками и рабочими в мастерских. Они обижались на «приготовишек с холма», и, в свою очередь, мой отец с матерью предостерегали меня от чрезмерного общения с поселковыми девчонками, которых они называли не иначе, как деревенщиной и неряхами. Я же делил свои учебники и мелки с этими девочками, начиная с первого класса, и за эти годы влюблялся в троих из них – Энн, Присциллу и Джуди. Мне было трудно понять соображения моих родителей, однако я подчинялся их пожеланиям.

Каждый год мы проводили три летних месяца каникул моего отца в домике на озере, выстроенном моим дедом в 1921 г. Он был окружен лесом и каждую ночь мы могли слышать крики сов и рычание горных львов. Соседей поблизости не было, я был единственным ребенком в радиусе пешеходной прогулки. В детстве я проводил дни, воображая деревья рыцарями Круглого стола и попавшей в беду девицей по имени Энн, Присцилла или Джуди (в зависимости от года). Нимало не сомневаюсь, что страсть моя была так же сильна, как любовь Ланселота к Джиневре, – и столь же тайна.

В четырнадцать я получил право на бесплатное обучение в школе-интернате Тилтона. Подталкиваемый родителями, я отказался от всего, связанного с поселком, и больше никогда не видел своих старых друзей. Когда мои одноклассники разъезжались на каникулы по домам, в свои особняки и пентхаусы, я оставался один на холме. У меня не было подруг, все

девочки, которых я знал, были «неряхами», я отставил их, и они забыли меня. Я был один и ужасно переживал.

Мои родители были матерями по части манипуляций и уверяли меня, что мне очень повезло с подобной возможностью и когда-нибудь я буду им за это очень благодарен. Я смогу найти достойную жену, удовлетворяющую строгим моральным стандартам моей семьи. Я же весь кипел внутри. Я жаждал женского общества, секса, и все больше подумывал о том, чтобы завести отношения с какой-нибудь «неряхой».

Однако вместо бунта я подавлял свой гнев и сублимировал свои переживания тем, что старался превзойти всех. Я был прилежным учеником, капитаном двух школьных команд и редактором школьной газеты. Я был настроен переплюнуть своих богатых одноклассников и оставить Тилтон навсегда позади.

В течение последнего года учебы я добился права на дальнейшее спортивное обучение в Брауне или обучение наукам в Миддлбери. Я склонялся к Брауну, в основном, потому, что предпочел стать спортсменом и потому что он был расположен в городе. Моя мать училась в Миддлбери и мой отец получил магистерскую степень в Миддлбери, и несмотря на то, что Браун входил в Лигу Плюща, они настояли на Миддлбери.

«Что, если ты сломаешь ногу?» – вопрошал мой отец. «Все лучше, чем грызть науку», – рубил я.

Миддлбери был, в моем представлении, просто расширенным изданием Тилтона, разве что лишь в сельском Вермонте взамен сельского Нью-Гэмпшира. Правда, здесь было совместное обучение, но я был беден, тогда как почти каждый студент был богат, и я не посещал школу с совместным обучением четыре года. Мне не хватало веры в себя, я чувствовал себя деклассированным и несчастным. Я умолял отца позволить мне переждать один год. Я хотел поехать в Бостон и узнать больше о жизни и о женщинах. Отец не желал и слышать об этом. «Как я могу претендовать на подготовку к колледжу детей других родителей, если мой собственный сын сам не готов к нему?» – спрашивал он.

Я пришел к пониманию того, что жизнь соткана из множества событий. Как мы реагируем на них, как мы осуществляем то, что некоторые называют свободой воли, – есть главное; выбор, который мы делаем на крутых поворотах своей судьбы, делает нас теми, кто мы есть. Два главных события, которые сформировали мою судьбу, произошли в Миддлбери. Одно приняло вид иранца, сына генерала и личного советника шаха, другое было красивой молодой девушкой по имени Энн, подобно моей возлюбленной детства.

Первый, которого я буду называть Фархадом, играл в профессиональный футбол в Риме. Он обладал атлетическим телосложением, вьющимися черными волосами, мягкими глазами цвета грецкого ореха и обаянием, сделавшими его неотразимым для женщин. Он был противоположностью мне во многом. Мне пришлось постараться, чтобы стать его другом, и он научил меня множеству вещей, которые оченьгодились мне в последующие годы. Я также встретил Энн. Хотя она была всерьез увлечена молодым человеком из другого колледжа, она проявила ко мне благосклонность. Наши платонические взаимоотношения стали моей первой настоящей любовью.

Фархад учил меня пить, веселиться и игнорировать своих родителей. Я стал намереваться бросить учебу. Я решил, что сломаю свою академическую ногу, чтобы сквитаться со своим отцом. Мои оценки резко ухудшились, а знания растерялись. К середине второго курса я собрался отчислиться. Мой отец угрожал отречься от меня, Фархад меня подзуживал. Я вихрем ворвался в кабинет декана и покинул колледж. Это стало поворотным моментом моей жизни.

Фархад и я праздновали в местном баре мою последнюю ночь в городе, когда пьяный фермер, настоящий гигант, обвинил меня в приставаниях к его жене, сбил меня с ног и швырнул к стене. Фархад встал между нами, достал нож и полоснул им фермера по щеке. Затем он протащил меня через комнату и выпихнул в окно, выходящее на высокий берег Выдрового ручья. Мы прыгнули и побежали вдоль реки назад в свое общежитие.

На следующее утро на допросе в полиции студенческого городка я лгал и отрицал

всяческое наше участие в инциденте. Однако Фархад был изгнан. Мы направились в Бостон и вместе сняли там жилье. Я устроился на работу в хёрстовскую газетную группу «Record American»/«Sunday Advertiser» личным помощником главного редактора «Sunday Advertiser».

Позднее, в этом же 1965 г. несколько моих друзей из газеты были призваны на военную службу. Чтобы избежать подобной судьбы, я поступил в Колледж делового администрирования Бостонского университета. К этому времени Энн рассталась со своим другом и часто наезжала проведать меня из Миддлбери. Я был рад ее вниманию. Она закончила колледж в 1967 г., в то время как мне требовался еще один год, чтобы закончить свою учебу в Бостонском университете. Она упорно отказывала мне в близости, пока мы не были женаты. Хотя я подшучивал над ней, обвиняя ее в шантаже, и обижался на то, что полагал продолжением архаичного и ханжеского набора моральных стандартов моих родителей, я наслаждался временем, проведенным вместе, и хотел большего. Мы поженились.

Отец Энн, блестящий инженер, руководил секретными разработками навигационного оборудования для ракет и достиг высокого положения в военно-морском министерстве. Его лучший друг, человек, которого Энн называла дядей Франком (вымышленное имя), занимал высокую должность в Агентстве Национальной Безопасности (АНБ) – наименее известной и, по мнению многих, самой большой разведывательной организации страны.

Вскоре после нашей женитьбы военные вызвали меня на медосмотр. Я его прошел и, следовательно, оказался перед перспективой Вьетнама после завершения образования. Идея сражаться в Юго-Восточной Азии меня не вдохновила, хотя война сама по себе всегда завораживала меня. Я вырос на рассказах о своих колониальных предках, среди которых были Томас Пэйн и Этан Аллен, и я посетил все поля сражений с французами и индейцами и сражений времен Революции в Новой Англии и штате Нью-Йорк. Я прочитал все исторические романы, которые смог найти. На самом деле, когда армейские Специальные силы вступили в Юго-Восточную Азию, я собирался подписать контракт. Но поскольку СМИ наглядно показывали злонамеренность и несостоятельность американской политики, мои взгляды изменились. Я задался вопросом, чью сторону взял бы Пэйн. Я был уверен, что он присоединился бы к нашим вьетконговским врагам.

Моим спасением оказался дядя Франк. Он сообщил мне, что работа на АНБ дает право на отсрочку от призыва в армию, и организовал ряд встреч в своем Агентстве, включая день изнурительной проверки-интервью на полиграфе. Мне было сказано, что эти тесты определяют, достаточно ли я пригоден для вербовки и обучения в АНБ, и если я окажусь для них пригоден, они также определяют мои сильные и слабые стороны, которые повлияют на планирование моей карьеры. Учитывая мое отношение к войне во Вьетнаме, я был уверен, что провалю эти тесты.

На испытаниях я признал, что как лояльный американец я против войны, и был удивлен, что мои интервьюеры не педалировали эту тему. Вместо этого они сосредоточились на моем воспитании, моем отношении к родителям и тому факту, что я вырос как бедный пуританин среди такого множества богатых гедонистически настроенных учеников. Они также исследовали мои переживания по поводу недостатка женщин, секса и денег в моей жизни и мои фантазии по этому поводу. Я был поражен их вниманием к моим отношениям с Фархадом и к моей готовности солгать полиции студенческого городка, чтобы защитить его.

Вначале я принимал все эти вещи, выглядывшие столь отрицательными, как знак того, что АНБ отвергает меня, но интервью продолжались, свидетельствуя об обратном. Лишь несколько лет спустя я понял, что для АНБ весь этот негатив был, на самом деле, позитивом. Их оценки в меньшей степени касались моей лояльности стране, и в большей – моих жизненных неурядиц. Гнев на своих родителей, навязчивые идеи в отношении женщин, мои потуги повысить свой уровень жизни подсказали им крючок, я был легко соблазняем. Мои школьные намерения превзойти всех в учебе и в спорте, мое восстание против отца, моя способность сходитьсь с иностранцами и моя готовность лгать полиции были в точности

теми признаками, которые они искали. Позднее я узнал, что отец Фархада работал в Иране на американское разведывательное сообщество, поэтому моя дружба с Фархадом была определенно плюсом.

Спустя несколько недель после тестов в АНБ, мне было предложено начать новую работу с обучения искусству шпионажа сразу после получения степени в Бостонском университете через несколько месяцев. Однако перед тем, как принять это предложение, я, повинаясь внезапному импульсу, посетил семинар, проведенный в Бостонском университете вербовщиками Корпуса Мира. Основным их аргументом было то, что подобно АНБ, работа на Корпус Мира давала право на отсрочку от призыва на военную службу.

Решение посидеть на этом семинаре оказалось одним из тех событий, которые представляясь незначительными в свое время, в конечном итоге, как оказывается, меняют жизнь. Вербовщик описал несколько мест в мире, особенно нуждающихся в добровольцах. Одним из таких мест были дождевые леса Амазонки, где местные жители вели образ жизни, во многом похожий на тот, который вели индейцы Северной Америки до прибытия европейцев. Я всегда мечтал пожить жизнью индейцев племени абнаки, которые населяли Нью-Гэмпшир в то время, когда там обосновались мои предки. Я знал, что в моих жилах течет немного крови индейцев абнаки, и я хотел знать и понимать лес так же хорошо, как они. Я подошел к вербовщику после его выступления и спросил о возможности быть назначенным на Амазонку. Он заверил меня в том, что в этом регионе существует большая потребность в добровольцах и мои шансы весьма велики. Я позвонил дяде Франку.

К моему удивлению дядя Франк похвалил мое желание присмотреться к Корпусу Мира. Он полагал, что после падения Ханоя – а в этом в то время были уверены многие люди его положения – Амазонка станет горяченьким местечком.

«Набита нефтью под завязку, – сказал он. – Нам нужны там хорошие агенты, люди, которые понимают туземцев». Он заверил меня в том, что Корпус Мира будет превосходным началом обучения и настоятельно посоветовал хорошо изучать испанский наряду с местными туземными наречиями. «Ты мог бы, – хихикнул он, – закончить работой в частной компании вместо работы на правительство».

Я не понимал в то время, что он имеет в виду. Я был переквалифицирован из шпиона в ЭКи, хотя я никогда ранее не слышал этот термин и услышал его лишь не ранее, чем через несколько лет. Я понятия не имел о сотнях мужчин и женщин, рассеянных по всему миру, работавших на консалтинговые фирмы и другие частные компании, о людях, не получивших ни пенни заработка ни от одного правительственного агентства и все же работавших на интересы империи. И я, конечно же, не мог предположить, что подобные люди, которых называют весьма иносказательно, будут исчисляться тысячами к концу миллениума, и что я сыграю значительную роль в формировании этой растущей армии.

Энн и я заполнили заявления о вступлении в Корпус Мира и попросили о назначении на Амазонку. Когда уведомления о нашем принятии прибыли, моей первой реакцией было глубокое разочарование. В письме сообщалось, что нас пошлют в Эквадор.

О, нет, подумал я. Мы просились на Амазонку, а не в Африку.

Я взял атлас и поискал Эквадор. Я был встревожен, не найдя его нигде на африканском континенте. По указателю, однако, я обнаружил, что, на самом деле, Эквадор расположен в Латинской Америке, и я видел на карте, что его речные системы, берущие начало в ледниках Анд, формируют истоки могучей Амазонки. Дальнейшее чтение убедило меня в том, что эквадорские джунгли являются одними из наиболее разнообразных и огромных в мире, и что местные туземцы все еще живут так же, как и тысячу лет назад. Мы приняли предложение.

Энн и я прошли обучение на курсах Корпуса Мира в Южной Калифорнии и уехали в Эквадор в сентябре 1968 г. Мы жили на Амазонке с шуарами, образ жизни которых действительно напоминал североамериканских индейцев доколониальных времен, мы работали в Андах с потомками инков. Это был мир, о котором я и подумать не мог, что он все еще существует. До сих пор единственными латиноамериканцами, которых я встречал, были богатые ученики в школе, где преподавал мой отец. Мне нравились эти люди, живущие

охотой и примитивным сельским хозяйством. Я неясно ощущал некоторое родство с ними. Так или иначе, они напоминали мне о жителях поселка, который я оставил.

В один из дней на нашей посадочной полосе приземлился самолет, из которого вышел человек в деловом костюме, Эйнар Грив. Он был вице-президентом «Chas. T. Main, Inc.» (MAIN), международной консалтинговой фирмы, которая держалась весьма скромно, но тем не менее, отвечала за изучение возможности предоставления Мировым банком ссуд Эквадору и соседним странам на миллиарды долларов для постройки гидроэлектростанций и других инфраструктурных проектов. Эйнар был также полковником Резерва Армии США.

Он начал говорить со мной о преимуществах работы в компании, подобной MAIN. Когда я упомянул, что был принят в АНБ перед вступлением в Корпус Мира и намерен вернуться туда, он сообщил мне, что иногда действовал как связной АНБ, и бросил на меня взгляд, заставивший меня заподозрить, что его целью является оценка моих способностей. Сейчас я думаю, что он освежал мое досье и, в особенности, оценивал мои способности выжить в среде, которую большинство североамериканских индейцев сочли бы враждебной.

Мы провели вместе несколько дней в Эквадоре, а затем связались по почте. Он попросил меня посылать ему свои оценки экономических перспектив Эквадора. У меня была портативная пишущая машинка, я любил печатать, и был счастлив исполнить его просьбу. За год я послал Эйнару, по меньшей мере, пятнадцать длинных писем. В этих письмах я рассуждал об экономическом и политическом будущем Эквадора, оценивал растущее недовольство местных общин, пытающихся противостоять нефтяным компаниям, международным агенствам по развитию и прочим попыткам втянуть их в современный мир.

Когда моя командировка от Корпуса Мира закончилась, Эйнар пригласил меня на интервью по поводу работы в штаб-квартиру MAIN в Бостоне. Во время нашей личной встречи он подчеркнул, что хотя основным бизнесом MAIN является инжиниринг, их крупнейший клиент, Всемирный банк, недавно потребовал, чтобы они держали в штате экономистов для критического экономического прогнозирования, используемого для определения выполнимости и величины инжиниринговых проектов. Он доверительно сообщил, что нанял троих квалифицированных экономистов с безупречными верительными грамотами – двоих с магистерской и одного с докторской степенями. Они, к сожалению, потерпели неудачу.

«Ни один из них, – сказал Эйнар, – не может понять, каким образом можно осуществлять экономическое прогнозирование в странах, в которых недоступны надежные статистические данные». Продолжив разговор, он сообщил, что все они нашли неприемлемыми для себя условия контракта, которые требовали поездок в отдаленные регионы стран, подобных Эквадору, Индонезии, Ирану и Египту, для проведения переговоров с местными вождями и личной оценки перспектив экономического развития этих регионов. С одним из них случился нервный срыв в глухой панамской деревне, он был сопровожден панамской полицией и посажен на самолет домой, в Соединенные Штаты.

«Письма, которые вы мне посылали, свидетельствуют о том, что вы не боитесь суждений даже в отсутствие надежных данных. И, учитывая условия вашей жизни в Эквадоре, я уверен, что вы способны выжить где угодно». Он сказал мне, что уже уволил одного из этих экономистов и готов проделать то же самое с двумя другими, если я согласен на эту работу.

Вот так в январе 1971 г. мне было предложено занять позицию экономиста в MAIN. Мне исполнилось двадцать шесть – волшебный возраст, после которого призывная комиссия больше мной не интересовалась. Я посоветовался с семьей Энн, и они посоветовали мне взяться за эту работу, я понял также, что их согласие отражает и мнение дяди Франка. Я вспомнил его слова о том, что я могу оказаться на работе в частной компании. Это никогда не объявлялось открыто, но я уверен, что моя работа на MAIN была следствием усилий дяди Франка трехлетней давности в дополнение к моему эквадорскому опыту и моей готовности писать об экономической и политической ситуации в стране.

Моя голова кружилась несколько недель и мое эго раздулось от гордости. Я заработал

лишь степень бакалавра в Бостонском университете, что, казалось, не гарантировало позицию экономиста в такой уважаемой консалтинговой компании. Я знал, что множество моих однокурсников по Бостонскому университету, которых не призвали на военную службу и которые продолжили обучение для получения степени MBA или иных степеней, отнеслись бы к этому с большой завистью. Я видел себя стремительным секретным агентом, направляющимся в экзотические страны, бездельничающим с бокалом мартини в руке возле плавательных бассейнов гостиниц, окруженным одетыми в бикини очаровательными женщинами.

И хотя это было простыми фантазиями, позднее я увижу, что в них была доля правды. Эйнар нанял меня как экономиста, но моя настоящая работа оказалась далека от этого и была гораздо ближе к Джеймсу Бонду, чем я когда-либо мог предположить.

Глава 2. «...на всю жизнь»

Говоря юридическим языком, MAIN была компанией с узким числом акционеров, ее акциями владели примерно 5 процентов из ее двух тысяч сотрудников. Они считались партнерами и положение их было весьма привлекательным. Мало того, что они обладали большой властью, они еще и делали большие деньги. Посвященность была их отличительным признаком, они имели дело с главами правительств и другими высшими чиновниками, которые ожидали от их консультантов абсолютной конфиденциальности, как от своих адвокатов или психоаналитиков. На общение с прессой было наложено табу. Это было просто недопустимо. Как следствие, мало кто даже слышал о MAIN, хотя многие знают наших конкурентов, таких как «Arthur D. Little», «Stone amp; Webster», «Brown amp; Root», «Halliburton» и «Bechtel».

Я использую термин «конкуренты» несколько вольно, поскольку, на самом деле, MAIN была одинока в своем сегменте рынка. Большинство нашего профессионального штата составляли инженеры, но у нас не было никакого оборудования и мы никогда не построили ничего крупнее навеса для хранения чего-нибудь. Многие сотрудники MAIN были бывшими военными, но мы никогда не заключали контрактов с Министерством обороны и любой другой военной организацией. Наши коммерческие операции столь отличались от нормы, что в течение моих первых месяцев я даже не мог выяснить, чем же мы занимались. Я знал только, что моим первым реальным назначением будет Индонезия и что я буду частью команды в одиннадцать человек, которая должна разработать главный план развития энергетики острова Ява.

Я также знал, что Эйнар и другие, которые обсуждали со мной мои задачи, стремились убедить меня в том, что экономика Явы начнет быстрый рост, и, чтобы показать себя хорошим прогнозистом (и, следовательно, продвинуться по служебной лестнице), я должен был отразить это в своем прогнозе.

«Сразу же диаграмму! – любил говорить Эйнар. Его пальцы скользили по воздуху над головой. – Экономика, которая взлетит подобно птице!».

Эйнар совершал частые поездки, которые обычно длились два-три дня. Никто особо о них не распространялся и не проявлял осведомленность о том, куда он уехал. Когда он бывал в офисе, он часто приглашал меня на несколько минут выпить чашку кофе. Он спрашивал меня об Энн, нашей новой квартире и о коте, которого мы привезли из Эквадора. Узнавая его лучше, я смелел и старался больше узнать о нем и о его ожиданиях касательно моей работы. Но я никогда не получал удовлетворительных для себя ответов, он был мастером разворота беседы в другую сторону. В одной из таких бесед он продемонстрировал мне специфический взгляд на вещи.

«Вам не следует беспокоиться, – сказал он. – У нас большие планы относительно вас. Я был в Вашингтоне недавно...». Его голос затих и он inscrutably улыбнулся. «В любом случае, вы знаете, что у нас большой проект в Кувейте. Он начнется еще до вашей поездки в

Индонезию. Я думаю, вам следует потратить немного времени на то, чтобы почитать о Кувейте. Бостонская публичная библиотека – отличный ресурс, и мы также позаботимся о вашем пропуске в библиотеки Гарварда и Массачусетского технологического института».

После этого я провел много часов в библиотеках, особенно в Бостонской публичной, которая располагалась всего в нескольких кварталах от офиса и очень близко к моей квартире возле Бэк Бэй. Я познакомился с Кувейтом так же хорошо, как и с книгами по экономической статистике, выпущенными ООН, МВФ и Мировым банком. Я знал, что от меня ждут эконометрических моделей для Индонезии и Явы, но я решил, что было бы неплохо для начала сделать их для Кувейта.

Однако моя степень бакалавра не предусматривала познаний в эконометрии, поэтому я потратил много времени на попытку выяснить, что же это такое. Я пошел и записался на несколько курсов по эконометрии. В процессе обучения я обнаружил, что статистикой вполне можно манипулировать для того, чтобы сделать множество правдоподобных выводов, отражающих предпочтения аналитика.

MAIN была мужской корпорацией. Лишь четыре женщины занимали в ней профессиональные позиции в 1971 г. Однако имелось еще примерно две сотни женщин, которые выполняли работу личных секретарей – каждый вице-президент и руководитель департамента имел личную секретаршу, а всех остальных обслуживал пул стенографисток. Я привык к подобному гендерному перекошу и был поэтому особенно удивлен тем, что произошло однажды в отделе указателей Бостонской публичной библиотеки. Привлекательная брюнетка подошла и села за стол напротив меня. Она выглядела очень необычно в темно-зеленом деловом костюме. Я решил, что она на несколько лет старше меня, и попытался не замечать ее, созная безразличие. Через несколько минут, не говоря ни слова, она пододвинула в мою сторону открытую книгу. В ней содержалась таблица с информацией о Кувейте, которую я искал, и визитная карточка с ее именем – Клодин Мартин – и должностью – специальный консультант в «Chas. T. Main, Inc.». Я взглянул в ее светло-зеленые глаза и она протянула руку.

«Меня попросили помочь вам в обучении», – сказала она. Я не мог поверить, что это случилось со мной.

В начале следующего дня мы встретились на квартире Клодин на Бикон-стрит, в нескольких кварталах от штаб-квартиры MAIN в Пруденшл-Сентр. В течение первого же часа она объяснила мне, что моя позиция крайне необычна и мы должны держать все в тайне. Она сказала, что никто не рассказал мне о специфике моей работы, поскольку никто не был на то уполномочен, за исключением ее. Затем она сообщила мне, что ее задачей является воспитание из меня экономического киллера.

Само название пробудило во мне старые мечты о плаще и кинжале. Я был немало смущен нервическим смехом, который вырвался из меня помимо моей воли. Она улыбнулась и уверила меня, что юмор был одной из причин, по которым они пользуются этим термином. «Кто отнесется к этому серьезно?» – спросила она.

Я признал свое полное невежество по части экономических киллеров. «Вы не одиноки, – засмеялась она, – мы редкая порода и занимаемся грязным бизнесом». Затем она посерьезнела: «Никто не должен знать о вашем занятии, даже ваша жена. Теперь вы должны выбрать. Ваше решение будет окончательным. Однажды вступив в ряды, вы останетесь в них на всю жизнь». После этого она редко использовала полное наименование, мы были просто ЭКи.

Я знаю теперь то, чего не знал тогда, что Клодин имела полное преимущество надо мной, зная перечень моих слабостей, почерпнутый из досье АНБ. Я не знаю, кто ей передал эту информацию – Эйнар, само АНБ, кадровый департамент MAIN или кто-нибудь еще – знаю только, что она воспользовалась ею мастерски. Ее подход, комбинация физического соблазнения и вербального манипулирования, был скроен специально под меня, и все же он соответствовал стандартам оперативных действий, которые я с тех пор наблюдал неоднократно во множестве коммерческих предприятий, когда ставки высоки и велико

стремление добиться успеха в прибыльных сделках. Она знала с самого начала, что я не буду подвергать опасности свой брак, раскрывая наши тайные операции. И она была предельно откровенна в описаниях темной стороны дел, которых ожидают от меня.

Я понятия не имею, кто платил ей зарплату, хотя у меня нет оснований подозревать, что это была не MAIN, указанная на ее визитной карточке. В то время я был слишком наивен, взволнован и ослеплен блеском, чтобы задавать вопросы, которые сегодня кажутся настолько очевидными.

Клодин сказала мне, что у моей работы две главных цели. Во-первых, я должен обосновать огромные международные кредиты, которые будут перенаправлены в MAIN и другие американские компании (такие как «Bechtel», «Halliburton», «Stone amp; Webster» и «Brown amp; Root») с помощью крупных инжиниринговых и строительных проектов. Во-вторых, я должен обеспечить банкротство стран, получающих кредиты (разумеется, после того, как они заплатят MAIN и другим американским подрядчикам), для того, чтобы они были навсегда признательны своим кредиторам и были бы легкой добычей, когда нам понадобятся их услуги, включая военные базы, голоса в ООН или доступ к нефти и другим природным ресурсам.

Моя работа, по ее словам, заключается в предсказании результатов инвестиций миллиардов долларов в страну. Конкретнее, в мою задачу входит проведение оценок экономического роста на двадцать-двадцать пять лет вперед, и выяснение влияния на этот рост различных проектов. Например, если принято политическое решение о предоставлении кредита какой-либо стране в 1 миллиард долларов с целью убедить ее лидеров не допускать сближения с Советским Союзом, то я должен сравнить выгоды от вложения денег в электростанции с выгодами от вложения в национальную сеть железных дорог или телекоммуникации. Или, если мне говорят о том, что стране предложена возможность построения современной энергосистемы, моей задачей является демонстрация того, что эта подобная система обеспечит достаточный экономический рост для обоснования кредита. Критическим фактором в каждом случае является валовой национальный продукт. Победит проект, обеспечивающий максимально высокий среднегодовой прирост ВВП. Если рассматривается только один проект, я должен продемонстрировать, какое впечатляющее действие окажет его реализация на ВВП.

Умалчиваемой особенностью всех этих проектов было то, что все они были предназначены для извлечения огромной прибыли подрядчиками и для того, чтобы осчастливить горстку богатых и влиятельных семейств в странах-реципиентах, а также для укрепления финансовой зависимости и, следовательно, политической лояльности правительств подобных стран по всему миру. Чем больше кредит, тем лучше. Тот факт, что долговое бремя, навешенное на страну, лишит ее беднейших граждан здравоохранения, образования и другого социального обеспечения на много десятилетий, во внимание не принимался.

Клодин и я открыто обсуждали вводящую в заблуждение природу ВВП. Например, рост ВВП может случиться, даже если дополнительный продукт обеспечивает один человек, наподобие владельца энергокомпании, и даже если большинство остального населения обременено национальным долгом. Богатые становятся еще богаче, бедные – еще беднее. Однако со статистической точки зрения, это считается экономическим прогрессом.

Как и американские граждане в общем, большинство сотрудников MAIN верили в то, что мы приносим пользу странам, когда строим электростанции, шоссе и порты. Наши школы и наша пресса учили нас оценивать подобные действия как альтруистические. За эти годы я не раз слышал суждения наподобие этого: «Если они жгут американский флаг и демонстрируют у наших посольств, почему же мы не покинем их проклятую страну и не оставим их валяться в своей нищете?».

Люди, которые говорят подобные вещи, часто имеют дипломы, свидетельствующие о хорошем образовании. Однако эти люди не имеют ни малейшего понятия о том, что мы учреждаем свои посольства по всему миру для обслуживания своих собственных интересов,

которые в течение второй половины двадцатого века стали означать превращение американской республики в глобальную империю. Несмотря на свои дипломы, эти люди столь же необразованны, как те колонисты восемнадцатого века, которые полагали индейцев, сражавшихся за свою землю, слугами дьявола.

Через несколько месяцев я должен был уехать на остров Ява, принадлежащий Индонезии, описываемый тогда, как наиболее перенаселенный участок недвижимости на планете. Индонезия оказалась также богатой нефтью мусульманской страной и рассадником коммунистической заразы.

«Это следующая костяшка домино после Вьетнама, – таким образом Клодин обозначила ее. – Мы должны выиграть индонезийцев. Если они решат присоединиться к коммунистическому блоку, что ж...» Она черкнула пальцем поперек горла и сладко улыбнулась. «Давайте просто скажем, что вы должны нарисовать очень оптимистический прогноз для их экономики, как она вырастет после того, как будут построены все эти электростанции и линии передач. Это позволит USAID и международным банкам обосновать кредиты. Вы, конечно, будете хорошо вознаграждены и сможете перейти к другим проектам в экзотических местах. Мир – ваша тележка покупателя». Она продолжала предупреждать меня, что моя роль окажется очень непростой: «После вас придут эксперты всех банков. Их работа – пробить дыры в ваших прогнозах, за это им платят. Выставив вас плохим парнем, они выставят себя хорошими».

Однажды я напомнил Клодин, что команда MAIN, посылаемая на Яву, включает еще десять человек. Я спросил, учились ли они тому же, что и я. Она заверила меня, что нет.

«Они инженеры, – ответила она. – Они проектируют электростанции, линии передачи, морские порты и дороги для доставки топлива. Вы – единственный, кто предскажет будущее. Ваши прогнозы определяют размеры систем, которые они проектируют. Как видите, вы – ключ».

Каждый раз, выходя из квартиры Клодин, я задавался вопросом, правильно ли я поступаю. Где-то в глубине своего сердца я подозревал, что нет. Но несчастья моего прошлого часто посещали меня. MAIN, казалось, предлагала все, чего мне не доставало в жизни, и все же я продолжал спрашивать себя, одобрит ли меня Том Пэйн. В конце концов, я убедил себя, что узнавая больше, набираясь опыта, я смогу лучше разоблачить это позднее – старая отговорка для внутреннего самооправдания.

Когда я поделился этими соображениями с Клодин, она бросила на меня озадаченный взгляд: «Не будьте смешны. Будучи внутри, вы никогда не выйдете наружу. Вы должны решить для себя перед тем, как влезете поглубже». Я понял ее и то, что она сказала, испугало меня. После того, как я ушел, я прогулялся по Коммонвелс-авеню, повернул на Дартмут-стрит и убедил себя, что я – исключение.

Однажды днем несколько месяцев спустя мы сидели с Клодин в нише у окна и смотрели как на Бикон-стрит падает снег. «Мы – маленький эксклюзивный клуб, – сказала она. – Нам платят – и хорошо платят – за обжуливание стран по всему миру на миллиарды долларов. Большая часть вашей работы состоит в убеждении мировых лидеров становиться частью обширной сети проживания американских коммерческих интересов. В конце концов, эти лидеры должны оказаться пойманными в ловушку паутины долгов, которая гарантирует их лояльность. Мы сможем опереться на них всякий раз, когда того пожелаем, – для удовлетворения наших политических, экономических или военных интересов. В свою очередь, они укрепят свои политические позиции тем, что дадут своему населению технопарки, электростанции и аэропорты. А владельцы американских инжиниринговых и строительных компаний станут баснословно богаты».

Этим днем в идиллической обстановке квартиры Клодин, расслабляясь у окна, пока снаружи кружил снег, я узнал историю профессии, которой собирался овладеть. Клодин описала, как на протяжении всей человеческой истории империи строились в значительной степени посредством военной силы или угрозы ее применения. Но с концом Второй Мировой войны, усилением Советского Союза и перспективой ядерного Холокоста, военное

решение вопроса стало слишком опасным.

Поворотный момент наступил в 1951 г., когда Иран восстал против британской нефтяной компании, эксплуатирующей природные ресурсы Ирана и его население, Эта компания была предшественницей «British Petroleum», сегодня известной как «BP». Очень популярный и демократически избранный иранский премьер-министр (Человек Года журнала «TIME» в 1951 г.) Мохаммед Моссадек национализировал все иранские нефтяные активы. Обескураженная Англия искала помощи у своего союзника по Второй Мировой войне – Соединенных Штатов. Однако обе страны опасались, что военное возмездие спровоцирует вмешательство Советского Союза на стороне Ирана.

Вместо того, чтобы послать морских пехотинцев, Вашингтон отрядил агента ЦРУ Кермита Рузвельта (внука Теодора). Он справился с задачей блестяще, завоевывая людей деньгами и угрозами. Он нанял людей для организации уличных беспорядков и демонстраций с применением насилия, которые должны были создать впечатление непопулярности и неприемлемости Моссадека. В конце концов Моссадек пал и провел оставшуюся часть жизни под арестом. Проамерикански настроенный шах Мохаммед Реза стал бесспорным диктатором. Кермит Рузвельт заложил основы будущей профессии, в которой я намеревался занять определенный ранг.

Гамбит Рузвельта изменил историю Ближнего Востока и сделал устаревшими все старые стратегии строительства империй. Это совпало с началом экспериментов с «ограниченными неядерными военными действиями», которые, в конечном счете, закончились поражениями Америки в Корее и Вьетнаме. К 1968 г., когда я проходил собеседования в АНБ, стало ясно, что если Соединенные Штаты собираются реализовать мечту об империи (очевидно, с помощью людей, подобных президентам Джонсону и Никсону), они должны использовать стратегии по иранскому образцу Рузвельта. Это – единственный путь побить Советы без ядерной войны.

Однако была одна проблема – Кермит Рузвельт был сотрудником ЦРУ. Если бы он был пойман, последствия были бы ужасны. Он организовал первую американскую операцию по свержению иностранного правительства, и было похоже, что потребуется еще много таких операций, но важно было найти подход, в котором не будет замешан непосредственно Вашингтон.

К счастью для стратегов, 1960-е годы были свидетелями еще одной революции – усиления международных корпораций и многонациональных организаций, таких как Всемирный банк и МВФ. Последний финансировался прежде всего Соединенными Штатами и строителями сестры-империи в Европе. Между правительствами, корпорациями и международными организациями стали развиваться симбиотические отношения.

К тому времени, когда я учился в бизнес-школе Бостонского университета, решение проблемы Рузвельт-как-сотрудник-ЦРУ уже удалось. Спецслужбы США – включая АНБ – выявляли перспективных ЭКов, которые могли быть наняты международными корпорациями. Эти ЭКи никогда не получали бы зарплату у правительства, вместо этого они тянули бы свое жалованье из частного сектора. В результате, их грязную работу в случае разоблачения списали бы на жадность корпораций, а не на правительственную политику. Кроме того, корпорации, которые нанимали их, хотя и получали плату от правительственных агентств и их коллег-двойников из международных банков (из денег налогоплательщиков), были свободны от надзора Конгресса и общественного расследования, огражденные растущим множеством юридических барьеров, включая торговые марки, международную торговлю и законы о свободе информации.

«Так что вы видите, – заключила Клодин, – мы только следующее поколение в той гордой традиции, которая началась тогда, когда вы были в первом классе».

Глава 3. Индонезия: Уроки для ЭКа

В дополнение к тому, что я узнавал о своей новой карьере, я читал много книг об Индонезии. «Чем больше вы узнаете о стране прежде, чем посетите ее, тем легче будет ваша работа», – советовала Клодин. Я принял ее слова близко к сердцу.

Когда Колумб поднял паруса в 1492 г., он намеревался достичь именно Индонезии, известной в те времена как Острова Пряностей. В колониальную эпоху Индонезия считалась сокровищем побольше, чем Америка. Ява с ее необыкновенными тканями, легендарными пряностями и богатыми королевствами была драгоценным призом и ареной сражений между испанским, голландскими, португальскими и британскими авантюристами. Голландцы добились триумфальной победы в 1750 г, но несмотря на то, что им покорилась Ява, для завоевания остальных островов им потребовалось еще 150 лет.

Когда японцы вторглись в Индонезию во время Второй Мировой войны, голландцы оказали им лишь небольшое сопротивление. От японской оккупации индонезийцы, особенно яванцы, сильно пострадали. После поражения Японии в Индонезии появился харизматический лидер Сукарно и была объявлена независимость. Через четыре года борьбы, закончившейся 27 декабря 1949 г., Нидерланды спустили свой флаг и вернули суверенитет людям, которые в течение трех столетий не знали ничего, кроме борьбы и колониального рабства. Сукарно стал первым президентом новой республики.

Управление Индонезией оказалось более сложной задачей, нежели разгром голландцев. Совершенно неоднородный архипелаг из более чем 17500 островов оказался кипящим горшком трайбализма, различных культур, десятков языков и диалектов, этнических групп, которые столетиями нянчили старую вражду. Конфликты были часты и жестоки, Сукарно их запретил. Он приостановил деятельность парламента в 1960 г. и объявил себя пожизненным президентом в 1963 г. Он вступал в тесные союзы с коммунистическими правительствами по всему миру в обмен на оружие и военное обучение. Он послал вооруженные советским оружием отряды в соседнюю Малайзию в попытке распространить коммунизм повсюду в Юго-Восточной Азии и заслужить одобрение мировых социалистических лидеров.

Возникла оппозиция и в 1965 г. начался переворот. Сукарно избежал убийства только благодаря своей любовнице. Многим из его высшим офицерам и советников повезло значительно меньше. Происходящее напоминало события 1953 г. в Иране. В конце концов, во всех неурядицах была обвинена Коммунистическая партия, в особенности ее фракция, близкая к Китаю. В последовавшей резне, затеянной военными, было убито от трехсот до пятисот тысяч человек. Глава военных, генерал Сухарто, стал президентом в 1968 г..

После 1971 г. решение Соединенных Штатов соблазнить Индонезию отказаться от коммунизма только укрепилось вследствие сомнительности результатов Вьетнамской войны. Президент Никсон начал частичный вывод войск летом 1969 г. и американская стратегия переориентировалась на более глобальную перспективу. Она сосредоточилась на предотвращении эффекта домино – когда одна страна за другой, подобно костяшкам домино, падали бы в руки коммунистов – и сфокусировалась на нескольких странах, Индонезия была ключевой. План электрификации, подготовленный MAIN, был частью широкого плана обеспечения американского господства в Юго-Восточной Азии.

Внешняя политика США базировалась на предположении, что Сухарто будет служить Вашингтону, как и иранский шах. Соединенные Штаты также рассчитывали, что эта страна послужит образцом для других стран региона. Частью стратегия Вашингтона основывалась на предположении, что выгоды, полученные Индонезией, повлекут положительные последствия для всего мусульманского мира, особенно на взрывоопасном Ближнем Востоке. И, наконец, в Индонезии была нефть. Никто не имел представления о ее качестве и запасах, но сейсмологи нефтяных компаний были полны оптимизма.

По мере внимательного чтения книг в Бостонской публичной библиотеке мое волнение росло. Я начал представлять себе предстоящие приключения. Работая на MAIN, я сменил бурную жизнь Корпуса Мира на роскошную и блестящую. Мое времяпрепровождение с Клодин уже было реализацией одной из фантазий, и все это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но я уже чувствовал себя, по крайней мере, частично подготовленным

для того, чтобы справиться с заданиями, предлагаемыми после этой подготовительной школы.

И еще кое-что случилось в моей жизни. Энн и я перестали жить вместе. Я думаю, это случилось потому, что она почувствовала, что я веду двойную жизнь. Пожалуй, это было также логическим следствием той некоторой неприязни, которую я ощущал к ней за то, что она вынудила нас пожениться. Не имело значения то, что она заботилась обо мне и поддерживала меня во время нашей командировки от Корпуса Мира в Эквадор, я по-прежнему считал, что она воплощает ханжеские стандарты моих родителей. Но, разумеется, оглядываясь назад, я уверен, что главным фактором были мои отношения с Клодин. Я не мог сказать Энн о них, но она догадывалась. Мы решили разъехаться на разные квартиры.

В один из дней 1971 г. примерно за неделю до моего предполагаемого отъезда в Индонезию, придя к Клодин, я обнаружил, что небольшой обеденный стол сервирован сырами и хлебом, а также бутылкой прекрасного божоле. Она подняла тост за меня.

«Вы сделали это, – она улыбнулась, но улыбка ее не показалась мне искренней. – Теперь вы – один из нас».

Мы небрежно поболтали в течение получаса или около того, а после того, как мы прикончили вино, она бросила на меня взгляд, который я никогда раньше не видел. «Никогда и никому не рассказывайте о наших встречах, – сказала она строго. – Я не прощу вам этого, и буду отрицать, что когда-либо встречалась с вами». Она впиалась взглядом в меня и, пожалуй, впервые я ощутил исходящую от нее угрозу, а затем холодно засмеялась: «Разговоры о нас сделали бы вашу жизнь небезопасной».

Я был ошеломлен. Я почувствовал себя ужасно. Но позднее, когда я в одиночестве возвращался назад к Пруденшл-Сентр, я был вынужден признать безупречность схемы. Фактически все наше время мы провели в ее квартире. Не существовало ни единого следа или свидетельства о наших отношениях, и никто в MAIN не был вовлечен в них никоим образом. Но, вместе с тем, я оценил ее честность: она не хитрила со мной на манер моих родителей с Тилтоном и Миддлбери.

Глава 4. Спасение страны от коммунизма

У меня было несколько романтическое представление об Индонезии, стране, где мне предстояло прожить следующие три месяца. Некоторые из книг, которые я читал, были полны фотографий красивых женщин в ярких цветных саронгах, экзотических балийских танцовщиц, шаманов, выдыхающих огонь и воинов, плывущих на длинных выдолбленных каное по изумрудной воде у подножий дымящихся вулканов. Особенно поражали изображения галеонов с черными парусами знаменитых пиратов буги, которые все еще бороздили воды морей архипелага, и наводили на европейских моряков прошлых столетий такой страх, что те, вернувшись домой, пугали ими своих детей: «Веди себя прилично, а то буги заберут тебя...». О, эти картины будоражили мою душу.

История и легенды этой страны изобилуют фантастическими фигурами гневливых богов, драконов Комодо и племенных вождей. Древние сказки задолго до рождения Христа пересекли горы Азии, пустыни Персии и Средиземноморье и проникли в наше коллективное сознание. Сами названия легендарных островов – Ява, Суматра, Борное, Сулавеси – зачаровывают разум. Это была земля мистики, мифов и эротической красоты, неуловимое сокровище, так и не найденное Колумбом, сказочная принцесса, которой добивались, но так и не получили Испания, Голландия, Португалия, Япония, это была мечта и фантазия.

Мои ожидания были высоки, вероятно, как и у великих первооткрывателей. Однако, как и Колумбу, мне надо было ЗНАТЬ, чтобы умерить свои фантазии. Возможно, мне следовало помнить, что, как говорится, маяк сияет на судьбе, которая может оказаться вовсе не той, которую мы ожидаем. Индонезия предложила сокровища, но вовсе не тот волшебный

сундук, который я ожидал. Фактически, мои первые дни, проведенные в столице Индонезии Джакарте летом 1971 г., были отвратительны.

Красота, конечно, была. Очаровательные женщины, носящие красочные саронги. Пышные сады, пылающие тропическими цветами. Экзотические балийские танцовщицы. Велосипеды-такси, причудливо раскрашенные во все цвета радуги, в которых пассажиры на высоких сиденьях располагаются впереди водителя, крутящего педали. Голладские колониальные особняки и остроконечные минареты мечетей. Но была у этого города и уродливая трагическая сторона. Прокаженные, протягивающие к вам окровавленные культы вместо рук. Молодые девчушки, продающие свое тело за несколько монет. Некогда прекрасные голландские каналы превратились в выгребные ямы. Целые семьи, живущие в лачугах из картона на замусоренных берегах рек. Какофония сигналов авто и духота испарений. Красивая и уродливая, изящная и вульгарная, возвышенная и низменная. Это была Джакарта, где аромат гвоздик и цветущих орхидей сражался за превосходство с миазмами открытых канализационных коллекторов.

Мне приходилось видеть нищету раньше. Некоторые из моих одноклассников жили в промозглых лачугах из картонных ящиков и приходили в школу в тонких свитерах и потертых теннисных туфлях в зимние дни, когда температура опускалась ниже нуля, я помню сильный запах их тел, вонявших потом и удобрениями. Я жил в грязи хижин андских крестьян, пища которых состояла почти целиком из высушенного зерна и картофеля, и где иногда казалось, что новорожденный умрет сразу же после своего рождения. Я видел нищету, но это не подготовило меня к Джакарте.

Наша команда размещалась, конечно, в самой роскошной гостинице Джакарты – «Интерконтиненталь Индонезия». Принадлежащая авиакомпании «Pan American Airways», она, подобно остальным гостиницам сети «Интерконтинентала», разбросанным по всему миру, угождала прихотям богатых иностранцев, в особенности, топ-менеджерам нефтяных компаний и их семьям. Вечером первого дня наш менеджер проектов Чарли Иллингворт угощал нас обедом в элегантном ресторане на последнем этаже.

Чарли был помешан на войнах, он посвятил большую часть своего свободного времени чтению книг по истории и исторических романов, посвященных великим полководцам и сражениям. Он был воплощением вояки в кресле, кабинетного солдата вьетнамской войны. Как и всегда, этим вечером на нем были слаксы и рубашка с короткими рукавами цвета хаки с погончиками на военный лад.

После приветствия он зажег сигару. «За хорошую жизнь!», – поднял он бокал с шампанским.

Мы присоединились к нему: «За хорошую жизнь!», – звякнули наши бокалы.

Дым сигары окутал его, Чарли оглядел зал: «Нас избалуют здесь, – сказал он, довольно кивая головой. – Индонезийцы будут очень заботиться о нас. Как и парни из посольства Соединенных Штатов. Но давайте не забывать, что у нас есть задание, которое мы должны выполнить». Он глянул на стопку листов с заметками: «Да, мы должны разработать план электрификации Явы – самой населенной территории в мире. Но это лишь верхушка айсберга».

Выражение его лица стало серьезным, он напомнил мне Джорджа Скотта, играющего генерала Паттона, одного из любимых героев Чарли: «Нам ничего не нужно, кроме спасения этой страны из лап коммунизма. Как вы знаете, у Индонезии длинная и трагическая история. Мы отвечаем за то, чтобы Индонезия не последовала по стопам своих северных соседей – Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Интегрированная энергосистема – ключевой элемент. Это больше, чем что-либо иное, – ну, разве что кроме нефти – обеспечит господство капитализма и демократии.

«Что касается нефти...», – он еще раз затянулся сигарой и поворошил стопку заметок. «Все мы знаем, насколько наша страна зависима от нефти. Индонезия может стать для нас мощным союзником в этом отношении. Поэтому вы должны разработать этот план таким образом, чтобы нефтедобывающая промышленность и все, что ее обслуживает, – порты,

трубопроводы, строительные компании – получали все то, в чем они будут нуждаться в части электричества, на протяжении всего двадцатипятилетнего срока этого плана».

Он поднял глаза от заметок и посмотрел прямо на меня: «Лучше ошибиться в большую сторону, чем недооценить. Вы же не захотите, чтобы на ваших руках была кровь индонезийских детей или наша собственная? Вы же не хотите, чтобы они жили под серпом и молотом или красным флагом Китая!».

Когда я уже лежал в своей кровати этой ночью, в безопасности роскоши первоклассного номера высоко над городом, передо мной встал образ Клодин. Я вспомнил ее рассуждения о внешнем долге и попробовал успокоить себя, вспоминая курсы макроэкономики в школе бизнеса. В конце концов, говорил я себе, я должен помочь Индонезии вырваться из экономики средневековья и занять свое место в современном индустриальном мире. Но я знал, что утром, глядя в свое окно поверх богатства садов и плавательных бассейнов гостиницы, я увижу одни лачуги, заполонившие все на много миль вокруг. Я буду понимать, что младенцы умирают в них от недостатка пригодной для питья воды и продовольствия, что взрослые и дети страдают в них от ужасных болезней и живут в невероятных условиях.

Ворочаясь в своей постели я не мог не признать, что и Чарли, и любой человек из нашей команды находились здесь исключительно из корыстных соображений. Мы продвигали американскую внешнюю политику и американские корпоративные интересы. Нас вела жадность, а вовсе не желание сделать лучше жизнь для большинства индонезийцев. На ум приходило слово «корпоратократия». Я не был уверен, слышал ли я его раньше, или придумал его только что, но было похоже, что оно описывает совершенно новую элиту, которая решила, что вправе управлять планетой.

Это очень тесное сообщество нескольких человек с общими целями, легко перемещающихся с одного поста на другой в советах директоров корпораций и правительственных учреждениях. Меня поразило, что великолепным примером такого человека мог бы служить Роберт Макнамара, тогдашний президент Всемирного банка. Он перешел с должности президента «Ford Motor Company» на пост министра обороны при президентах Кеннеди и Джонсоне и затем занял высший пост в самом мощном финансовом институте мира.

Я осознал, что мои университетские профессора не понимали подлинной природы макроэкономики: во многих случаях рост экономики приводит к тому, что немногие люди, находящиеся наверху пирамиды, становятся много богаче, в то время как большинство внизу не получает ничего и, напротив, опускается еще ниже. В действительности, насаждение капитализма часто приводит к системе, напоминающей средневековые общества. Пожалуй, если кто-то из моих профессоров и знал это, он не смог бы открыто это признать – вероятно, потому, что колледжи спонсируются большими корпорациями и людьми, ими управляющими. Демонстрация правды, несомненно, стоила бы этим профессорам места – так же, как мои открытия могли стоить мне моего.

Эти мысли продолжали тревожить мой сон каждую ночь, проведенную в «Интерконтинентале Индонезия». Мои самооправдания носили глубоко личный характер: я сражался за свой путь прочь из Нью-Гэмпшира, из школы Тилтон, я сражался с призывной комиссией. Благодаря ряду счастливых совпадений и тяжелой работе, мне удалось добиться хорошего места в жизни. Меня успокаивало то, что с точки зрения нашей культуры, я делал правильные вещи. Я должен был стать успешным и уважаемым экономистом. Я делал то, чему меня учили в школе бизнеса. Я помогал осуществлять модель развития, санкционированную лучшими умами во всемирных мозговых центрах.

И тем не менее, далеко за полночь я утешался лишь обещанием самому себе когда-нибудь рассказать миру всю правду. И тогда я смог бы читать самого себя на ночь, как Луи Ламура о ганфайтерах на Диком Западе.

Глава 5. Продажа моей души

Наша команда из одиннадцати человек провела шесть дней в Джакарте, регистрируясь в американском посольстве, встречаясь с чиновниками, занимаясь своими делами и отдыхая у бассейна. Количество американцев, проживающих в «Интерконтинентале» поразило меня. Я получил огромное удовольствие, наблюдая за молодыми красивыми женщинами – женами топ-менеджеров нефтяных и строительных компаний – которые проводили дни в бассейне, а вечера – в полудюжине шикарных ресторанов в самом отеле и поблизости от него.

Затем Чарли перевез нашу команду в Бандунг, город в горах. Климат там был помягче, нищета не так бросалась в глаза и безумия было поменьше. Нам предоставили правительственный дом для гостей, известный как Висма, вместе с менеджером, поваром, садовником и штатом прислуги. Выстроенная еще при голландцах, Висма была очень уютным местом. Ее просторная веранда выходила на плантации чая, расстилавшиеся на холмах и склонах вулканических гор Явы. Помимо жилья, нам предоставили одиннадцать «тойот»-внедорожников с водителями и переводчиками. Наконец, нам презентовали членство в эксклюзивном гольф-клубе Бандунга и мы заняли несколько офисов в местной штаб-квартире «Perusahaan Umum Listrik Negara» (PLN), государственной электрической компании.

Первые несколько дней в Бандунге я провел, встречаясь с Чарли и Говардом Паркером. Говарду было за семьдесят и был он отставным менеджером, отвечавшим за прогнозирование нагрузки в «New England Electric System». Сейчас он нес ответственность за определение требуемого количества электроэнергии и генерирующих мощностей для Явы на ближайшие двадцать пять лет, а также за разбиение этих прогнозов по городским и сельским районам. Поскольку потребность в электроэнергии сильно коррелирует с экономическим ростом, прогноз Говарда зависел от моего. Остальная часть нашей команды была занята разработкой плана электрификации, определяя местоположение и проектируя электростанции, линии передачи, систему транспортировки топлива наиболее эффективным образом в соответствии с нашими прогнозами. Во время наших встреч Чарли постоянно подчеркивал важность моей работы и дразнил меня требованиями оптимизма в моей работе. Клодин была права – я был ключом ко всему плану электрификации.

«Первые несколько недель, – объяснял Чарли, – мы посвятим сбору данных».

Он, Говард и я сидели в больших ротанговых креслах в шикарном кабинете у Чарли. Стены были украшены батиком с изображением эпических сцен из древнеиндуистской Рамаяны. Чарли попыхивал толстой сигарой.

«Инженеры соберут воедино детальную картину существующей энергосистемы, пропускной способности портов, автомобильных и железных дорог и все тому подобное». Он нацелился сигарой в меня: «Вам надо действовать быстро. К концу первого месяца Говард должен получить отличную картину экономического чуда, которое случится, когда мы сделаем свое дело. До конца второго месяца он будет собирать детальную информацию – для разнесения по регионам. В последний месяц мы будем заполнять лакуны. Это критично. Нам потребуются все наши мозги. Потому что перед тем, как мы уедем, мы должны быть уверены, что собрали всю информацию, которая нам нужна. В День Благодарения дома – вот мой девиз. Сюда незачем возвращаться».

Говард производил впечатление доброго дедушки, но на самом деле был ожесточившимся стариком, чувствовавшим себя обманутым жизнью. Он так и не достиг вершин в «New England Electric System» и был глубоко обижен на это. «Пролетел, – повторял он мне неоднократно, – потому что отказался брать их сторону». Его вынудили уйти на пенсию, но он не мог и представить спокойную жизнь дома с женой и стал консультантом в MAIN. Это была его вторая командировка и Эйнар с Чарли предупреждали меня, чтобы я был с им поосторожнее, описывая его как упрямого, скупого и мстительного человека.

Как оказалось, Говард был одним из самых мудрых советчиков, но тогда я не был готов принять его советы. Он не проходил инструктажа у Клодин, как я. Полагаю, они сочли его

слишком старым или, наверное, слишком упрямым. Возможно, его просто наняли на короткое время, до того как заполучат более гибкую личность на постоянную работу, наподобие меня. В любом случае, с их точки зрения, он оказался проблемой. Говард ясно понимал ситуацию и то, чего от него хотели, и он не собирался быть послушным. Все слова, которыми его описывали Эйнар и Чарли, оказались правдой, но, по крайней мере, часть его упрямства проистекала из его нежелания прислуживаться. Я сомневаюсь, что он когда-нибудь слышал термин «экономический киллер», но он понимал, что они собираются использовать его, для того, чтобы продвинуть тот империализм, который он не принимал.

Он отозвал меня в сторонку после одной из встреч с Чарли. Он носил слуховой аппарат и поиграл с его небольшой коробочкой управления, которую крепил под рубашкой.

«Строго между нами, – сказал Говард спокойным образом. Мы стояли у окна кабинета, который мы занимали вдвоем, выходящего на канал с застойной водой рядом с офисом PLN. Молодая женщина купалась в его грязной воде, пытаюсь сохранить подобие скромности, укрывая саронгом обнаженное тело. „Они будут убеждать тебя, что эта экономика собирается взлететь, – сказал он. – Чарли безжалостен. Не позволяй ему заполучить тебя“.

Его слова заставили меня почувствовать, что я тону, но я почувствовал также и желание убедить его, что Чарли прав, в конце концов, моя карьера зависела от угождения боссам MAIN.

«Определенно, эту экономику ждет бум, – сказал я, отводя глаза в сторону, на женщину в канале. – Увидите, как это случится».

«Значит, и ты..., – пробормотал он, очевидно, не уверенный в происходящем. – Значит, ты уже взял их сторону?...»

Движение у канала привлекло мое внимание. Пожилой человек спустился по берегу, спустил штаны и присел на корточки у края воды, чтобы справить природную нужду. Я отвернулся от окна и посмотрел прямо на Говарда.

«Я много где побывал, – сказал я. – Может быть, я и молод, но я только что вернулся после трех лет в Южной Америке. Я видел, что случается, когда находят нефть. Положение меняется быстро».

«О, я тоже много где побывал, – насмешливо ответил он. – Чертовски много лет. Я скажу вам кое-что, молодой человек. Я не дам и гроша ломаного за ваше открытие нефти и все такое. Я предсказывал нагрузку сетей всю свою жизнь – во время Депрессии, во время Второй Мировой, во время бума... Я видел, что сделало для Бостона 128-е шоссе, Чудо штата Массачусетс. И я могу сказать наверняка, что никакая нагрузка никогда не растет более чем на 7-9 процентов в год. И это в самые лучшие времена. Шесть процентов – куда более разумно».

Я уставился на него. Часть меня подозревала, что он прав, но я чувствовал себя способным защититься. Я знал, что должен убедить его, помтоу что моя собственная совесть нуждалась в оправданиях.

«Говард, это не Бостон. Это страна, где до сих пор никто даже не мог получить электричество. Положение сильно отличается».

Он развернулся на пятках и махнул рукой, словно отгоняя меня в сторону.

«Убирайся! – зарычал он. – Распродажа! Я не дам ломаного гроша за то, что вы делаете». Он выдернул стул из-за стола и упал на него. «Я буду делать свои прогнозы, основанные на своих убеждениях, а не на воздушных экономических штудиях». Он схватил карандаш и начал что-то набрасывать на бумаге.

Это был вызов, который я не мог игнорировать. Я подошел и встал перед его столом.

«Вы будете выглядеть полным идиотом, если я приду с тем, чего все ожидают, – этот бум будет соперничать с калифорнийской золотой лихорадкой – а вы предскажете рост потребления энергии, как в Бостоне в 1960-х».

Он бросил карандаш и впился в меня взглядом: «Бессовестный! Вот, что это значит. Вы, все вы... – он замахал руками. – Вы продали ваши души дьяволу... Вы делаете это за

деньги. Теперь, – он изобразил улыбку, – я выключаю мой слуховой аппарат и возвращаюсь к работе...».

Это поразило меня до глубины души. Я побрел из комнаты и направился в кабинет Чарли. На полпути к нему я остановился, сомневаясь, стоит ли делать то, что я собирался. Вместо этого я повернулся и пошел по лестнице вниз, к двери, на солнечный свет дня. Молодая женщина выходила из воды, завернутая в саронг, старик исчез. Несколько мальчишек играли в канале, плескаясь и крича друг на друга. Пожилая женщина стояла по колению в воде и чистила зубы одной рукой. Другой рукой она чистила одежду.

Огромный комок рос у меня в горле. Я сел на сломанную бетонную плиту, попробовав не замечать вонь из канала. Я с трудом сдерживал слезы, и мне надо было понять, почему я чувствую себя таким несчастным.

Вы делаете это за деньги. Я слышал эти слова Говарда вновь и вновь. Он задел обнаженный нерв.

Мальчишки продолжали плескаться, их ликующие голоса заполняли все вокруг. Я задавался вопросом, что же я могу сделать. Что требуется, чтобы стать беззаботным, подобно им? Вопрос мучил меня в то время, как я сидел, глядя на них, невинно забавляющихся и, очевидно, не сознающих опасности, которой они подвергаются в этой воде. Горбатый старик с тростью хромал по высокому берегу канала. Он остановился, наблюдая за детьми, и лицо его скривилось в беззубой усмешке.

Возможно, мне следовало довериться Говарду и вместе мы смогли бы найти решение. Я немедленно почувствовал некоторое облегчение. Я подобрал маленький камешек и швырнул его в канал. Как исчезли круги на воде, так исчезла и моя эйфория. Я знал, что я не смогу сделать ничего подобного. Говард был стар и ожесточен. Он уже отверг возможность сделать свою карьеру. Не смог бы он сделать ее и сейчас. Я же был молод и не хотел закончить подобно ему.

Глядя в воду того гнилого канала я вновь видел картины нью-гэмпширской школы на холме, где я проводил каникулы в одиночестве, когда другие мальчишки разрезжались. Медленно я осознавал печальный факт. Я опять был один и мне не с кем было поговорить.

Той ночью, лежа в кровати, я долго думал о людях, с которыми меня свела жизнь – о Говарде, Чарли, Клодин, Энн, Эйнаре, дяде Франке – задаваясь вопросом, на что была бы похожа моя жизнь, если бы я никогда не встретил их. Где я жил бы? Наверняка, не в Индонезии. Я задавался также вопросом о будущем, которое меня ожидает. Я обдумывал решение задачи, стоящей передо мной. Чарли объяснил, что он ждет от Говарда и меня обоснования темпов роста в 17 процентов за год. Какой же прогноз я должен сделать?

Внезапно ко мне пришла успокаивающая мысль. Почему же она не пришла раньше? Ведь решение зависит не только от меня. Говард сказал, что он сделает то, что считает нужным, независимо от моих заключений. Я мог идти к своим боссам с отличным экономическим прогнозом, он предоставит собственное заключение, и моя работа не повлияла бы на план электрификации никоим образом. Они продолжали подчеркивать важность моей работы, но они были неправы. Камень упал с души и я погрузился в глубокий сон.

Через несколько дней Говард свалился с сильной амебной инфекцией. Мы отвезли его в госпиталь католических миссионеров. Доктора предписали требуемое лечение и настоятельно рекомендовали отправить его немедленно в Соединенные Штаты. Гордон заверил нас, что у него уже есть все данные и он может легко закончить прогноз нагрузки в Бостоне. Его слова, обращенные ко мне при прощании, были последним предупреждением:

«Не надо надувать цифры, – сказал он. – Я не буду жульничать вместе с вами, что бы вы там ни говорили о чудесах экономического роста!».

Часть II: 1971-1975

Глава 6. Моя роль как инквизитора

Наши контракты с индонезийским правительством, Азиатским Банком Развития и USAID предусматривали посещение кем-то из нашей команды основных населенных центров региона, охваченного планом электрификации. Выполнять это условие назначили меня. Как выразился Чарли: «Вы выжили на Амазонке, вы знаете, как обращаться с насекомыми, змеями и тухлой водой».

Вместе с водителем и переводчиком я посетил много красивых мест и ночевал в довольно мрачных заведениях. Я встречался с местными деловыми и политическими лидерами и выслушивал их мнение об экономическом росте. Однако большинство из них отказывалось делиться со мной информацией. Казалось, их пугает мое присутствие. Как правило, они говорили мне, что я должен поговорить с их боссами, с правительственными агентствами, в штаб-квартирах корпораций. Иногда мне казалось, что против меня затеян какой-то заговор.

Поездки обычно были короткими, не более двух-трех дней. В промежутках я возвращался в Висму в Бандунге. У женщины, руководившей нашим обслуживанием был сын по имени Расмон, но для всех, кроме матери, он был просто Раси. Студент экономического факультета, он немедленно проявил интерес к моим занятиям. Впрочем, я подозреваю, что он сблизился со мной в надежде получить работу. Он также начал меня учить индонезийскому языку бахаса.

Создание языка, несложного для освоения, было высшим приоритетом президента Сукарно после завоевания независимости от Нидерландов.

В архипелаге говорят более чем на 350 языках и диалектах, и Сукарно понял, что его стране для объединения людей всех островов и культур нужен общий язык. Он нанял международный коллектив лингвистов и очень успешным результатом их работы стал язык бахаса. Основанный на малайском, он свободен множества исключений, неправильных глаголов и других сложностей, присущих большинству языков. К началу 1970х гг. большинство индонезийцев говорили на бахаса, хотя в своих общинах они продолжали говорить на яванском и других местных языках. Раси был хорошим учителем с замечательным чувством юмора, а бахаса был легок в изучении по сравнению с языком шуаров или даже испанским.

У Раси был мотороллер и он намеревался показать мне город и его людей. «Я покажу вам ту сторону Индонезии, которую вы не видели», – пообещал он мне однажды вечером, приглашая меня вскочить на сиденье позади него.

Мы проезжали театры марионеток и теней, музыкантов, игравших на народных инструментах, пожирателей огня, жонглеров и уличных продавцов, продающих все, что только можно представить, от контрабандных американских кассет до местных сувениров. Наконец мы очутились в крошечном кафе, заполненном молодыми людьми, одежда, головные уборы и прически которых были бы уместны на концерте Биттлз в конце 1960-х гг., однако все они были индонезийцами. Раси представил меня группе вокруг стола и мы сели.

Они все говорили по-английски, с разной степенью беглости, но им понравились мои попытки говорить на бахаса. Они сказали об этом прямо и спросили, почему американцы никогда не учат их язык. И я не мог объяснить, почему я был единственным американцем или европейцем в этой части города, при том, что нас всегда было множество в гольф-клубе, шикарных ресторанах, кинотеатрах и престижных университетах.

Это была ночь, которую я навсегда запомнил. Раси и его друзья обращались ко мне как одному из них. Я наслаждался эйфорией пребывания там, тем, что делю с ними город, еду и музыку, сигареты с гвоздикой и другие ароматы, которые были частью их жизни, тем, что шучу и смеюсь вместе с ними.

Это вновь и вновь походило на Корпус Мира и я опять задавался вопросом, почему я хочу путешествовать первым классом и отделиться от людей, подобных этим. С течением

ночи они все больше и больше интересовались моими мыслями об их стране и о войне, которую моя страна вела во Вьетнаме. Всем им не нравилось то, что они называли «незаконным вторжением», и они хотели, чтобы я разделил их чувства.

Когда Раси и я вернулись в дом для гостей, было уже поздно и темно. Я поблагодарил его за приглашение в свой мир, а он меня – за откровенность с его друзьями. Мы пообещали сделать это снова, обнялись и разошлись по своим комнатам.

Этот опыт с Раси поощрил меня проводить больше времени подальше от команды MAIN. На следующее утро во время встречи с Чарли я пожаловался ему, что взбешен неудачными попытками получить информацию от местных жителей. Кроме того, большинство статистических данных, которые мне были нужны для прогнозирования, я могу получить только в правительственных учреждениях в Джакарте. Чарли и я решили, что мне надо провести неделю-другую в столице.

Он посочувствовал мне в необходимости покинуть Бандунг ради кипящей столицы, а я выражал недовольство этим. На самом же деле, меня возбуждала идея побыть некоторое время в одиночестве, исследовать Джакарту и пожить в элегантном «Интерконтинентале Индонезия». Но в Джакарте я обнаружил, что смотрю на жизнь уже под другим углом зрения. Ночь, проведенная с Раси и молодыми индонезийцами, как и мои путешествия по стране изменили меня. Я видел своих товарищей американцев в другом свете. Молодые жены уже не казались столь красивыми. Защитная цепь вокруг бассейна и стальные решетки на окнах нижних этаже, которые я заметил только теперь, казались зловещими. Еда в шикарных ресторанах гостиницы казалась безвкусной.

Я заметил кое-что еще. Во время моих встреч с политическими и деловыми лидерами я увидел лукавство, с которым они общались со мной. Я не чувствовал этого прежде, но теперь я видел, что многим из них неприятно мое присутствие. Например, когда они представляли меня друг другу. Они называли меня словами бахаса, которые, согласно моему словарю переводились как инквизитор и следователь. Я намеренно не раскрывал свое знание бахаса – даже мой переводчик знал, что я владею лишь несколькими фразами – и я купил хороший бахаса-английский словарь, который часто использовал и после своего отъезда из Индонезии.

Были ли эти именованья всего лишь языковыми совпадениями? Неправильным толкованием в словаре? Я пробовал убедить себя, что были. И все же, чем больше я проводил времени с этим людьми, тем более убеждался, что я чужак, что кто-то сверху спустил вниз приказ о сородничестве, и у них нет иного выбора, кроме как подчиниться. Я понятия не имел, был ли этот кто-то правительственным чиновником, банкиром, генералом или американским дипломатом. Все, что я знал, так это то, что хотя они приглашали меня в свои офисы, предлагали мне чай, вежливо отвечали на мои вопросы и казалось, рады моему появлению, в глубине всего этого таилась тень неприятия и злобы.

Это заставило меня задуматься об их ответах на мои вопросы и о достоверности их данных. Например, я никогда не мог просто пойти в чей-то офис, сначала всегда надо было договориться о встрече. Само по себе это не было странным, за исключением того, что добиться этого было невероятно трудоемким делом. Поскольку телефоны плохо работали, мы вынуждены были бы продвигаться по настолько забитым пробками улицам, что для того, чтобы попасть к зданию, находящемуся всего в одном квартале, мог потребоваться целый час. Затем нас попросили бы заполнить несколько форм. Наконец, появился бы молодой секретарь. Вежливо – со знаменитой яванской улыбкой – он расспросил бы меня о том, какая информация мне нужна, и затем назначил бы время встречи.

Встреча обязательно была бы назначена лишь через несколько дней, а когда бы она, наконец, состоялась, мне бы вручили папку с готовыми материалами. Промышленники вручили бы мне пяти- или десятилетние планы, банкиры – диаграммы и графики, а правительственные чиновники – списки проектов в стадии движения от листка бумаги до готовности стать двигателем экономического прогресса. Все, что предлагали эти зубры из коммерции и правительства, и все, что они говорили во время встреч, указывало на то, что

Ява готова к самому большому буму со времен существования мировой экономики. Никто, ни один человек, никогда не подвергал сомнению эту посылку и никто не давал мне никакой опровергающей информации.

Когда я ехал назад в Бандунг, я спрашивал себя об всем этом, и кое-что меня очень тревожило. Мне пришло в голову, что все, что я делаю в Индонезии, больше походит на игру, чем на реальность. Это напоминало игру в покер. Мы держали наши карты закрытыми. Мы не могли доверять друг другу или рассчитывать на достоверность информации, которую используем вместе. И все же, эта игра была смертельно серьезна, и ее результат будет влиять на жизни миллионов людей в течение многих будущих десятилетий.

Глава 7. Цивилизация перед судом истории

«Я отвезу вас к далангу, – сиял Раси, – вы должны знать, это такие знаменитые индонезийские мастера кукол». Он явно был рад видеть меня снова в Бандунге: «Сегодня в городе будет нечто очень важное»,

Он провез меня на своем мотороллере через районы города, о существовании которых я даже не подозревал, через районы, заполненные традиционными яванскими домами-кампонгами, которые напоминали крошечные храмы с черепичными крышами, только очень бедные. Мы уехали от величественных голландских особняков и офисных зданий. Люди были заметно бедны, однако вели себя с большим достоинством. Они носили поношенные но чистые саронги из батика, яркие цветные рубашки и широкополые соломенные шляпы. Всюду, где бы мы ни проезжали, нас встречали улыбки и смех. Когда мы остановились, ко мне подбежали дети и стали щупать ткань моих джинсов. Одна маленькая девочка прикрепила благоухающий цветок к моим волосам.

Мы оставили мотороллер на тротуаре у театра, где собралось несколько сотен человек, одни стояли, другие сидели на складных стульчиках. Ночь была ясной и безоблачной. Хотя мы находились в самом центре Бандунга, тут не было никаких уличных фонарей, поэтому звезды отражались в наших глазах. Воздух был наполнен запахами горящих ароматических палочек, арахиса и гвоздики.

Раси исчез в толпе и вскоре вернулся с молодым человеком, которого я видел тогда в кафе. Они предложили мне чай, небольшие пирожки и сате, крошечные кусочки мяса жареного в арахисовом масле. Вероятно, я заметно колебался насчет последнего, потому что одна из женщин, показав на маленький костер, засмеялась: «Очень свежее мясо, только что приготовленное».

Затем заиграла музыка – неиссякаемо волшебные звуки гамалонга, инструмента изображающего храмовые колокольчики.

«Даланг сам играет на всех инструментах, – прошептал Раси. – Он управляет всеми марионетками и говорит их голосами. Мы будем переводить вам».

Это было замечательное представление, в котором сплелись старинные легенды и современные события. Позднее я узнал, что даланг, подобно шаману, во время представления находится в трансе. У него было более сотни марионеток и за каждую он говорил другим голосом. Это была ночь, которую я никогда не забуду и которая повлияла на мою жизнь.

После завершения классического набора из текстов Рамаяны, даланг вывел марионетку Ричарда Никсона с характерным длинным носом и слабым подбородком. Американский президент был одет в звездно-полосатый цилиндр и фрак с длинными фалдами, подобно дяде Сэму. Его сопровождала еще одна кукла в костюме-тройке в тонкую полоску. Вторая марионетка держала в руке ведро, на котором были нарисованы знаки доллара. Второй рукой она угодливо махала американским флагом над головой Никсона на манер опала.

Позади них появились карты Ближнего и Дальнего Востока, различные страны были подвешены на крючках на соответствующих местах. Никсон подбежал к карте, сорвал

Вьетнам с его крючка и засунул в рот. Он что-то кричал, мне перевели это как: «Горький! Мусор! Нам он больше не нужен!». Затем он бросил его в ведро и стал делать то же самое с другими странами.

Я был удивлен, однако, заметив, что он не трогает страны-домино Юго-Восточной Азии, а занялся ближневосточными – Палестиной, Кувейтом, Саудовской Аравией, Ираком, Сирией и Ираном. Затем он повернулся к Пакистану и Афганистану. Каждый раз кукла Никсона изрыгала брань в адрес страны, бросаемой в ведро, и всякий раз она была антиисламской: «мусульманские собаки», «чудовища Мухаммеда», «исламские дьяволы».

Толпа заволновалась, напряжение повышалось с каждой новой страной, отправляемой в ведро. Казалось, они разрываются между приступами смеха, шока и гнева. Время от времени, я чувствовал, им обидны слова кукольника. Я почувствовал страх, я выделялся в этой толпе своим ростом боялся, что они направят свой гнев на меня. Тогда Никсон сказал кое-что, что заставило мои волосы зашевелиться, когда Раси перевел мне его слова.

«Отдайте это Всемирному банку. Посмотрим, смогут ли они сделать для нас немного денег из Индонезии». Он сорвал Индонезию с крючка и стал медленно опускать ее в ведро, но в этот момент еще одна марионетка выпрыгнула из тени. Эта кукла представляла индонезийца в шелковой рубашке и слаксах хаки с четко отпечатанным именем.

«Популярный политик Бандунга», – объяснил Раси.

Эта марионетка буквально ворвалась между Никсоном и Человеком с ведром и схватила президента за руку.

«Остановитесь! – закричала кукла. – Индонезия – суверенная страна!».

Толпа взорвалась аплодисментами. Тогда Человек с ведром поднял свой флаг и ударил им, как копьём индонезийца, который задергался и очень картинно умер. Публика заорала, закричала, зашикала, стала потрясать кулаками. Никсон и Человек с ведром стояли на своем месте и смотрели на нас. Затем они поклонились и покинули сцену.

«Мне кажется, мне лучше уйти», – сказал я Раси.

Он обнял меня за плечи, защищая. «Все нормально, – сказал он. – Никто ничего не имеет против вас лично». Я был не настолько уверен.

Позднее мы все подались в кафе. Раси и другие уверяли меня, что они ничего не знали о предстоящем номере с Никсоном и Всемирным банком. «Вы никогда не знаете, чего ожидать от кукольника», – заметил один из молодых людей.

Я громко осведомился, не было ли это устроено в мою честь. Кто-то засмеялся и сказал, что у меня слишком большое самомнение. «Типичное для американцев», – добавил он, дружески похлопав меня по спине.

«Индонезийцы очень чувствительны к политике, – заметил человек, сидящий рядом со мной в кресле. – Разве американцы не ходят на шоу, подобные этим?»

Красивая женщина с университетским английским, сидевшая за столом напротив меня, спросила: «Но вы ведь действительно работаете на Всемирный банк, не так ли?»

Я сказал ей, что работаю сейчас на Азиатский Банк Развития и USAID.

«Разве это не то же самое? – Она не ждала ответа. – Разве не это показывали в сегодняшней пьесе? Разве ваше правительство не рассматривает Индонезию лишь как гроздь...». Она стала подыскивать слово.

«Винограда», – подсказал один из ее друзей.

«Точно. Гроздь винограда. У вас есть возможность привередничать. Сохранить Англию. Съесть Китай. И выбросить Индонезию».

«После того, как вы заберете всю нашу нефть», – добавила другая женщина.

Я пробовал защищаться, но это было мне не по силам. Мне хотелось гордиться тем, что я посетил в эту часть города и анти-американское представление, которое могло стать опасным лично для меня. Я хотел, чтобы они оценили мою отвагу, и знали, что я единственный из моей команды потрудился изучить бахаса и интересуюсь их культурой, чтобы они заметили, что я был единственным иностранцем на представлении. Но я решил, что будет более разумно не поднимать эту тему. Вместо этого я решил перевести беседу на

другое. Я спросил их, как они думают, почему даланг перешел после Вьетнама к мусульманским странам.

Мне ответили со смехом на хорошем английском: «Потому что в этом состоит весь план».

«Вьетнам – лишь отвлекающий маневр, – вставил один из мужчин, – как Голландия для нацистов. Ступенька».

«Настоящая цель, – продолжила женщина, – мусульманский мир».

Я не мог оствить это без ответа. «Позвольте, – запротестовал я, – вы же не считаете Соединенные Штаты антиисламской страной?»

«Разве нет? – спросила она. – С каких это пор? Вам надо почитать одного из ваших же историков, британца по имени Тойнби. В конце пятидесятых он предсказывал, что настоящая война в следующем столетии развернется не между коммунистами и капиталистами, а между христианами и мусульманами».

«Арнольд Тойнби сказал это?», – я был ошеломлен.

«Да. Прочитайте „Цивилизацию перед судом истории“ и „Мир и Запад“».

«Но откуда взяться такой вражде между мусульманами и христианами?» – спросил я.

Они обменялись взглядами через стол. Казалось, они с трудом верили, что я задал такой глупый вопрос.

«Потому что, – она стала выговаривать слова медленно, как будто обращаясь к кому-то очень непонятливому или плохо слышашему, – Запад, в особенности, его лидер США, намерен взять под свой контроль весь мир и стать самой большой империей в истории. Он уже очень близок к успеху».

Сейчас на его пути стоит Советский Союз, но Советскому Союзу не устоять. Тойнби должен был видеть это. У них нет никакой религии, никакой веры, ничего сущного, стоящего за их идеологией. История показала, что вера – это душа, вера во власть, высшую над человеческой – есть квинтэссенция. У нас, у мусульман это есть. У нас этого даже больше, чем у кого-либо еще в мире, даже больше, чем у христиан. Так что мы ждем. Мы становимся сильными».

«И мы дождемся своего часа, – вмешался один из мужчин. – И тогда ударим, подобно змее».

«Какая ужасная мысль! – Я едва сдерживался. – Что же мы можем сделать, чтобы изменить это?»

Женщина с хорошим английским посмотрела мне прямо в глаза: «Перестаньте быть такими жадными, – ответила она, – и такими эгоистичными. Поймите, что в мире есть еще кое-что, кроме ваших огромных зданий и складов. Люди голодают, а вы думаете лишь о бензине для своих автомобилей. Младенцы умирают от жажды, а вы листаете модные журналы в поисках последних моделей. Страны, подобные нашей, утопают в нищете, но вы даже не слышите наших криков о помощи. Вы затыкаете уши, когда вам говорят подобные вещи. Вы клеите ярлыки радикалов и коммунистов. Вы должны открыть свои сердца бедным и растоптанным, вместо того, чтобы тащить их в нищету и рабство. У вас не так много осталось времени. Если вы не изменитесь, вы обречены».

Несколько дней спустя популярный политик Бандунга, марионетка которого противостояла Никсону и была пронзена Человеком с ведром, был сбит насмерть машиной, которая скрылась с места происшествия.

Глава 8. Иисус под другим углом зрения

Даланга я запомнил надолго. Как и женщину с хорошим знанием английского языка. Эта ночь в Бандунге вывела меня на новый уровень понимания и ощущения происходящего. До сих пор я не мог полностью отрицать важность того, что мы делаем в Индонезии, мои реакции отражали мои эмоции, и я обычно успокаивал себя тем, что обращался к разуму,

историческим примерам и биологическому императиву. Я оправдывал наши действия жизненной необходимостью, убеждая себя в том, что Эйнар, Чарли и остальные поступают так, просто заботясь о своих семьях.

Мои же дискуссии с молодыми индонезийцами, однако, вынудили меня посмотреть на другой аспект проблемы. Их глазами я увидел, что эгоизм во внешней политике не идет на пользу будущим поколениям. Он близорук, подобно годовым отчетам корпораций и стратегиям политических лидеров, формирующих эту внешнюю политику.

Как оказалось, данные, которые мне были нужны, требовали частых визитов в Джакарту. Я воспользовался этим временем, чтобы хорошо обдумать все это и сделать записи в своем дневнике. Я блуждал по улицам города, подавая нищим, и пытался вовлечь в разговор прокаженных, проституток и уличных мальчишек.

Тем временем, я обдумывал природу иностранной помощи, и пытался понять каким наилучшим образом развитые страны могли бы помочь облегчить нищету и страдание в странах третьего мира. Я спросил себя, когда иностранная помощь является подлинной и когда продиктована лишь жадностью и корыстью. Я задумался, является ли подобная помощь всегда альтруистической. Я был уверен, что страны, подобные моей собственной, должны принять все меры для помощи больным и голодающим всего мира, и я был точно так же уверен, что очень редко – если вообще когда-либо – это было главным мотивом для нашего вмешательства.

Я все время возвращался к главному вопросу: если целью иностранной помощи является империализм, правильно ли это? Я часто завидовал людям, подобным Чарли, которые настолько верили в нашу систему, что полагали необходимым насаждать ее во всем остальном мире. Я сомневался, позволит ли недостаток ресурсов жить всему миру по образцу Соединенных Штатов, при том, что даже в самих Соединенных Штатах миллионы людей живут очень бедно. К тому же мне было далеко не очевидно, что все люди в других странах хотят жить, как мы. Наша собственная статистика насилия, депрессий, употребления наркотиков, разводов и преступлений показывала, что хотя наше общество и относится к самым богатым в истории, оно, пожалуй, еще и одно из наименее счастливых. Почему же мы хотим, чтобы другие нам подражали?

Возможно, Клодин предупреждала меня об этом. Я больше не был уверен, что в точности понял то, что она хотела сказать мне. В любом случае, интеллектуальные игры остались позади, и время моей невинности прошло. Я написал в своем дневнике:

Невиновен ли кто-либо в США? Хотя находящиеся на вершине экономической пирамиды получают практически все, миллионы из нас тоже прямо или косвенно извлекают для своего существования средства от эксплуатации стран третьего мира. Ресурсы и дешевая рабочая сила, которые питают нашу коммерцию, прибывают из стран, подобных Индонезии, и лишь крохи возвращаются назад. Иностранные кредиты гарантируют, что сегодняшние дети и их внуки этих стран останутся заложниками ситуации. Они должны позволить нашим корпорациям разорять природные ресурсы своих стран и отодвинуть образование, здравоохранение и социальное обеспечение на задний план в пользу выплат долгов нам. Тот факт, что наши собственные компании уже получили большинство этих денег за строительство электростанций, аэропортов и технопарков, не влияет на положение вещей. Делает ли невинными большинство американцев то, что они ничего об этом не знают? Неинформированными или дезинформированными – да, но невинными?

Конечно, я понимал, что сейчас меня надо причислить к активным дезинформаторам.

Призрак войны за веру тревожил меня, и чем дальше я вглядывался в него, тем более вероятной мне казалась эта война. Мне казалось лишь, что этот джихад случится не столько в виде войны мусульман с христианами, сколько в виде войны стран третьего мира, возможно с мусульманами во главе, против развитых стран. Мы в развитых странах являемся потребителями ресурсов, а страны третьего мира – их поставщиками. Это – колониальная система, созданная для того, чтобы страны, обладающие мощью и силой, но испытывающие недостаток ресурсов, эксплуатировали страны, владеющие ресурсами, но слишком слабые,

чтобы защитить себя.

У меня не было с собой книги Тойнби, но я знал, что история гласит, что поставщики ресурсов, которых достаточно долго эксплуатируют, непременно восстают. Достаточно было вспомнить Американскую революцию и Тома Пэйна. Я припомнил, что Великобритания оправдывала свои налоги военной защитой колоний от французов и индейцев. Колонисты имели на этот вопрос совершенно другую точку зрения.

То, что Пэйн предложил соотечественникам в своем блестящем «Здравом смысле» было той душой, о которой говорили мои молодые индонезийские друзья, – идеей, верой в правосудие высшей власти, религией свободы и равенства, диаметрально противоположной британской монархии и ее элитарной классовой системе. То, что предлагали мусульмане, было очень похоже: вера в высшую силу и уверенность в том, что ни одна страна в мире не имеет права эксплуатировать другие страны. Подобно колонистам-минитменам, мусульмане угрожали борьбой за свои права, а мы, подобно британцам 1770-х называли это терроризмом. Казалось, история повторяется.

Я спрашивал себя, в каком мире довелось бы нам жить, если бы Соединенные Штаты и их союзники обратили все деньги, потраченные на колониальные войны, подобные вьетнамской, на борьбу с мировым голодом, на распространение образования и основ здравоохранения, доступных для всех, включая наших собственных граждан. Я спрашивал себя, как отразилось бы на будущих поколениях то, что мы предприняли бы для устранения причин неблагополучия, для защиты водных бассейнов, лесов и других природных богатств, которые обеспечивают чистый воздух, воду и прочее, что питает наш дух и наше тело. Я не думаю, что Отцы-Основатели предполагали право на жизнь и свободу исключительным для одних американцев, так почему же мы теперь воплощаем те стратегии и империалистические ценности, против которых они сражались?

В мою последнюю ночь в Индонезии я внезапно проснулся, сел в кровати и включил свет. Я почувствовал, что кто-то еще находится в комнате со мной. Я посмотрел вокруг на обстановку номера в «Интерконтиненталь Индонезия», на мебель, шелковые гобелены и кукол-марионеток в рамках на стенах. Затем я снова заснул и увидел сон.

Я видел Христа, стоящим передо мной. Он выглядел точно так же, как тот Иисус, с которым я разговаривал каждый вечер маленьким мальчиком, деля с ним свои заботы во время вечерних молитв. За исключением того, что Иисус моего детства был белокожим и белокурым, этот имел вьющиеся черные волосы и темный цвет лица. Он наклонился и поднял что-то на уровень своего плеча. Я ожидал увидеть крест. Но вместо этого я увидел автомобильную ось с прикрепленным колесом, похожим на металлический нимб над его головой. Смазка капала с его лба, подобно крови. Он выпрямился, посмотрел мне в глаза и промолвил: «Если бы я пришел теперь, вы увидели бы меня другим». Я спросил, почему. «Потому, – ответил он, – что мир изменился».

Часы сказали мне, что вот-вот рассветет. Я знал, что не смогу заснуть снова, поэтому оделся, спустился на лифте в пустое лобби и стал блуждать по аллеям у плавательного бассейна. Луна была яркой, сладкий запах орхидей наполнил воздух. Я уселся в кресло на веранде и подумал, что же я здесь делаю, почему события моей жизни привели меня на эту дорогу, почему Индонезия? Я знал, что моя жизнь изменилась, но я и понятия не имел, насколько решительно.

Энн встретила со мной в Париже на моем пути домой в попытке примирения. Но даже в течение этих французских каникул мы продолжали ссориться. Хотя в нашей совместной жизни было много хорошего, мы поняли, что за плечами у нас слишком много гнева и обид, чтобы ее продолжать. Кроме того, слишком о многом я не мог ей никогда рассказать. Единственным человеком, с которым я мог бы поговорить об этом, была Клодин, и я думал все время только о ней. Энн и я приземлились в Бостонском аэропорту и разъехались по своим апартаментам в Бэк Бэй.

Глава 9. Некая возможность

Настоящий тест по Индонезии ожидал меня в MAIN. Первым делом утром я направился в Пруденшл-центр и, пока я стоял с дюжиной других сотрудников перед лифтом, мне сообщили, что Мак Холл, загадочный восьмидесятилетний председатель правления и главный управляющий MAIN, назначил Эйнара президентом офиса в Порленде, штат Орегон. В результате, теперь я официально подчинялся Бруно Замботти.

Прозванный «серебристым лисом» за цвет волос и способность обойти каждого, кто бросал ему вызов, Бруно имел щеголеватую обаятельную внешность, как у Гэри Гранта. Он был красноречив и имел инженерную степень и степень MBA. Он разбирался в эконометрике и был вице-президентом, отвечающим за электроэнергетическое подразделение MAIN и большинство наших международных проектов. Он также был очевидным кандидатом на пост президента корпорации после того, как его покинет его учитель, стареющий Джек Добер. Подобно остальным сотрудникам MAIN, я очень боялся Бруно Замботти.

Перед самым обеденным перерывом меня вызвали в кабинет Бруно. После дружеского обсуждения индонезийских дел, он сказал нечто, заставившее меня попрыгнуть на краешке своего стула:

«Я увольняю Говарда Паркера. Не будем вдаваться в детали, скажем просто, что он утратил чувство реальности». Его улыбка стала смущенной, когда он прижал пальцем стопку бумаг на своем столе. «Восемь процентов в год. Это его прогноз роста нагрузки. Представляете?! Это с индонезийским-то потенциалом!».

Его улыбка исчезла, когда он посмотрел мне прямо в глаза: «Чарли Иллингворт говорит мне, что ваш прогноз сориентирован правильно, на рост нагрузки в 17-20 процентов. Это правильно?».

Я заверил его, что это именно так.

Он поднялся и протянул мне свою руку: «Поздравляю. Вы только что повышены».

Вероятно, мне надо было отправиться праздновать в ресторане свое повышение с другими сотрудниками MAIN, или даже в одиночестве. Однако я думал о Клодин. Я умирал от желания рассказать ей о своем повышении и приключениях в Индонезии. Она просила меня не звонить ей из-за границы, и я не звонил. Теперь же я был встревожен тем, что не мог ее найти, ее телефон был отключен без указания нового номера. Я пошел искать ее.

В ее квартире находилась молодая пара. Было время ланча, и я думаю, что вытащил их из постели, очевидно раздраженные, они утверждали, что ничего не знают о Клодин. Я посетил агентство недвижимости, прикинувшись ее кузеном. Их файлы показывали, что они никогда не сдавали ее никому с таким именем, а в предыдущий раз сдали ее мужчине, пожелавшему остаться анонимным. В Пруденшл-центр в кадровой службе MAIN также утверждали, что у них нет данных о такой сотруднице. Они не допустили меня лишь к папке «специальных консультантов», к которой у меня не было допуска.

К концу дня я был истощен и эмоционально опустошен. Ко всему прочему, меня настигла разница во времени. Возвращаясь в свою пустую квартиру, я впал в состояние одиночества и брошенности. Мое продвижение по службе казалось бессмысленным или, что еще хуже, свидетельством продажности. Я бросился на кровать, полный отчаяния. Клодин меня использовала и отвергла. Решив не поддаваться этим мукам, я попытался приглушить свои эмоции. Я лежал на своей кровати, уставившись на голые стены, казалось, несколько часов.

Наконец, я сумел собраться. Я поднялся, глотнул пива и поставил пустую бутылку на край стола. Затем я поглядел в окно, на улицу, спускавшуюся вниз, и увидел ее, идущую, как мне показалось, в мою сторону. Я бросился к двери, но затем подбежал к другому окну. Женщина подошла ближе. Я видел, что она привлекательна, что она очень похожа на Клодин, но это была не Клодин. Мое сердце замерло, и чувство гнева и ненависти сменилось страхом.

Я вдруг увидел Клодин, падающую мертвой под градом пуль. Я отогнал видение, проглотил пару таблеток валиума и напился, чтобы заснуть.

На следующее утро звонок из кадровой службы MAIN вывел меня из ступора. Ее шеф Пол Мормино уверил меня, что понимает мою нужду в отдыхе, но просит меня придти на работу к полудню.

«Хорошие новости, – сказал он. – Самые лучшие для того, чтобы придти в себя».

Я повиновался приказу и в офисе узнал, что Бруно более чем сдержал свое слово. Меня не только были назначили на место Говарда, но еще и дали звание главного экономиста, что было очевидным повышением. Это меня немного взбодрило.

Я закончил свой день и побрел вниз по Чарльз-ривер с четвертой пива. Когда я сидел там, глядя на парусные яхты и страдая от разницы во времени, я понял, что Клодин просто сделала свою работу и пошла выполнять следующую. Она подчеркивала секретность своей работы. В противном случае, она бы позвонила мне. Мормино был прав – мое беспокойство и неприятные ощущения от разницы во времени рассеялись.

В течение следующих недель я попробовал выбросить из головы все мысли о Клодин. Я сосредоточился на написании моего доклада об индонезийской экономике и пересмотре прогнозов Говарда. Я выдал заключение, который желали бы видеть мои боссы: рост электрической нагрузки на 19 процентов в год в течение двенадцати лет после сдачи новой системы, на 17 процентов в год в течение еще восьми лет, и затем по 15 процентов в год на весь остаток двадцатипятилетнего срока проектирования.

Я представил свои выводы на формальной встрече с международными кредитными организациями. Их эксперты допрашивали меня очень широко и беспощадно. К тому времени мои эмоции превратились в своего рода мрачную решимость, мало чем отличающуюся от той, с которой я обгонял своих одноклассников в школе. Тем не менее, память о Клодин всегда была со мной. Когда нахальный молодой экономист, надеясь сделать себе имя в Азиатском Банке Развития, поджаривал меня в течение полного дня, я вспоминал совет, который дала мне Клодин, когда мы сидели в ее квартирке много месяцев назад.

«Кто может заглянуть на двадцать пять лет в будущее? – спросила она. Ваши предположения столь же весомы, как и у них. Уверенность – это все».

Я убедил себя в том, что я действительно эксперт, напомнив себе о том, что я знаю о жизни в развивающихся странах гораздо больше многих людей, даже вдвое старших меня, сидевших на обсуждении моей работы. Я жил на Амазонке и путешествовал по всей Яве, куда никто не пожелал бы сунуть носа. Я прошел несколько интенсивных курсов для преподавателей эконометрики, специально нацеленных на сложные места, и я мог назвать себя специалистом новой породы ориентированных на статистику, поклоняющихся эконометрике парней, молящихся на Роберта Макнамару, президента Всемирного банка, бывшего президента «Ford Motor Company» и министра обороны у Джона Кеннеди. Он был человеком, который построил репутацию на цифрах, на теории вероятности, на математических моделях и – я сильно подозревал – на блефе всем этим.

Я попробовал подражать Макнамаре и своему боссу Бруно. Я повел речь на манер последнего, стал раскачиваться при ходьбе, как он, атташе-кейс покачивался в моей руке. Оглядываясь назад, я удивляюсь своей злости. По правде сказать, для эксперта я был слабоват, но недостаток знаний и обучения я восполнил уверенностью.

И это сработало. В конечном счете, команда экспертов скрепила мои бумаги одобряющими штампами.

В течение следующих месяцев я провел встречи в Тегеране, Каракасе, Гватемале, Лондоне, Вене и Вашингтоне. Я встречался с известнейшими людьми, включая шаха Ирана, бывших президентов нескольких стран и даже с самим Робертом Макнамарой. Как и моя средняя школа, это был мужской мир. Я был поражен тем, как мое новое звание и мои недавние успехи в международных кредитных организациях изменили отношение людей ко мне.

Вначале я полагал, что почти всемогущ. Я стал думать о себе, как о Мерлине, которому

достаточно махнуть своей волшебной палочкой над страной, чтобы в ней начали расцветать, сияя, отрасли промышленности. Потом я отбросил иллюзии. Я подверг сомнению все свои достоинства и достоинства людей, с которыми я работал. Громкие звания или степень PhD мало чем могут помочь человеку понять всю тяжесть положения прокаженного, живущего рядом с выгребной ямой в Джакарте, и я сомневаюсь, что ловкость в обращении со статистикой позволяет человеку увидеть будущее. Чем лучше я узнавал тех, кто принимает решения, преобразовывающие мир, тем более скептически я относился к их способностям и их целям. Оглядывая лица собравшихся за столами совещаний, я прилагал массу усилий, чтобы побороть свой гнев.

В конечном счете, эта моя точка зрения также претерпела изменения. Я пришел к пониманию того, что большинство этих людей полагает, что они делают благое дело. Подобно Чарли, они убеждены, что коммунизм и терроризм есть зло – а не реакция на их решения и решения их предшественников – и что они обязаны перед своей страной, перед своим потомством, перед Богом преобразовать мир к капитализму. Они также цеплялись за принцип выживания самых приспособленных, если им случилось насладиться благосостоянием дарованным им рождением в привилегированном классе, вместо картонной лачуги, они считали себя обязанными передать этот признак по наследству.

Я колебался в том, как мне квалифицировать этих людей – как заговорщиков или како некое тесное братство, сложившееся в процессе доминирования над миром. Тем не менее, некоторое время спустя, я начал уподоблять их южанам-плантаторам накануне Гражданской войны. Это были люди, образовавшие добровольную ассоциацию и объединенные общими убеждениями и общим коммерческим интересом, а вовсе не тайная группа, встречающаяся в укромных местах со зловещими намерениями. Автократы-плантаторы выросли вместе со своими слугами и рабами и были воспитаны в убеждении в том, что их естественным правом и даже обязанностью является забота о «язычниках» и их приобщение к вере господ и господскому образу жизни. Даже если рабство претило им в философском смысле, они могли бы подобно Томасу Джефферсону оправдать его жизненной необходимостью, крах которой кончится социально-экономическим хаосом. Лидеры современных олигархий, которых я теперь называл корпоратократами, казалось, использовали ту же логику.

Я также начал задаваться вопросом, кто извлекает выгоду из войны и массового производства оружия, от загрязнения рек и разрушения туземной экологии и культур? Я начал искать, кто извлекает выгоду от смерти сотен тысяч людей от недостатка продовольствия, питьевой воды или вполне излечимых болезней. Со временем я понял, что в конечном счете – никто, но в ближайшей перспективе – те, кто находится на вершине пирамиды – в том числе, я и мои боссы – кажется, выгоду извлекают, по крайней мере, материальную.

Это вызвало несколько вопросов: Почему эта ситуация сохраняется? Почему она сохраняется столь долго? Заключен ли ответ в старинной поговорке «право – у сильного», то есть, те, кто обладает властью, стремятся увековечить систему?

Но похоже было, что одной власти недостаточно, чтобы воспроизводить ситуацию. И хотя суждение о том, что сила порождает право, многое объясняло, я чувствовал, что тут есть что-то еще.

Я вспомнил своего университетского профессора из школы бизнеса, родом из Северной Индии, который читал лекции об ограниченности ресурсов, о непрерывно возрастающих потребностях и о принципах рабского труда. Согласно этому профессору, все успешные капиталистические системы включают иерархии с жесткими инстанциями, с очень немногочисленной верхушкой, спускающей команды подчиненным, и огромной армией рабочих внизу, которые в современных терминах вполне могут быть классифицированы как рабы. В конечном счете, я понял тогда, что мы поощряем эту систему, потому что корпоратократия убедила нас, что Бог дал нам право поместить нескольких людей на вершину капиталистической пирамиды и экспортировать нашу систему по всему миру.

Разумеется, мы не первые, кто делал подобное. Список практиков начинается с

империй Северной Африки, Ближнего Востока и Азии и продолжается после Персии, Греции и Рима христианскими крестовыми походами и строителями европейских империй послеколумбовой эры. Это движение к империи было и остается причиной большинства войн, загрязнений, голода, исчезновения видов и геноцида. И всегда остается грязным пятном на совести и благосостоянии граждан империй, способствуя социальным недугам и заканчиваясь самыми высокими процентами самубийств, употребления наркотиков и насилия.

Я очень напряженно думал над этими вопросами, но избегал задумываться о своей роли во всем этом. Я пробовал думать о себе не как об ЭКе, но просто как о главном экономисте. Это звучало настолько законопослушно, что если бы я нуждался в каком-либо подтверждении, мне достаточно было взглянуть на корешки моих зарплатных чеков, все они были выписаны MAIN, частной корпорации. Я не получал ни пенни от АНБ или любого другого правительственного агентства. И я убедил себя. Почти.

Однажды днем Бруно вызвал меня к себе в кабинет. Он прошелся позади моего стула и похлопал меня по плечу: «Вы проделали прекрасную работу, – промурлыкал он. – Чтобы показать вам, как высоко мы вас ценим, мы предоставляем вам некую возможность, кое-что, чего добиваются лишь немногие люди, даже вдвое старше вас».

Глава 10. Президент и герой Панама

Поздним апрельским вечером 1972 г. я приземлился в международном аэропорту Панама Токумен. Как это было принято в те времена, мы с несколькими менеджерами взяли одно такси и, так как я говорил по-испански, мне пришлось сесть на переднее сиденье. Я безучастно смотрел вперед через ветровое стекло такси. Сквозь дождь фары высветили большой придорожный плакат с портретом красивого мужчины с густыми бровями и горящими глазами. Один край его шляпы был лихо заломлен. Я узнал нынешнего любимца Панама Омара Торрихоса.

Я подготовился к этой поездке на свой обычный манер, посещая секцию указателей Бостонской публичной библиотеки. Я знал, что одной из причин популярности Торрихоса у населения было то, что он был тверд в защите панамского самоуправления и требованиях суверенитета над Панаским Каналом. Он был убежден, что под его руководством страна избежит позорных ловушек, нередких в ее истории.

Панама была частью Колумбии, когда французский инженер Фердинанд де Лесспес, руководивший в свое время строительством Суэцкого канала решил построить через центрально-американский перешеек канал, соединяющий Атлантический океан с Тихим. Начиная с 1881 г. французы приложили массу усилий, которые опрокидывались многочисленными катастрофами. Наконец, в 1891 г. строительство было закончено с огромными убытками – но воодушевило Теодора Рузвельта. В самом начале двадцатого столетия Соединенные Штаты потребовали, чтобы Колумбия подписала соглашение, передающее перешеек Северо-Американскому консорциуму. Колумбия отказалась.

В 1903 г. президент Рузвельт послал к Каналу военный корабль «Нэшвилл». Американские солдаты высадились на берег, захватили и убили популярного командующего местной милицией и объявили независимость Панама. Было приведено к власти марионеточное правительство, которое и подписало первое Соглашение по Каналу, которое устанавливало американскую зону с обеих сторон будущего водного пути, легализовав тем самым американское военное вмешательство и предоставив Вашингтону реальный контроль над только что образовавшейся «независимой» страной.

Любопытно, что Соглашение было подписано госсекретарем США Хэем и французским инженером Буно-Варильей, участвовавшим в строительстве, и в его подписании не участвовал ни один панамец. В сущности, сделкой, заключенной между американцем и французом, Панаму вынудили отделиться от Колумбии, чтобы служить Соединенным

Штатам – пророческое и многообещающее начало.

Более полувека Панамой управлял олигархат из нескольких богатых семей, тесно связанных с Вашингтоном. Они были диктаторами правого толка, которые предпринимали все меры для обеспечения американских интересов. В обычае всех латиноамериканских диктаторов, которые ассоциировали себя с Вашингтоном, входило подавление любых национальных движений, имевших привкус социализма. Они также поддерживали ЦРУ и АНБ повсюду в полушарии и поддерживали интересы крупных американских корпораций типа рокфеллеровской «Standard Oil» или «United Fruit Company» (которая приобретена Дж. Бушем). Подобная поддержка правительством американских интересов, очевидно, никоим образом не улучшала жизнь людей, живущих в ужасной нищете и практически в рабстве у американских корпораций.

В награду за поддержку американские военные не менее десятка раз вставали на защиту правящих панамских семейств в период с провозглашения независимости Панамы по 1968 г. Лишь в этом году, когда я был еще добровольцем Корпуса Мира в Эквадоре, в результате успешного переворота был свергнут последний из диктаторов Арнульфо Ариас, и главой государства стал Омар Торрихос, хотя он и не принимал активного участия в путче.

Торрихос пользовался большим авторитетом у среднего и нижнего слоев населения. Сам он вырос в небольшом городке Сантьяго, где его родители преподавали в школе. Он быстро сделал карьеру в панамской Национальной гвардии, основном роде войск страны, пользовавшемся в 1960-х годах все увеличивавшейся поддержкой беднейшего населения. Торрихос сделал себе репутацию и имя на внимании к нуждам угнетенных. Он появлялся на улицах трущоб, куда не совал носа ни один политик, помогал безработным найти работу и часто жертвовал собственные небольшие деньги семьям, пострадавшим в результате болезни или какой-либо трагедии.

Его любовь к жизни и сострадание к людям стали известны далеко за пределами Панамы. Он превращал страну в приют для беженцев с обеих сторон политического забора – от левых противников Пиночета до антикастровских правых партизан. Многие видели в нем посланца мира и эта слава разнеслась о нем по всему полушарию. Он также завоевал репутацию миротворца в конфликтах, раздиравших так много латиноамериканских стран – Гондурас, Гватемалу, Сальвадор, Никарагуа, Кубу, Колумбию, Перу, Аргентину, Чили и Парагвай. Его маленькая двухмиллионная страна послужила примером социальных реформ для самых разнообразных политиков – от перестройщиков в Советском Союзе до исламских лидеров, подобных Муаммару Каддафи.

В свой первый вечер в Панаме, на остановке у светофора, глядя сквозь шумные качающиеся дворники ветрового стекла, я был очарован этим человеком, улыбающимся мне с придорожного плаката – красивым, обаятельным и отважным. Из своих штудий в Бостонской публичной библиотеке я знал, что у него есть твердые убеждения. Впервые в своей истории Панама перестала быть чьей-либо марионеткой, даже вашингтонской. Торрихос никогда не поддавался соблазнам из Москвы или Пекина, он верил в социальные реформы и в помощь беднякам, но не защищал коммунизм. В отличие от Кастро, Торрихос решил освободиться от Соединенных Штатов, не становясь союзником их врагов.

В каком-то из журналов в Бостонской публичке я наткнулся на статью, которая восхваляла Торрихоса как человека, который мог бы изменить историю обеих Америк, сломав долгую традицию доминирования Соединенных Штатов. Автор начинал с «Манифеста судьбы» – доктрины, популярной среди многих американцев в 1840-х гг. и утверждавшей, что завоевание Северной Америки было предопределено свыше, что уничтожение индейцев, лесов, бизонов, осушение болот и повороты рек, развитие экономики, основанной на эксплуатации людей и природных богатств, суть воля Божья.

Статья подтолкнула меня к размышлениям об отношении моей страны к миру. Доктрина Монро, впервые изложенная президентом Джеймсом Монро в 1823 г., развитием которой стал «Манифест судьбы», использовалась в 1850-60-х гг. для обоснования специальных прав США на все полушарие, включая право вторжения в любую страну

Центральной и Южной Америки, осмелившуюся противостоять политике Соединенных Штатов. Тедди Рузвельт использовал доктрину Монро для оправдания американской интервенции в Доминиканскую республику, Венесуэлу, в ходе «освобождения» Панамы от Колумбии. Вереница последующих американских президентов – Тафт, Вильсон и Франклин Рузвельт – опирались на нее для расширения панамериканских действий вплоть до конца Второй Мировой войны. Для распространения этой концепции на страны всего мира, включая Вьетнам и Индонезию, во второй половине двадцатого столетия Соединенные Штаты воспользовались коммунистической угрозой.

Ныне, казалось, лишь один человек стоял на пути Вашингтона. Я знал, что он не первый – лидеры вроде Кастро и Альенде появились до него – но Торрихос единственный не прибегал к коммунистической идеологии и не утверждал, что его движение является революцией. Он просто говорил, что у Панамы есть собственные права – на суверенитет своего народа над своей землей, водой, разделившей ее надвое – и что эти права столь же естественны, как и права, дарованные Господом Соединенным Штатам.

Торрихос также протестовал против размещения в Зоне Канала Американской Школы и Учебного центра военных действий в тропиках Южного командования США. Многие годы Соединенные Штаты приглашали отпрысков диктаторов и военных правителей всей Латинской Америки обучаться в этих заведениях – самых лучших и наиболее оснащенных во всей Америке за пределами США. Там их обучали навыкам тайных операций и полицейской деятельности наравне с военной тактикой, которую они использовали для борьбы с коммунизмом и защиты своих собственных активов и активов нефтяных корпораций. Они также получали возможность обзавестись связями в высших эшелонах американского руководства

Латиноамериканцы ненавидели эти заведения – за исключением единиц богачей, которым они были нужны. В них, как известно, обучались праворадикальные эскадроны смерти и палачи, насадившие тоталитарные режимы во множестве стран. Торрихос ясно давал понять – он против нахождения этих заведений в границах Панамы – и что он включает Зону Канала в эти границы.

Глядя на мужественного генерала на придорожном плакате и читая надпись ниже его лица – «Идеал Омара – свобода, и не изобретена еще ракета для уничтожения идеалов!» – я почувствовал дрожь в спине. Я понимал, что беды Панамы далеки от завершения в двадцатом веке и что Торрихос живет в трудное и, возможно, даже трагическое время.

Тропический ливень бушевал за ветровым стеклом, светофор сменился на зеленый и водитель посигналил автомобилю впереди нас. Я размышлял о своем собственном положении. Меня послали в Панаму для завершения того, что должно было стать по-настоящему первым всесторонним генеральным планом развития, выполненным MAIN. Этот план позволил бы Всемирному банку, Межамериканскому Банку Развития и USAID обосновать миллиардные инвестиции в энергетику, транспорт и сельское хозяйство этой крошечной и очень важной страны. И конечно же, был средством навсегда повязать Панаму долгами и вернуть ее в положение марионетки.

Пока такси мчалось сквозь ночь, пароксизмы вины душили меня, но я давил их. Чего мне беспокоиться? Я сделал свой выбор на Яве, продал свою душу и теперь имел решающую возможность в своей жизни. Я разом мог стать богатым, знаменитым и влиятельным человеком.

Часть II: 1971-1975

Глава 11. Пираты Зоны Канала

На следующий день панамское правительство предоставило мне гида для знакомства со страной. Его звали Фидель и он мне сразу понравился. Высокий и худой, он очень гордился

своей страной. Его пра-прадед сражался вместе с Боливаром в войне за независимость против Испании. Я сказал ему, что Том Пэйн мой родственник, и был очень удивлен тем, что он читал «Здравый смысл» в переводе на испанский. Он говорил по-английски, но когда узнал, что я говорю по-испански очень обрадовался.

«Многие из ваших, прожив здесь много лет, так и не потрудились выучить его», – сказал он.

Фидель вывез меня на шоссе, проходящее через заметно преуспевающий район города, называвшийся Нью-Панама. Когда мы проезжали современные небоскребы из стали и стекла, он заметил, что в Панаме больше международных банков, чем где-либо к югу от Рио-Гранде.

«Нас часто называют Швейцарией обеих Америк, – сообщил он. – У нас задают клиентам очень немного вопросов».

К концу дня, когда солнце опускалось в Тихий океан, мы проезжали по авеню, повторяющему очертания залива. Длинный ряд судов стоял здесь на якоре. Я спросил у Фиделя, нет ли проблем с Каналом.

«Здесь всегда так, – засмеялся он. – Они ждут своей очереди. Половина из них идет в Японию или оттуда. Даже больше, чем из Соединенных Штатов».

Я признался, что это для меня новость.

«Я не удивлен, – ответил он. – североамериканцы мало что знают об остальном мире».

Мы остановились в красивом парке, где бугенвилеи обвивали древние руины. Надпись гласила, что это остатки форта, защищавшего город от пиратских набегов англичан. Рядом устраивалась для вечернего пикника какая-то семья: отец, мать, сын и дочь, а еще старик, дед, как я полагаю. Я почувствовал внезапно тоску по покою, который, казалось, окутывал этих пятерых людей. Когда мы миновали их, они улыбнулись, помахали нам рукой и приветствовали по-английски. Я спросил их, не туристы ли они. Мужчина подошел к нам.

«Я из третьего поколения, проживающего в Зоне Канала, – гордо объяснил он. – Мой дед приехал сюда через три года после того, как Канал был построен. Он управлял одним из „мулов“, т.е. тракторов, которые тащили суда через шлюзы». Он показал на старика, помогавшего детям устанавливать стол для пикника: «Мой отец был инженером и я пошел по его стопам».

Женщина взялась помогать тестю и детям. Далеко за ними солнце опускалось в синюю воду. Это была идиллическая сцена, напоминавшая полотна Моне. Я спросил мужчину, не являются ли они американскими гражданами.

Он посмотрел на меня с удивлением: «Конечно, ведь Зона Канала – территория Соединенных Штатов». К отцу подбежал мальчик, чтобы сказать, что ужин готов.

«Ваш сын будет четвертым поколением?»

Мужчина молитвенно сложил руки и воздел их к небу:

«Я молю Бога каждый день, чтобы у него была такая возможность. Жизнь в Зоне – прекрасная вещь». Затем он опустил руки и посмотрел на Фиделя: «Я надеюсь, что мы сможем продержаться еще пятьдесят лет. Этот деспот Торрихос гонит большую волну. Он очень опасный человек».

Внезапная злость охватила меня и я сказал ему по-испански: «Adios. Я надеюсь, вы и ваша семья прекрасно проведете здесь время и многое узнаете о культуре Панамы».

В его взгляде читалось отращение. «Я не говорю на их языке», – отрезал он. Затем он резко повернулся и пошел назад к своей семье и пикнику.

Фидель подошел ко мне ближе, сжал мое плечо и сказал: «Спасибо!»

Возвращаясь назад, Фидель привез меня в район города, который назвал трущобами.

«Не самые худшие трущобы, – сказал он, – но вы получите представление».

Дощатые лачуги и канавы, заполненные тухлой водой, протянувшиеся вдоль улиц, хилые домишки, напоминавшие ветхие лодки посреди выгребных ям. Запах гнили и сточных вод наполнил салон нашего автомобиля, а дети со вздутыми животами бежали рядом, называя меня дядей и выклянчивая немного денег. Это напомнило мне Джакарту.

Стены были испещрены граффити. Немногие из них были банальными сердечками с парой имен, нацарапанных внутри, но большинство было лозунгами, выразившими ненависть к Соединенным Штатам: «Янки, убирайтесь домой!», «Перестаньте срать в наш Канал!», «Дядюшка Сэм – рабовладелец!», «Скажите Никсону, что Панама это не Вьетнам!». Один из них заставил меня похолодеть: «Смерть за свободу – путь к Христу!». Повсюду были расклеены плакаты с Омаром Торрихосом.

«Теперь на другую сторону, – сказал Фидель, – у меня необходимые документы, вы – американский гражданин, мы можем ехать». Под темнеющим лиловым небом мы поехали в Зону Канала. Хотя я и ожидал чего-то необычного, меня поразило увиденное. Я едва мог поверить богатству этих мест – огромные белые здания, подстриженные лужайки, шикарные особняки, поля для гольфа, магазины и театры.

«Фактически, – говорил он, – все здесь находится в американской собственности. Все универсамы, парикмахерские, салоны красоты, рестораны свободны от панамских законов и налогов. Есть семь 18-луночных полей для гольфа, американские суды и школы. Это, на самом деле, страна в стране».

«Это оскорбительно!».

Фидель бросил на меня оценивающий взгляд. «Да, – согласился он. – Это очень точное слово. Там, – он показал назад на город, – доход составляет менее тысячи долларов на душу и уровень безработицы – 30 процентов. А уж в трущобах, которые мы посетили, никто и близко не получает эту тысячу, и почти никто не имеет работы».

«Что же делать?»

Он повернулся и посмотрел на меня взглядом, в котором смешивались гнев и печаль.

«А что мы можем сделать? – Он покачал головой. – Я не знаю, но скажу – Торрихос пытается. Я думаю, он может погибнуть, но он дьявольски уверен в том, что добьется своего. Он – человек, который пойдет на все ради своего народа».

Когда мы выехали из Зоны Канала, Фидел улыбнулся: «Вы любите танцевать?». Не ожидая моего ответа, он предложил: «Давайте где-нибудь поедим, и я покажу вам еще одну сторону Панамы».

Глава 12. Солдаты и проститутки

После сочного бифштекса и холодного пива мы вышли из ресторана и проехали вниз по темной улице. Фидель посоветовал мне никогда не ходить здесь. «Если уж попали сюда, берите такси сразу, как только вышли за дверь». Он показал рукой: «Зона Канала начинается там, за забором».

Он доехал до свободного места на парковке и поставил машину. К нам, хромя, подошел старик. Фидел вышел из машины и покровительственно похлопал его по спине. Затем он погладил машину по капоту:

«Хорошенько позаботьтесь о ней. Она – моя леди». Он вручил старику банкноту.

Мы вышли со стоянки по пешеходной дорожке и внезапно оказались на улице, залитой неоновыми огнями. Двое мальчишек гонялись друг за другом, целясь из палок и имитируя звуки выстрелов. Один ткнулся головой в бедро Фиделя, поскольку ростом не достигал ему до пояса. Мальчишка остановился.

«Прошу прощения, сэр!», – задыхаясь, извинился он по-испански.

Фидель положил руки на плечи мальчика. «Ничего страшного, мой мальчик, – сказал он. – Но что произошло между тобой и твоим другом, что вы стали стрелять?»

Второй мальчик подошел к нам. Он протянул руку, защищая первого: «Мой брат, – объяснил он. – Простите нас».

«Все в порядке, – хихикнул Фидель, – он не ушиб меня. Я только спросил его, в кого вы, парни, стреляли? Думаю, я играл в свое время в ту же игру».

Братья посмотрели дру на друга. Старший улыбнулся: «Он – генерал гринго в Зоне

Канала. Он пытался изнасиловать нашу мать, и я ему задал, вышвырнул его туда, где ему положено находиться».

Фидель украдкой посмотрел на меня. «И где же ему положено находиться?»

«Дома, в Штатах».

«Ваша мать работает здесь?»

«Там, – оба мальчика гордо показали на неоновую вывеску вниз по улице. – Бармен».

«Продолжайте, – Фидель вручил им по монет. – Но будьте осторожны, выбирайте места посветлее».

«О да, сэр! Спасибо!» – Они умчались прочь.

Пока мы шли, Фидель объяснил, что проституция запрещена для панамских женщин. «Они могут иметь работать в барах и танцевать, но не могут продавать свое тело. Это оставлено иностранкам».

Мы вошли в бар и по ушам ударила популярная американская песня. Моим глазам и ушам потребовалась примерно минута, чтобы привыкнуть к обстановке. Несколько огромных американских солдат стояли около двери, повязки на их руках указывали, что они из военной полиции.

Фидель провел меня вдоль стойки и я увидел сцену. Три молодых девушки танцевали на ней совершенно обнаженными, если не считать головных уборов. У одной из них была шапочка моряка, у второй – зеленый берет, третья носила ковбойскую шляпу. У них были впечатляющие фигуры и они смеялись. Они, казалось, играли друг с другом в какую-то игру-соревнование. Музыка, танец, сцена – все напоминало дискотеку в Бостоне – за исключением наготы.

Мы протолкались через группу англоговорящих юнцов. Хотя они носили футболки и синие джинсы, короткие стрижки выдавали в них солдат из военной базы в Зоне Канала. Фидель дотронулся до плеча официантки. Она повернулась, радостно вскрикнула и обняла его. Молодые люди внимательно поглядывали на них и с неодобрением переглядывались. Я подумал, считают ли они, что «Манифест судьбы» относится и к этой панамской женщине. Официантка повела нас в угол, откуда-то вынесла маленький столик и два стула.

Когда мы устроились, Фидель обменялся приветствиями по-испански с двумя мужчинами за соседним столиком. В отличие от солдат, на них были рубашки с короткими рукавами и слаксы. Официантка вернулась с парой кружек пива «Бальбоа», и Фидель погладил ее по бедру, когда она повернулась, чтобы уйти. Она обернулась и послала ему воздушный поцелуй. Я оглянулся и облегченно обнаружил, что молодые люди не обращают на нас внимания, сосредоточившись на танцовщицах.

Большинство посетителей были англоговорящими солдатами, но были и другие, подобные нам и выглядевшие явно панамцами. Они выделялись более небрежными прическами, а также отсутствием футболок и джинсов. Некоторые из них сидели за столиками, остальные стояли, прислонившись к стене. Они, казалось, были настороже и напоминали колли, стерегущих стадо овец.

Между столиками бродили девушки. Они постоянно двигались, присаживались на колени посетителям, кричали официанткам, танцевали, кружились, пели, повторяли движения танцовщиц на сцене. На них были надеты тесные юбки, облегающие футболки, джинсы, туфли с высокими каблуками. Еще одни были одеты в платья, другие в бикини. Было очевидно, что удержаться здесь могут только самые красивые. Я поразился числу тех, кто приехал на эту работу в Панаму, и спрашивал себя, какое же отчаяние должно было привести их сюда.

«Все иностранки?» – прокричал я Фиделю сквозь музыку.

Он кивнул. «Кроме... – он указал на официанток. – Они из Панамы».

«Из каких стран?»

«Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Гватемала».

«Соседи».

«Не совсем. Наши ближашие соседи – Коста-Рика и Колумбия».

Официантка, которая нас привела к столику, сидела на коленях у Фиделя. Он мягко поглаживал ее спину.

«Кларисса, – сказал он, – пожалуйста, расскажи моему североамериканскому другу, почему они покинули свои страны?». Он кивнул головой в направлении сцены. Три новых девушки взяли шляпы у предыдущих, которые спрыгнули со сцены и начали одеваться. Музыка сменилась на сальсу, и вновь прибывшие, танцуя в ее ритме, стали избавляться от одежды.

Кларисса протянула правую руку. «Рада видеть вас», – ответила она. Затем она встала и собрала наши пустые бутылки. «Чтобы ответить на вопрос Фиделя, скажем просто, эти девочки приехали себя, чтобы избежать жестокостей. Я принесу еще пару „Бальбоа“.

После того, как она ушла, я повернулся к Фиделю. «Полно, – сказал я, – они здесь ради долларов США».

«Верно. Но почему в большинстве из стран, где правят фашистские диктаторы?»

Я оглянулся на сцену. Три девушки, хихикая, перебрасывались шапочкой моряка, словно мячом. Я посмотрел в глаза Фиделю: «Вы шутите?»

«Нет, – серьезно ответил он. – Хотел бы я, чтобы это была шутка. Большинство из этих девушек потеряло кого-то близкого – отцов, братьев, мужей, друзей. Они выросли рядом с пытками и смертью. Танцы и проституция кажутся им не такими уж и скверными. Они могут заработать здесь много денег, чтобы начать где-нибудь дело, купить небольшой магазин, открыть кафе...»

Его прервала возня у барной стойки. Я увидел, что официантка попыталась ударить кулаком одного из солдат, который поймал ее руку и начал выкручивать ей запястье. Она закричала и упала на колени. Он смеялся и говорил что-то приятелям, те смеялись. Она попробовала ударить его свободной рукой, он выкрутил ей руку сильнее. Ее лицо исказилось болью.

ЭмПи у двери спокойно взирали на эту сцену. Фидель вскочил на ноги и бросился к стойке. Один из мужчин, сидевших за соседним столиком, протянул руку, чтобы остановить его: «Tranquilo, hermano, – сказал он. – Спокойно, брат, Энрике держит все под контролем».

Высокий худой панамец вышел из тени у сцены. Он передвигался, как кошка, и стремительно оказался рядом с солдатом. Его рука схватила солдата за горло, второй он выплеснул ему в лицо стакан воды. Официантка выскользнула. Несколько панамцев, скучавших у стены, окружили высокого вышибалу защитным полукольцом. Он приподнял солдата у стойки бара и сказал ему что-то, чего я не расслышал. Затем он возвысил голос и проговорил медленно по-английски, достаточно громко, чтобы всем его расслышали сквозь музыку:

«К официанткам вам лезть запрещено, парни, да и к другим тоже, пока вы им не заплатите».

Двое ЭмПи, наконец, вступили в действие. Они приблизились к панамцам. «Мы заберем его отсюда, Энрике», – сказали они.

Вышибала опустил солдата на пол и на прощание сдал ему глотку, заставив того откинуть назад голову и издать крик боли.

«Ты понял меня? – ответом был слабый стон. – Хорошо». Он толкнул солдата к ЭмПи: «Забирайте его прочь».

Глава 13. Разговор с генералом

Приглашение было совершенно неожиданным. Однажды утром во время того же визита 1972 г. я сидел в кабинете, который мне предоставили в «Instituto de Recursos Hidraulicos y Electrification», электрической компании, принадлежащей панамскому правительству. Я внимательно изучал статистические данные, когда какой-то человек негромко постучался у открытой двери. Я пригласил его войти, обрадованный возможности

отвлечься от созерцания цифр. Он представился личным водителем генерала и сказал, что прибыл отвезти меня в одно из генеральских бунгало.

Час спустя я сидел напротив генерала Омара Торрихоса. Он был небрежно одет в панамском стиле в слаксы и голубую с зеленым рубашку с короткими рукавами, застегнутую на все пуговицы. Он был высок, красив и хорошо сложен. Прядь темных волос спадала ему на лоб.

Он расспросил меня о моих недавних поездках в Индонезию, Гватемалу и Иран. Эти три страны очень нравились ему, но он казался особенно заинтригованным историей с приавителем Ирана, шахом Мохаммедом Реза-Пехлеви. Шах пришел к власти в 1941 г., после того как британцы и Советы свергли его отца, обвиняя его в сотрудничестве с Гитлером.

«Вы можете себе представить, – спросил Торрихос, – как можно вступить в заговор против собственного отца?»

Глава панамского государства знал очень много об истории Ирана, очень далекого от его страны. Мы говорили о том, как изменилась политика шаха в 1951 г., когда он отправил собственного премьер-министра Мохаммеда Моссадека в изгнание. Торрихос, как и все в мире, знал, что сделано это благодаря ЦРУ, заклеившему премьер-министра коммунистом и вмешавшемуся в целях возвращения шаха к власти. Однако он не знал или не упоминал о том, о чем со мной поделилась Клодин, – о блестящей операции Кермита Рузвельта и о том, что это было началом новой эры империализма, искрой, зажегшей новое пожарище имперского строительства.

«После того, как шах вернулся к власти, – продолжал Торрихос, – он запустил ряд революционных программ, направленных на развитие индустриального сектора и ввел Иран в современную эпоху».

Я спросил его, почему он так много знает об Иране.

«Я хочу многое взять у них, – ответил он. – Я не слишком высокого мнения о политике шаха – его готовности свергнуть отца и стать марионеткой ЦРУ – но он делает много полезного для своей страны. Возможно, мне следует у него поучиться. Если он останется в живых».

«Вы думаете, нет?»

«У него могущественные враги».

«И телохранители, одни из лучших в мире».

Торрихос посмотрел на меня с иронией: «Его тайная полиция САВАК имеет репутацию безжалостных головорезов. Это не завоевывает друзей. Он не проживет слишком долго». Он сделал паузу и закатил глаза: «Телохранители? У меня тоже есть несколько, – он махнул рукой в сторону двери, – вы думаете, они спасут мою жизнь, если собственная страна решит избавиться от меня?»

Я спросил, предвидит ли он на самом деле такую возможность.

Он поднял бровь особенным манером, заставив меня почувствовать неловкость: «У нас есть Канал. Это посерьезнее, чем у Арбенса с „United Fruit“».

Я изучал Гватемалу и понял, что имеет в виду Торрихос. «United Fruit Company» была в политическом смысле аналогом Панамского Канала. Основанная в конце 1800-х гг., «United Fruit Company» вскоре превратилась в одну из самых могущественных сил в Центральной Америке. В начале 1950-х гг. кандидат-реформист Хакобо Арбенс был избран президентом на выборах, признанных образцом демократии для всего полушария. В то время менее 3 процентов гватемальцев владели более чем 70 процентами земли. Арбенс пообещал бедным помочь вырваться из голода и осуществил после выборов программу всесторонней земельной реформы.

«Бедняки и средний класс повсюду в Латинской Америке аплодировали Арбенсу, – говорил Торрихос. – Он – один из моих героев. Но мы затаили дыхание. Мы знали, что „United Fruit“ против этой реформы, поскольку она была одним из крупнейших землевладельцев в Гватемале. Они были крупнейшими землевладельцами также в Колумбии,

Коста-Рике, на Кубе, Ямайке, в Никарагуа, Санто-Доминго и у нас в Панаме. Они не могли позволить Арбенсу проводить в жизнь его идеи».

Я знал остальное. «United Fruit» запустила пиар-кампанию в Соединенных Штатах, убеждая американскую публику и Конгресс в том, что Арбенс является частью русского заговора и Гватемала собирается стать сателлитом Советского Союза. В 1954 г. ЦРУ организовало переворот. Американские летчики бомбили столицу Гватемалы и демократически избранный Арбенс был свергнут и заменен на полковника Карлоса Кастильо Армаса, безжалостного диктатора правого толка.

Новое правительство было обязано всем «United Fruit». В порядке благодарности правительство полностью развернуло ход реформы, отменилди налоги на ссудный капитал и дивиденды иностранных инвесторов, отменило тайну выборов и бросило в тюрьмы тысячи своих противников. Любой, осмелившийся высказаться против Кастильо, сурово преследовался. Историки связывают насилие и террор, царившие в Гватемале вплоть до конца столетия, с альянсом ЦРУ, «United Fruit» и гватемальской армии с ее полковником-диктатором.

«Арбенс был уничтожен, – продолжал Торрихос. – Политическая и гражданская смерть, – он сделал паузу и нахмурился. – Как ваши люди смогли проглотить все эти фальшивки ЦРУ? Я так легко не дамся. Военные тут мои люди. Политическое убийство тут не так-то просто организовать», – он улыбнулся.

«ЦРУ придется убить меня самостоятельно!»

Мы просидели несколько мгновений в молчании, предаваясь своим мыслям. Первым нарушил молчание Торрихос:

«Знаете ли вы, кому принадлежит „United Fruit“?» спросил он.

«Zarata Oil», компании Джорджа Буша, нашего посла в ООН».

«Человеку с амбициями. – Он наклонился вперед и понизил голос. – и теперь я выступаю против его близких друзей в „Bechtel“».

Это поразило меня. «Bechtel» была самой могущественной инжиниринговой фирмой и часто сотрудничала с MAIN в проектах. В случае с генеральным планом развития Панамы я считал их нашими главными конкурентами.

«Что вы имеете в виду?»

«Мы рассматриваем возможность строительства нового канала, уровня моря, без шлюзов. Это позволит проходить крупным судам. Японцы могли бы заинтересоваться финансированием этого проекта».

«Они же самые большие клиенты существующего Канала».

«Точно. И конечно, если они дадут деньги, им и вести строительство».

Меня как током ударило: «Bechtel» придется постоять в сторонке».

«Крупнейший строительный проект в современной истории, – он сделал паузу. – Президент „Bechtel“ – Джордж Шульц, секретарь казначейства у Никсона. Вы можете представить себе удар – с его-то печально известным характером. „Bechtel“, набитый приятелями Никсона, Форда и друзьями Буша. Мне сказали, что „Bechtel“ тяготеет к Республиканской партии».

Этот разговор заставил меня почувствовать себя крайне неудобно. Я был одним из людей, увековечивавших систему, которую он презирал, и я был уверен, что он знал это. Моя работа, состоявшая в том, чтобы убедить его взять международный кредит, связанный обязательством привлечь американские инжиниринговые и строительные фирмы для реализации проекта, казалось, уперлась в гигантскую стену. Я решил ударить в лоб.

«Генерал, – спросил я, – зачем вы пригласили меня?»

Он посмотрел на часы и улыбнулся: «Да, самое время перейти к делу. Панаме нужна ваша помощь. Мне нужна ваша помощь».

Я был ошеломлен. «Моя помощь? Что я могу сделать для вас?»

«Мы заберем назад Канал. Но этого недостаточно. – Он откинулся в кресле. – Мы должны стать образцом. Мы должны показать всем, что мы заботимся о наших бедных, и что

наше стремление к независимости не продиктовано ни Россией, ни Китаем, ни Кубой. Мы должны доказать всему миру, что Панама – разумная страна, что мы не против Соединенных Штатов, а за права своих граждан».

Он закинул ногу на ногу. «Для того, чтобы сделать это, нам нужна экономическая база, которой нет ни у кого в полушарии. Электричество? Да – но электричество, доступное для самых бедных и дотируемое. То же самое касается транспорта и коммуникаций. И особенно сельского хозяйства. Для этого мы готовы взять ваши деньги – деньги Всемирного банка и Межамериканского Банка Развития».

Он снова наклонился вперед. Его глаза не отрывались от меня. «Я понимаю, что ваша компания стремится к большим подрядам и обычно получает их, раздувая объем проектов – более широкие автострады, более мощные электростанции, более глубокие гавани. Это – другой случай. Дайте мне, то что нам больше всего подходит, и я дам вам работу, которую вы хотите».

То, что он предложил, было абсолютно неожиданно и одновременно шокировало и воодушевило меня. Это бросало вызов всему, чему я научился в MAIN. Конечно, он знал, что игра в иностранную помощь была обманом – он обязан был это знать. Она была предназначена для того, чтобы сделать богатым его и повязать его страну долгами. Она была предназначена для того, чтобы Панама навеки была обязана Соединенным Штатам и корпоратократии. Она должна была удержать Латинскую Америку на дорожке «Манифеста Судьбы» и сохранить ее подвластной Вашингтону и Уолл-Стрит. Я был уверен, что он знал о том, что система основана на предположении о том, что все люди продажны, и что его решение не воспользоваться ею для личной выгоды будет расценено как угроза новой цепной реакции костяшек домино, способной, в конечном счете, развалить эту систему.

Я смотрел на человека, сидящего напротив меня за кофейным столиком и понимавшего, что наличие Канала наделяет его особенной и уникальной властью и ставит в очень небезопасное положение. Ему требовалась осторожность. Он уже утвердился в качестве одного из лидеров стран третьего мира. Если бы он, подобно его герою Арбенсу, решил быть твердым, мир замер бы в ожидании. Как отреагирует система? Конкретнее, что предпримет американское правительство? Латиноамериканская история была заполнена мертвыми героями.

Я знал также, что смотрю на человека, бросившего вызов всем моим самооправданиям. У этого человека, очевидно, были свои недостатки, но он не был никаким пиратом, ни Генри Морганом, ни Фрэнсисом Дрейком – удалыми авантюристами, использовавшими каперские свидетельства как легальные прикрытия пиратства. Картинка на придорожном плакате не была обычным пиаром. «Идеал Омара – свобода, и не изобретена еще ракета для уничтожения идеалов!» Разве Том Пэйн не писал нечто подобное?

Это же заставило меня спросить себя – если идеалы не умирают, то что можно сказать о людях, ими руководствующихся? Че, Арбенс, Альенде. И это натолкнуло на второй вопрос: насколько лияно я буду виноват, если из Торрихоса сделают мученика?

К тому времени, когда я покинул его, мы оба поняли, что MAIN получит контракт на генеральный план развития, если мы примем предложение Торрихоса.

Глава 14. Начало нового и зловещего периода в экономической истории

Как главный экономист я не только отвечал за департамент в MAIN и экономическую часть наших проектов по всему миру, но в мои обязанности входило также отслеживание современных экономических тенденций и теорий. Начало 1970-х гг. стало временем главных изменений в международной экономике.

В 1960-х гг. группа стран организовала ОПЕК, картель нефтедобывающих стран, в значительной степени, для защиты от могущественных нефтеперерабатывающих корпораций. Иран также был одним из основных факторов. Даже при том, что шах сохранил

свое положение, а возможно, и жизнь, благодаря тайному вмешательству Соединенных Штатов в борьбу с Моссадеком – и вероятно, даже вследствие этого факта – шах остро осознавал, что судьба может повернуться против него в любое время. Главы других нефтедобывающих стран разделяли это понимание и страх за свою судьбу. Они также знали, что основные международные нефтяные компании, известные как Семь Сестер, сотрудничают между собой в поддержании нефтяных цен на нужном уровне – и, следовательно, в понижении доходов нефтедобывающих стран – в целях увеличения собственных сверхприбылей. ОПЕК была создана, чтобы нанести ответный удар.

Это все вышло на передний план, когда в начале 1970-х ОПЕК поставила индустриальных гигантов на колени. Серия согласованных действий, закончившихся нефтяным эмбарго в 1973 г., угрожала экономической катастрофой, сравнимой с Великой Депрессией. Это был системный шок для экономик развитых стран, о размерах которого начинали догадываться лишь немногие люди.

Нефтяной кризис не мог настичь Соединенные Штаты в более худшее время. Это была нация в раздоре, полная опасений и неуверенности в себе, нестабильная из-за обидного поражения во Вьетнаме и намерения президента уйти в отставку. Проблемы Никсона не ограничивались Юго-Восточной Азией и Уотергейтом. Он вступил на ту ступеньку, которая ретроспективно будет воспринята как порог новой эры в мировой политике и экономике. В те дни, казалось, что «крохотные парни», включая страны ОПЕК, начинают брать верх.

Я был воодушевлен событиями в мире. Хотя мой хлеб был намазан маслом от корпоратократии, все же некоторой части меня нравилось, когда моих боссов ставили на место. Я думаю, это немного успокаивало мою совесть. Я видел тень Томаса Пэйна, не участвующего в игре, но подбадривающего ОПЕК.

Ни один из нас не имел представления о степени влияния нефтяного эмбарго в то время, когда оно случилось. У нас, конечно, имелись некоторые теории, но мы не осознавали то, что со временем стало очевидным. Теперь мы знаем, что темпы роста после нефтяного кризиса составили примерно половину того, что мы имели в 1950-хх и 1960-хх гг. и он имел место на фоне усилившегося инфляционного давления. Имевшийся рост отличался структурно и не был связан со значительным увеличением числа рабочих мест, поэтому безработица возросла. Ко всему прочему, международная денежно-кредитная система потерпела огромное потрясение, система фиксированных обменных курсов, преобладавшая с конца Второй Мировой войны по существу рассыпалась.

В это время я часто собирался с друзьями, чтобы обсудить эти проблемы за завтраком или за пивом после работы. Некоторые из них работали на меня – мой штат включал весьма неглупых мужчин и женщин, главным образом, молодых и вольнодумцев по обычным меркам. Остальные были менеджерами бостонских мозговых центров или профессорами в местных колледжах, а один был помощником конгрессмена. Это были неформальные встречи, и присутствовали на них иногда двое, иногда до дюжины человек. Споры на них велись, бывало, до хрипоты.

Когда я оглядываюсь назад на те дискуссии, мне становится стыдно за то чувство превосходства, которое я часто ощущал. Я не мог поделиться своим знанием. Мои друзья часто щеголяли своими преимуществами – связями с Бикон Хилл или Вашингтоном, профессорскими званиями или степенями PhD – я мог ответить на это лишь должностью главного экономиста ведущей консалтинговой фирмы, путешествовавшего первым классом по всему миру. Я ведь не мог обсуждать свои личные встречи с людьми, подобными Торрихосу, или то, что я знал о способах, которыми мы манипулировали странами на континенте. Это и было источником высокомерия и фрустрации.

Когда мы говорили об источниках могущества «крохотных парней», мне надо было проявлять огромную сдержанность. Я понимал, что никто из них не мог знать даже в теории о корпоратократии, о ее наемниках ЭКх или о шакалах, придерживаемых на заднем плане для того, чтобы не позволить «крохотным парням» получить контроль над ситуацией. Я мог лишь ссылаться на примеры Арбенса и Моссадека, а позднее на свергнутого ЦРУ

демократически избранного президента Чили Альенде. В действительности же, я понимал, что хватка глобальной империи лишь усиливается, вопреки воле ОПЕК, – и как я стал подозревать позднее, но не был до конца уверен, на самом деле, с помощью ОПЕК.

Наши беседы часто касались сходства между 1970-ми и 1930-ми гг. Последние представляли собой водораздел в международной экономике и методах ее исследования, анализа и воприятия. То десятилетие открыло путь кейнсианству в экономике и идее, что главную роль на ведущих рынках, в обеспечении услуг типа здравоохранения, выплаты пособий по безработице и других форм социального обеспечения должно играть правительство. Все даль ше уходили старые представления о саморегулировании рынков и о минимальности государственного вмешательства.

Депрессия окончилась Новым Курсом и политикой усиления экономического регулирования, правительственных финансовых манипуляций и расширением фискальной политики. Кроме то го, Депрессия и Вторая Мировая война привела к созданию организаций, подобных Всемирному банку и МВФ, а также к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ). 1960-е гг. стали переходным периодом от неоклассической к кейнсианской экономике. Это произошло при администрациях президентов Кеннеди и Джонсона, и пожалуй, самую ключевую роль в этом сыграл один человек – Роберт Макнамара.

Макнамара был частым гостем на наших дискуссиях, заочным, разумеется. Все мы знали о его стремительном взлете к популярности, от менеджера по планированию и финансовому анализу в «Ford Motor Company» в 1949 г. до ее президента в 1960 г., первого, не принадлежащего к семейству Фордов. Вскоре после этого Кеннеди назначил его министром обороны.

Макнамара был агрессивным сторонником кейнсианских подходов к управлению и использовал математические модели и статистические подходы для определения требуемых сил, финансирования и пр. при принятии стратегических решений во Вьетнаме. Его доводы в защиту «агрессивного лидерства» стали пользоваться популярностью не только у правительственных чиновников, но и у топ-менеджеров корпораций. Они сформировали основу нового философского подхода к обучению в лучших национальных бизнес-школах и привели, в конечном счете, к появлению новой породы высших администраторов, возглавивших движение к глобальной империи.

Когда мы сидели вокруг стола и обсуждали мировые события, мы особенно восхищались деятельностью Макнамары на посту президента Всемирного банка, который он занял вскоре после отставки с поста министра обороны. Большинство моих друзей обращали внимание на то, что он символизирует военно-промышленный комплекс. Он занимал высшие посты в крупнейшей корпорации, в правительстве, а теперь в самом могущественном банке мира. Такое невероятное нарушение принципов разделения властей поражало их, и пожалуй, я был единственным, кто этому ничуть не удивлялся.

Сейчас я понимаю, что самым огромным и зловещим вкладом Роберта Макнамары в историю было превращение Всемирного банка в агента глобальной империи невиданных масштабов. Он также создал прецедент. Его способность служить мостиком между основными компонентами корпоратократии была усвоена и развита его преемниками. Например, Джордж Шульц бывший секретарем казначейства и председателем Совета по экономической политике при Никсоне, стал после этого президентом «Bechtel», а затем госсекретарем при Рейгане. Каспар Уайнбергер был вице-президентом и генеральным советником «Bechtel», а затем стал министром обороны при Рейгане. Ричард Хелмс был директором ЦРУ при Джонсоне и послом в Иране при Никсоне. Ричард Чейни был министром обороны при Джордже Буше, затем президентом «Halliburton» и сейчас занимает пост вице-президента при Джордже Буше-мл. Даже президент США Джордж Буш (старший), начинавший как основатель «Zapata Petroleum Corp.», был американским послом в ООН при Никсоне и Форде и директором ЦРУ при Форде.

Оглядываясь назад, я удивляюсь наивности тех дней. Во многих отношениях мы все еще придерживались старинных подходов к строительству империи. Кермит Рузвельт

показал новый путь, свергнув иранского демократа и заменив его деспотом-шахом. Мы, ЭЖи, достигали своего в странах, подобных Индонезии и Эквадору, но Вьетнам был ярким примером того, как быстро можно было вернуться к старым методам.

Нам была нужна Саудовская Аравия, лидер ОПЕК, чтобы изменить ситуацию.

Глава 15. Освоение денег Саудовской Аравии

В 1974 г. один дипломат из Саудовской Аравии показал мне фотографии Эр-Рияда, столицы своей страны. На одной из этих фотографий было запечатлено стадо коз, роющихся в горах мусора неподалеку от правительственного здания. Когда я спросил дипломата о них, его ответ потряс меня. Он сказал мне, что козы являются главной системой города по очистке от мусора.

«Гордость саудитов никогда не позволит им унизиться до уборки мусора, – ответил он. – Мы оставляем это животным».

Козы! В столице самого великого нефтяного королевства мира. Это казалось невероятным.

В то время я находился в группе консультантов, занимавшихся поиском выхода из нефтяного кризиса. Эти козы привели меня к пониманию того, каким бы могло быть решение, особенно учитывая специфику развития страны за предыдущие три столетия.

История Саудовской Аравии полна насилия и религиозного фанатизма. В XVIII в. Мохаммед ибн Сауд, местный вождь, объединил свои усилия с фундаменталистами из ультраконсервативной секты ваххабитов. Это был могучий союз, и в течение следующих двухсот лет семья Саудов и их ваххабитские союзники завоевали большую часть Аравийского полуострова, включая святыни ислама Мекку и Медину.

Саудовское общество отражало пуританский идеализм своих основателей, в нем было предписано строгое соблюдение заповедей Корана. Религиозная полиция обеспечивала соблюдение даже требования обязательной молитвы пять раз в день.

Женщины обязаны были закрывать свое лицо и тело с головы до ног. Наказания за преступления были жестоки, публичные казни и побитие камнями были обыкновением делом. При первом посещении Эр-Рияда я был поражен, когда мой водитель сказал мне, что я могу спокойно оставить в районе местного рынка в незапертом салоне автомобиля свою камеру, портфель и даже бумажник.

«Никто даже не подумает о краже, – сказал он. – Ворам тут отрубает руки».

Позднее тем же днем он спросил меня, не хочу ли я посетить площадь, которую прозвали Чик-чик, и посмотреть на казнь. Приверженность ваххабизма тому, что мы сочли бы чрезвычайным пуританством, освободила улицы от воров – и требовала самых жестоких телесных наказаний для преступников. Я отклонил приглашение.

Саудовский взгляд на религию как на важнейший элемент политики и экономики внес существенный вклад в нефтяное эмбарго, которое потрясло Западный мир. 6 октября 1973 г. (на Йом Кипур, один из главных еврейских праздников) Египет и Сирия совместно напали на Израиль. Это было началом Октябрьской войны – четвертой и наиболее разрушительной из арабо-израильских войн – одной из войн, оказавших самое серьезное влияние на мировое развитие. Президент Египта Садат оказал давление на короля Саудовской Аравии Фейсала с тем, что бы последний принял меры по недопущению участия США в войне на стороне Израиля, используя то, что Садат назвал «нефтяным оружием». 16 октября Иран и еще пять стран Персидского залива, включая Саудовскую Аравию, объявили о 70-процентном увеличении цен на нефть.

На встрече в Кувейт-Сити арабские министры нефтяной промышленности рассматривали варианты дальнейших действий. Иракский представитель был сильно настроен в пользу ущемления США. Он предлагал делегатам национализировать американские коммерческие предприятия в арабском мире, объявить тотальное эмбарго на

поставки нефти в США и дружественные Израилю страны и изъять арабские активы из американских банков. Он указывал на огромный объем арабских счетов и предсказывал, что их изъятие спровоцирует обвал, мало чем отличающийся от паники 1929 г.

Остальные арабские министры не склонны были принимать настолько радикальный план, но 17 октября они решили согласиться с вариантом ограниченного эмбарго, которое должно было начаться с 5-процентного сокращения нефтедобычи. Затем добыча должна была сокращаться на 5 процентов в месяц вплоть до момента достижения политических целей эмбарго. Министры согласились, что Соединенные Штаты должны быть наказаны за произраильскую позицию и должны быть подвергнуты самому серьезному эмбарго.

Несколько стран, участвовавших во встрече, объявили о 10-процентном сокращении добычи вместо 5-процентного.

19 октября президент Никсон запросил у Конгресса 2.2 млрд долларов на помощь Израилю. На следующий день Саудовская Аравия и другие арабские нефтедобывающие страны объявили тотальное нефтяное эмбарго на поставки нефти в США.

Нефтяное эмбарго закончилось 18 марта 1974 г. Оно было непродолжительным, но влияние его было огромно. Цена саудовской нефти выросла с 1.39 доллара за баррель 1 января 1970 г. до 8.32 доллара за баррель 1 января 1974 г.. Политики и будущие государственные деятели никогда не будут забывать об уроках, полученных в первой половине 1970-х гг. В конечном счете, ущерб тех нескольких месяцев послужил укреплению корпоратократии и ее трех основных столпов – крупных корпораций, международных банков и правительств – сплотившихся как никогда прежде. Это сплочение должно было быть закреплено.

Эмбарго привело к значительным изменениям взглядов на внешнюю политику. Уолл-Стрит и Вашингтон убедились, что ни в коем случае нельзя более допускать ничего подобного. Защита наших нефтяных поставок была приоритетом и до 1973 г., после него она стала навязчивой идеей. Эмбарго подняло статус Саудовской Аравии как игрока на мировой арене и вынудило Вашингтон признать стратегическую важность королевства для нашей собственной экономики. Помимо этого, оно стимулировало лидеров корпоратократии в поисках способов канализировать нефтедоллары обратно в Америку и задуматься над тем фактом, что саудовский режим испытывал отчаянную нехватку административных и институциональных структур управления его капиталами, растущими как на дрожжах.

Для Саудовской Аравии дополнительный приток средств от повышения нефтяных цен явился сомнительным даром. Он заполнил национальную казну миллиардами долларов, но послужил и определенному подрыву строгих религиозных норм ваххабитов. Богатые саудиты путешествовали по всему миру. Они посещали школы и университеты в Европе и Соединенных Штатах. Они покупали роскошные автомобили и набивали свои дома западными товарами. Консервативные воззрения уступили место новой форме материализма – и этот материализм подсказал решение проблемы будущих нефтяных кризисов.

Практически сразу после окончания нефтяного эмбарго Вашингтон начал переговоры с Саудами о технической поддержке, военных поставках и обучении, предлагая ввести страну в двадцатое столетие в обмен на нефтедоллары и, что гораздо более важно, в обмен на гарантии недопущения будущих нефтяных эмбарго. Переговоры закончились созданием крайне необычной организации – Американо-саудовской совместной экономической комиссии (United States-Saudi Arabian Joint Economic Commission). Известная как JECOR, она воплотила инновацию, которая была полной противоположностью традиционным программам иностранной помощи – предполагалось на саудовские деньги нанимать американские фирмы для фактического строительства новой Саудовской Аравии.

Хотя общее управление и финансовая ответственность были возложены на Казначейство США, комиссия была крайне независима. В конечном счете, ей предстояло потратить многие миллиарды долларов в течение более чем двадцати пяти лет, фактически, без тени подотчетности Конгрессу США. Поскольку американское финансирование не привлекалось, Конгресс не имел полномочий вмешиваться в деятельность этой комиссии,

даже несмотря на участие Казначейства США. После широкого изучения деятельности JECOR Дэвид Холден и Ричард Джонс заключили: Это было соглашение с самыми далекоидущими последствиями, когда либо заключавшееся США с развивающейся страной. Оно давало возможность Соединенным Штатам глубоко проникнуть в Королевство, закрепляя концепцию будущей взаимозависимости».

Казначейство привлекло MAIN на самой ранней стадии в качестве консультанта. Меня вызвали и сообщили, что для меня есть очень важная работа и все, что я узнаю и сделаю, носит чрезвычайно конфиденциальный характер. С моей точки зрения, все это очень походило на тайную операцию. Вначале я склонялся к мысли, что MAIN является ведущим консультантом, однако, прибыв на место, я понял, что мы были лишь одной из многих привлеченных экспертных организаций.

Поскольку все держалось в большом секрете, я не был посвящен в переговоры Казначейства с другими консультантами и не мог оценить свою роль в этом беспрецедентном мероприятии. Теперь я знаю, что эта сделка установила новые стандарты для ЭКОВ и дала толчок инновационным альтернативам традиционным подходам к продвижению интересов империи. Я также знаю, что большинство сценариев, разработанных в ходе моей работы, были, в конечном счете, осуществлены, и MAIN была вознаграждена одним из первых – и чрезвычайно выгодных – контрактов в Саудовской Аравии, а я получил большую премию в том году.

Моя работа заключалась в прогнозировании развития Саудовской Аравии в результате инвестирования огромных денег в инфраструктуру и планировании сценариев направления инвестиций. Короче говоря, меня попросили напрячь все свое творческое воображение для мотивации вливания сотен миллионов долларов в саудовскую экономику, которые освоит американские инжиниринговые и строительные компании. Меня попросили сделать это самостоятельно, не прибегая к помощи своих подчиненных, и я был изолирован в маленьком зале заседаний, расположенном на несколько этажей выше моего департамента. Я был предупрежден, что моя работа связана с вопросами национальной безопасности и потенциально очень прибыльна для MAIN.

Я понимал, что главная цель заключается не в обычном ввержении страны в пучину долгов, которые она никогда не сможет выплатить, скорее, она заключалась в возврате львиной доли нефтедолларов, выплаченных Соединенными Штатами. В процессе Саудовская Аравия должна была втянуться в игру, и ее экономика должна была настолько тесно переплестись с нашей, чтобы это гарантировало ее ориентацию на Запад и, следовательно, саудовские симпатии и интеграцию в нашу систему.

Как только я начал, я понял, что козы, блуждающие по улицам Эр-Рияда, являются символическим ключом, отправной точкой для прорыва саудитов в современный мир. Эти козы просто умоляли заменить их на нечто более подходящее этому королевству, жаждавшему этого прорыва. Я знал также, что экономисты ОПЕК убеждают нефтедобывающие страны в необходимости экспорта продуктов нефтепереработки. Они убеждали свои страны развивать нефтепереработку для того, чтобы продавать продукты нефтепереработки всему миру по более высоким ценам, вместо продажи сравнительно недорогой сырой нефти.

Это открывало путь к стратегии, которая, я был в этом уверен, позволила бы выиграть всем. Козы, разумеется, были всего лишь отправным пунктом. Нефтяные доходы могли бы использоваться для строительства американскими компаниями самой современной системы сбора и переработки мусора и отходов, которой саудовцы по праву могли бы гордиться.

Я подумал о козах, как об одной из частей уравнения, которое могло бы быть применено к большинству секторов экономики королевства, формулы успеха в глазах королевской фамилии, Казначейства США и моих боссов в MAIN. С помощью этой формулы деньги пошли бы в промышленный сектор, предназначенный для переработки сырой нефти в продукцию на экспорт. В пустыне должны были вырасти большие

нефтехимические комплексы, окруженные огромными технопарками. Естественно, это потребовало бы строительства гигаваттных электростанций, линий электропередач, шоссе, трубопроводов, систем телекоммуникаций и транспортных систем, включая аэропорты, развития морских портов, сферы обслуживания и прочих элементов инфраструктуры, заставляющих вращаться все колесики разом.

Мы могли бы надеяться, что это план мог бы стать образцом для подражания во всем остальном мире. Путешествующие по всему миру саудиты пели бы нам похвалы, призывали бы лидеров остальных стран познакомиться на месте с саудовским чудом, эти лидеры обращались бы к нам за воплощением подобных планов в своих странах – большей частью не входящих в ОПЕК – и позволили бы привлекать Всемирный банк и использовать прочие методы навешивания долгов для финансирования всего этого. Глобальная империя поживилась бы самым лучшим образом.

Когда я работал над этими идеями, я думал о козах и из головы у меня не выходили слова саудовского дипломата: «Гордость саудитов никогда не позволит им унизиться до уборки мусора». Я слышал этот рефрен неоднократно, в разных контекстах. Было очевидно, что саудиты не собираются использовать своих людей на черной работе, например, в качестве промышленных рабочих или на строительстве на любом из проектов. Во-первых, их было слишком мало. К тому же, королевский дом Саудов взял на себя обязательство обеспечить своим подданным такой уровень образования и жизни, который был явно несовместим с физическим трудом. Саудиты могли бы руководить, но не испытывали ни малейшего желания становиться промышленными и строительными рабочими. Поэтому было необходимо импортировать рабочую силу из других стран, оттуда, где она была дешева и где людям нужна была работа. По возможности, рабсила должна была прибывать из других ближневосточных или исламских стран – таких, как Египет, Палестина, Пакиста и Йемен.

Этот проект продуцировал еще одну стратегию для возможного развития. Огромные комплексы для размещения рабочих требовали торговых центров, больниц, пожарных и полицейских участков, водопроводных и канализационных систем, электрических, телекоммуникационных и транспортных сетей – фактически, результатом должно было стать возведение современных городов посреди пустыни. Здесь можно было также разместить научные центры по развитию технологий, например, desalination plants, микроволновых систем, здравоохранения и компьютерных технологий.

Саудовская Аравия была осуществившейся мечтой проектанта, которую понял бы каждый, связанный с инжиниринговым или строительным бизнесом. Она предоставляла экономическую возможность, невиданную в истории: слаборазвитая страна с фактически неограниченными ресурсами и желанием вступить в современный мир быстрыми темпами.

Я должен признать, что наслаждался этой работой. Надежных данных по Саудовской Аравии не было нигде, ни в Бостонской публичной библиотеке, ни где-либо еще – ничего, что оправдало бы применение эконометрических моделей в этом контексте. В действительности, объем работы – полное и стремительное трансформации целой нации в ранее невиданных масштабах – подразумевал, что даже если бы подобные данные и существовали, они не имели большого значения.

Никто, впрочем, и не ожидал количественного анализа, по крайней мере, на данном этапе игры. Я просто заставил поработать свое воображение и выдал доклад, предполагавший великолепное будущее для королевства. Для оценки приблизительной стоимости мегаватта электроэнергии, мили шоссе, очистки воды, стоимости канализации, жилья, продовольствия, коммунальных и прочих услуг на одного рабочего я использовал цифры, высосанные из пальца. Как и предполагалось, я не уточнял эти сметы и не делал никаких окончательных выводов. В мою задачу входило простое описание планов (более точно, вероятно, мое «видение» их) того, что можно было бы сделать, и грубая оценка затрат на воплощение всего этого.

Я все время держал в голове истинные цели: максимизацию платежей американским компаниям и превращение Саудовской Аравии в зависимую от Соединенных Штатов страну.

Несложно понять, как тесно связаны были эти задачи: все проекты требовали непрерывной и постоянной модернизации и обслуживания, все они были чрезвычайно сложными, что обеспечивало компаниям, их воплощавшим, постоянную занятость по их развитию и сопровождению. По мере продвижения своей работы я начал формировать по два списка для каждого предполагаемого проекта: один из них был списком контрактов на реализацию, второй – списком долгосрочных контрактов на сервис и сопровождение. MAIN, «Bechtel», «Brown amp; Root», «Halliburton», «Stone amp; Webster» и многие другие американские инжиниринговые и подрядные компании получали бы прибыль на протяжении десятилетий.

Помимо чисто экономических, были и другие крючки, намертво привязывающие к нам Саудовскую Аравию. Модернизация богатого нефтью королевства вызвала бы неоднозначные последствия. Например, консервативные мусульмане были бы разъярены; Израиль и соседние страны ощутили бы угрозу. Экономическое развитие страны повлекло бы развитие оборонительных структур Аравийского полуострова. Частные компании, специализирующиеся в этой сфере, также могли бы рассчитывать на щедрые контракты, а затем на обслуживание и сопровождение. Оборона потребовала бы инжиниринга и строительства аэропортов, ракетных баз, казарм и всей инфраструктуры, связанной с их обслуживанием.

Я отослал свои бумаги в запечатанном конверте внутриофисной почтой в адрес менеджера проекта Казначейства. Иногда я встречался с парой остальных членов нашей команды – вице-президентами MAIN и моими начальниками. Поскольку у нас не было официального наименования для этого проекта, который все еще находился в стадии изучения и не был передан в JECOR, мы ссылались на него – шепотом – как на SAMA. Вообще говоря, это означало Дело по Освоению Саудовских Денег (Saudi Arabian Money-laundering Affair), однако в этом была еще и игра слов – SAMA назывался также центробанк Королевства, Денежно-кредитное агентство Саудовской Аравии (Saudi Arabian Monetary Agency).

Иногда с нами встречались представители Казначейства. Я задавал не так много вопросов в ходе этих встреч. Главным образом, я описывал свою работу, отвечал на замечания и соглашался сделать что-либо дополнительное, о чем меня изредка просили. Вице-президенты и представители Казначейства особенно воодушевлялись моими соображениями о долгосрочном сервисе и сопровождении. Это натолкнуло одного из вице-президентов на характеристику королевства, которую мы потом часто повторяли: «корова, которую можно доить до самой пенсии». Что до меня, то передо мной всегда стоял образ козы, а не коровы.

Именно в течение этих встреч я пришел к пониманию того, что в проект вовлечены несколько наших конкурентов для решения аналогичных задач и все мы ожидаем прибыльных контрактов в результате наших усилий. Я полагал, что MAIN и остальные фирмы пошли на риск предварительной работы без предоплаты, об этом свидетельствовало то, что мои затраты рабочего времени относились на счет общих и административных расходов. Этот подход был типичен для начальных стадий работы над большинством проектов. В данном случае начальные инвестиции намного превысили норму, но вице-президенты казались убежденными в окупаемости проекта.

Несмотря на то, что мы знали о конкурентах, мы считали, что работы хватит всем. Я уже достаточно долго находился в этом бизнесе, чтобы знать, что вознаграждение напрямую зависит от объема принятой Казначейством работы, и консалтинговые фирмы, предложившие именно те подходы, которые будут воплощены, получают самые отборные контракты. Я считал своим долгом создавать беспроигрышные сценарии. Моя звезда уже высоко поднималась в MAIN и участие в SAMA гарантировало дальнейший восход, если нам суждено добиться успеха.

На наших встречах мы обсуждали также вероятность того, что SAMA и деятельность JECOR в целом создадут прецедент. Ведь это и впрямь было новым подходом к получению

прибыльных контрактов в странах, который не нуждались в кредитах международных банков. Как примеры подобных стран на ум сразу приходили Иран и Ирак. Учитывая человеческую природу, мы подозревали, что лидеры этих стран захотят подражать Саудовской Аравии. Не оставалось ни малейших сомнений, что нефтяное эмбарго 1973 г., первоначально казавшееся столь ужасным, принесет еще много приятных сюрпризов инжиниринговому и строительному бизнесу и поможет дальнейшему прокладыванию дороги к глобальной империи.

Я работал на этой умозраительной стадии примерно восемь месяцев – хотя не более чем несколько дней подряд – изолированный в малом зале заседаний или у себя на квартире. Все мои подчиненные имели другие задания и могли прекрасно сами позаботиться о себе, хотя я и контролировал их время от времени. Постепенно тайна вокруг нашей работы рассеивалась. Все больше людей узнавало что Саудовская Аравия вовлекается в какую-то большую игру. Волнение нарастало, слухи расползались. Вице-президенты и представители Казначейства становились более открыты – потому, в частности, как я предполагаю, что и сами получали доступ к большей информации, поскольку прояснялось все больше деталей хитроумной схемы.

В соответствии с развивающимся планом, Вашингтон желал, чтобы Сауды гарантировали нефтяные поставки по ценам, остающимся в приемлемых для Соединенных Штатов и их союзников пределах. Если остальные страны, такие как Иран, Ирак, Индонезия или Венесуэла, начали бы угрожать эмбарго, Саудовская Аравия с ее обширными запасами нефти должна была бы восполнить потери. Сам факт того, что это возможно, в конечном счете, должен было удержать остальные страны от мысли от эмбарго. В обмен на подобные гарантии Вашингтон предлагал королевскому дому Саудов удивительно выгодную сделку: полную и недвусмысленную поддержку со стороны США, включая военную при необходимости, и тем самым гарантируя их длительное пребывание у власти в стране.

Это была сделка, от которой Саудам было невозможно отказаться, учитывая их географическое местоположение, слабость вооруженных сил, уязвимость перед соседями наподобие Ирана, Сирии, Ирака или Израиля. Естественно, пользуясь этой слабостью, Вашингтон выдвигал еще одно условие – оно, кстати, полностью пересматривало роль ЭКОВ в мире и послужило образцом для наших действий, которые позднее мы попытались предпринять в некоторых странах, в особенности, в Ираке. Оглядываясь назад, мне трудно понять, как могла Саудовская Аравия принять это условие. Разумеется, остальной арабский мир, ОПЕК и другие исламские страны были потрясены, когда они узнали об этом и прочих условиях сделки, в ходе которой королевский дом сдавался требованиям Вашингтона.

Условие заключалось в том, что на нефтедоллары Саудовская Аравия должна была покупать ценные бумаги американского правительства, в свою очередь, проценты по этим бумагам должны были использоваться Казначейством на цели модернизации и вывода Саудовской Аравии из средневековья в современный промышленно развитый мир. Иными словами, процент за пользование деньгами нефтяного королевства должен был пойти на оплату работы американских компаний по воплощению моих идей (и идей наших конкурентов) по превращению Саудовской Аравии в современную индустриальную страну. Наше Казначейство должно было нанимать нас на саудовские деньги для проектирования и строительства объектов инфраструктуры и даже целых городов повсюду на Аравийском полуострове.

Хотя саудиты оставляли за собой право определения общей направленности проекта, реальность состояла в том, что элитный корпус иностранцев (неверных в глазах мусульман) будет определять будущее политики и экономики Аравийского полуострова. И это должно было случиться в королевстве, основанном на консервативнейших принципах ваххабизма и следовавшем этим принципам на протяжении столетий. Это должно было стать огромным незамолимим грехом с их стороны, и все же в этих обстоятельствах, в условиях политического и военного давления, организованного Вашингтоном, я подозревал, что Сауды понимают – выбор у них невелик.

С нашей точки зрения, выгоды казались безграничными. Это была сладостная сделка, потенциально создающая невообразимые перспективы. И что делало ее еще слаще, нам не надо было получать одобрение Конгресса – процесс, который ненавидят все корпорации, особенно подобные «Bechtel» и MAIN, которые не любят раскрывать свои бухгалтерские книги и открывать свои тайны. Томас Липпман, адъюнкт в Институте Ближнего Востока и бывший журналист, красноречиво суммирует все преимущества этой сделки:

«Саудиты, купаясь в деньгах, ссужали бы сотни миллионов долларов Казначейству, которое пользовалось бы ими вплоть до момента выплат поставщикам и подрядчикам. Эта система гарантировала бы работу этих денег на американскую экономику... Она также гарантировала, что менеджеры комиссии с согласия саудитов могли предпринимать что угодно, не отчитываясь перед Конгрессом».

Определение параметров этого исторического соглашения заняло меньше времени, чем можно было бы себе представить. Теперь надо было найти способ его воплощения. Для приведения процесса в движение в Саудовскую Аравию отправился кто-то на самом высоком правительственном уровне с конфиденциальнейшей миссией. Я никогда не знал этого наверняка, но полагаю, что это был Генри Киссинджер.

Кто бы ни был этим посланником, первое, что он должен был сделать, это напомнить королевской фамилии о случившемся с Моссадеком в Иране, попытавшимся пренебречь британскими нефтяными интересами. Затем он должен был сделать очень привлекательное предложение, от которого Саудам было бы сложно отказаться, учитывая при этом, что выбор у них, на самом деле, невелик. Я уверен, что у них создали впечатление, что альтернатив всего две – принять наше предложение и воспользоваться нашей поддержкой или пойти путем Моссадека. Когда посланник вернулся в Вашингтон, он привез согласие Саудов подчиниться.

Правда, было одно небольшое препятствие. Мы должны были убедить всех ключевых игроков в саудовском правительстве, хотя, как нам и сказали, это было чисто семейное дело. Хотя Саудовская Аравия не была демократией, сам королевский дом нуждался в определенном согласии.

В 1975 г. меня бросили на одного из таких ключевых игроков. Я всегда называл его про себя принцем У. – принцем Уэльским – хотя и не думал, что он и в самом деле наследный принц. Моей задачей было убедить его, что SAMA принесет пользу его стране и ему лично.

Это было не так-то легко, как показалось поначалу. Принц У. полагал себя добрым ваххабитом и не собирался безучастно наблюдать, как как страна скатывается к западному меркантилизму. Он также считал, что постиг все коварство наших предложений. У нас, по его словам, были те же цели, что и у крестоносцев тысячу лет назад: христианизация арабского мира. Частично, разумеется, он был прав. С моей точки зрения различие между нами и крестоносцами и впрямь было не особенно велико. Средневековые европейские католики утверждали, что их цель спасение мусульман от чистилища и ада, мы утверждали, что хотим модернизировать саудовское общество. По правде говоря, думаю, что и крестоносцы, и корпоратократия заботились лишь о строительстве империи.

Несмотря на религиозные убеждения, принц У. имел одну слабость – к красивым блондинкам. Это звучит смешно на фоне утвердившегося стереотипа, но я должен сказать, что принц У. был единственным среди знакомых мне Саудов, которому эта слабость была присуща, или по крайней мере, единственным, кто позволил мне о ней узнать. И все же это сыграло свою роль в продвижении исторической сделки и это демонстрирует, насколько далеко я пошел ради успеха своей миссии.

Глава 16. Сутенерство и финансирование Осамы бен Ладена

С самого начала принц У. дал мне понять, что желал бы наслаждаться обществом привлекательной женщины во время своих визитов в Бостон, и в ее функции должно было

бы входить нечто большее, чем простой эскорт. Однако он совершенно не желал иметь дело с профессионалкой, опасаясь ее встречи с кем-либо из своей семьи на улице или на приеме. Мои встречи с принцем У. были конфиденциальными, что облегчало мою задачу по выполнению его пожеланий.

Салли была очаровательной голубоглазой блондинкой из Бостона. Ее супруг, пилот «United Airlines», большой ходок на сторону как на работе, так и вне ее, не делал особого секрета из своей неверности. Салли относилась к шалостям мужа свысока. Ее устраивала его зарплата, шикарная квартира в Бостоне и прочие преимущества супруги пилота. Десятком лет раньше она была хиппи, привыкшей к промискуитету, и ей показалась привлекательной идея дополнительного тайного дохода. Она согласилась дать принцу У. шанс при условии того, что будущее их отношений целиком и полностью зависело от его поведения и отношения к ней.

На мое счастье, они понравились друг другу.

Отношения принца У. и Салли, ставшие частью SAMA, создали для меня определенные проблемы. MAIN строго запрещал своим сотрудникам заниматься чем-либо противозаконным. А с точки зрения закона, я занимался сутенерством – занятием, запрещенным в Массачусетсе – и поэтому главной проблемой была оплата услуг Салли. К счастью, бухгалтерский отдел наделил меня большими привилегиями по части расходов. Я был щедр на чаевые, и смог убедить официантов некоторых ресторанов обеспечить меня чистыми бланками счетов, ведь это была эра, когда счета выписывались людьми, а не компьютерами.

Со временем принц У. осмелел. Как-то он пожелал, чтобы я уговорил Салли приехать и пожить в его особняке в Саудовской Аравии. Это не было чем-то из ряда вон выходящим в те дни, торговля женщинами активно процветала в те дни между некоторыми европейскими странами и Ближним Востоком. Эти женщины заключали контракт на определенный срок, и когда он истекал, они возвращались домой с весьма ощутимым счетом в банке. Роберт Баер, оперативник ЦРУ с двадцатилетним стажем и специалист по Ближнему Востоку, так описывал это: «В начале 1970-х гг., когда начался потоп из нефтедолларов, один предприимчивый ливанец начал заниматься контрабандой девиц для принцев... Поскольку никто в королевском семействе даже не подумывал экономить средства, ливанец стал невероятно богат».

Я был знаком с подобной ситуацией и даже знал людей, которые могли устроить такие контракты. Однако налицо было два препятствия: Салли и оплата. Я был уверен, что Салли не покинет Бостон ради особняка в пустыне на Ближнем Востоке. Очевидно было также, что никакая стопка чистых бланков счетов из ресторанов не покроет эти расходы.

Принц У. позаботился насчет последнего – он сообщил мне, что намерен платить своей любовнице напрямую, а мне остается только все устроить. И совсем большое облегчение ожидало меня, когда он сообщил, что Салли в Саудовской Аравии вполне может отличаться от той Салли, которая составляла ему компанию в Соединенных Штатах. Я позвонил нескольким своим друзьям, которые имели контакты с ливанцами в Лондоне и Амстердаме. Через пару недель сменщица Салли подписала контракт.

Принц У. был сложным человеком. Салли вполне удовлетворила его плотские потребности, и мне удалось завоевать его определенное доверие. Однако это ни в коем случае не убедило его в том, что SAMA является стратегией, которую он мог бы рекомендовать для страны. Мне предстояла весьма нелегкая работа. Я потратил много часов, показывая ему статистику и помогая анализировать ситуацию и методы, которые мы применяли для других стран, включая эконометрические модели, которые я делал для Клодин, изучая Кувейт перед поездкой в Индонезию. В конечном счете, он смягчился.

Я незнаком с деталями того, что происходило у моих коллег ЭКов с другими главными саудовскими принцами. Все, что я знаю, это то, что пакет наших предложений был полностью одобрен королевской семьей Саудов. MAIN была вознаграждена за свое участие одним из первых самых прибыльных контрактов, выполняемых под руководством

Казначейства США. Нам доверили полное обследование дезорганизованной и устаревшей энергосистемы страны и проектирование новой, полностью соответствовавшей американским стандартам.

Мне предстояло, как обычно, выехать в составе первой же команды и заняться прогнозами экономического роста и нагрузки энергосистемы для каждого региона страны. Еще трое моих подчиненных, имевших опыт международной работы, должны были приехать в Эр-Рияд, когда наш юридический департамент предписал нам в соответствии с контрактом завести на месте полностью оборудованный офис и начать работу в течение ближайших нескольких недель. На этот пункт, правда, не обращали внимание более месяца. Наше соглашение с Казначейством предусматривало также, что все оборудование должно было быть произведено в США или Саудовской Аравии. Поскольку Саудовская Аравия ничего подобного не производила за неимением производства, нам приходилось все отправлять из Штатов. К нашему огорчению, мы обнаружили, что своего захода в порты Саудовской Аравии ждет огромная очередь танкеров и прочих кораблей. Ожидание груза могло затянуться на много месяцев.

MAIN не собиралась терять драгоценный контракт из-за нескольких меблированных комнат офиса. На совещании всех заинтересованных лиц и партнеров мы устроили настоящий мозговой штурм, продлившийся несколько часов. Решением, на котором мы остановились, был чартерный рейс в Саудовскую Аравию «Боинга-747», забитый товарами со складов в Бостоне. Иногда я думаю, как это выглядело бы со стороны, если бы этот самолет принадлежал «United Airlines» и управлял им незадачливый пилот, жена которого так много сделала для приведения в чувство королевского дома Саудов.

* * *

Сделка между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией преобразила королевство чуть ли не в одну ночь. Коз заменили две сотни желтых современнейших американских мусоровозов, поставленных по двухсотмиллионному контракту с «Waste Management, Inc.». Аналогичным образом был модернизирован каждый сектор экономики Саудовской Аравии, от сельского хозяйства и электроэнергетики до образования и телекоммуникаций. Как написал Томас Липпман в 2003 г.:

Американцы изменили обширный суровый пейзаж с палатками кочевников и грязными хижинами фермеров по собственному образцу: со «Starbucks» на углу и пандусами для инвалидов колясок в общественных зданиях. Саудовская Аравия сегодня – это страна скоростных автострад, компьютеров, кондиционированных моллов, заполненных шикарными магазинами, как в американских предместьях, элегантных отелей, фастфудов, спутникового телевидения, современных больниц, многоэтажных офисных зданий и луна-парков с каруселями.

Планы, которые мы разрабатывали в 1974 г., установили стандарты будущих переговоров с богатыми нефтью странами. В некотором смысле, SAMA/JECOR были следующим этапом после того, что сделал Кермит в Иране. В политико-экономический арсенал солдат новой империи вошло оружие совершенно нового инновационного характера.

Дело по Освоению Саудовских денег и Объединенная комиссия также породили новые прецеденты в международной юридической практике. Это стало очевидным в случае с Иди Амином. Когда печально известный угандийский диктатор удался в изгнание в 1979 г., ему предоставили политическое убежище в Саудовской Аравии. Хотя все считали его кровавым деспотом, ответственным за смерть нескольких сот тысяч человек, он ушел на покой в Саудовской Аравии в роскоши, с автомобилями и прислугой обеспеченными королевским домом Саудов. Соединенные Штаты робко возражали, но не стали настаивать на своих возражениях из опасений разрыва договоренностей с Саудами. Амин коротал свое время на рыбной ловле и в прогулках по пляжу. В 2003 г. он умер в Джидде от почечной

недостаточности в возрасте восьмидесяти лет.

Более тонкой и намного более разрушительной была роль, которую Саудовской Аравии позволили играть в финансировании международного терроризма. Соединенные Штаты не делали никакой тайны из того, что желали бы, чтобы дом Саудов финансировал войну Осамы бен Ладена в Афганистане против Советского Союза в 1980-х гг., и совместно Эр-Рияд с Вашингтоном вложили примерно 3.5 млрд долларов в поддержку моджахедов. Однако американско-саудовское партнерство пошло намного дальше.

В конце 2003 г. «U.S. News amp; World Report» представил исчерпывающее исследование «Саудовский след» (The Saudi Connection). Журналисты просмотрели тысячи страниц судебных записей, разведывательных отчетов американских и иностранных спецслужб и других документов, взяли интервью у множества правительственных чиновников и экспертов по терроризму и Ближнему Востоку. В нем заключалось:

Свидетельства бесспорны: Саудовская Аравия, давний союзник Америки и крупнейший производитель нефти, стала, некоторым образом, как выразился старший чиновник Казначейства США, «эпицентром» финансирования террористов...

Начиная с конца 1980-хх гг. – после иранской революции и советской войны в Афганистане – квазиофициальные благотворительные фонды Саудовской Аравии стали главным источником финансирования для быстро растущего движения джихада. Их деньги направлялись примерно в 20 стран для создания военизированных лагерей обучения, закупки оружия и вербовки новых членов...

Саудиты щедро поощряли чиновников США смотреть в другую сторону, как рассказывают ветераны разведки. Миллиарды долларов в контрактах, грантах и зарплатах разошлись по карманам большого количества ныне отставных американских должностных лиц, которые вели дела с Саудами: послов, резидентов ЦРУ и даже простых референтов...

Электронные перехваты разговоров уличали членов королевской семьи в поддержке Аль-Каеды и других террористических организаций.

После атак 2001 г. на Всемирный Торговый центр и Пентагон на свет появляется все больше свидетельств тайных отношений между Вашингтоном и Эр-Риядом. В октябре 2003 г. журнал «Vanity Fair» в статье «Спасая Саудов» обнародует информацию, ранее никогда не публиковавшуюся. История об отношениях между семейством Буша, домом Саудов и семейством бен Ладенов совсем не удивила меня. Я знал, что эти отношения восходят к САМА, начавшемуся в 1974 г. и Джорджу Бушу, американскому послу в ООН с 1971 по 1973 гг. и директору ЦРУ с 1976 по 1977 гг... Единственное, что меня удивило, так это утечка информации в печать. «Vanity Fair» заключает:

Семья Бушей и дом Саудов, две самые могущественные династии в мире, имели тесные личные, деловые и политические связи на протяжении более чем 20 лет...

В частном секторе Сауды поддержали «Harken Energy», нефтяную компанию, в которую инвестировал Дж. Буш. Не так давно бывший президент Дж. Буш и его давний союзник бывший госсекретарь Дж. Бейкер появились у Саудов в качестве фандрайзеров «Carlyle Group», пожалуй, самой крупной фирмой по управлению частными инвестициями в мире. И сегодня бывший президент Буш продолжает оставаться главным советником фирмы, в число инвесторов которой входит саудит, обвиняемый в поддержке терроризма.

Сразу после 11 сентября богатые саудиты, включая членов семьи бен Ладена, покинули США на частных реактивных самолетах. Никому не позволили прояснить ситуацию с рейсами и опросить пассажиров. Может быть, длительные связи семьи Буша с Саудами помогли этого избежать?

Часть III: 1975-1981

Глава 17. Переговоры по Панамскому каналу и Грэм Грин

В Саудовской Аравии состоялось множество карьер. Моя уже была неплоха, а успехи в пустынном королевстве открыли для меня еще больше дверей. К 1977 г. я построил свою маленькую империю, включавшую штат из примерно двадцати профессионалов в нашем бостонском офисе и постоянных консультантов из других отделов и офисов MAIN, рассеянных по всему земному шару. Я стал самым молодым партнером за столетнюю историю фирмы. В дополнение к моей должности главного экономиста я был еще менеджером по экономическому и региональному планированию. Я читал лекции в Гарварде и других местах и газеты умоляли меня о статьях на злобу дня. У меня была парусная яхта, пришвартованная в бостонской гавани рядом с историческим линейным кораблем «Old Ironsides», реконструированным для борьбы с берберскими пиратами не намного позже Войны за независимость. Я получал отличную зарплату и имел акции, сулившие мне судьбу миллионера задолго до сорока. Правда, мой брак распался, но я проводил время с красивыми и очаровательными женщинами на многих континентах.

Бруно разразился новой идеей подхода к прогнозированию: его модель основывалась на трудах какого-то русского математика рубежа столетий. Модель содержала назначение субъективных вероятностей посылкам роста определенных отраслей экономики. Она казалась идеальным инструментом для обоснования раздутых прогнозов, которые нам требовались для завышения объемов кредитования, и Бруно как-то поинтересовался, что я думаю об этой модели.

Я привлек в свой отдел молодого математика из Массачусетского Технологического института, доктора Надипурама Прасада, и выделил ему бюджет. В течение шести месяцев он развивал марковские методы для эконометрического моделирования. Вместе мы выпустили в свет серию научных статей, которые представляли марковские методы революционным прорывом в предсказаниях влияния инвестиций в инфраструктуру на экономическое развитие.

Это было в точности то, что нам нужно: инструмент, который научно «доказывал» правильность наших действий по опутыванию стран долгами, которые они никогда не смогли бы выплатить. К тому же, лишь высококвалифицированный эконометрист с большим запасом времени и денег смог бы постичь дебри марковских методов или подвергнуть сомнению выводы, сделанные на их основе. Мы опубликовали свои доклады в нескольких престижных изданиях и представили их на конференциях и в университетах многих стран. Наши статьи завоевали известность в отрасли.

Омар Торрихос и я соблюдали наш тайный пакт. Я позволил ему убедиться, что наши исследования были честны и наши рекомендации направлены на пользу бедным. И хотя я слышал множество нареканий на то, что наши прогнозы в Панаме были далеки от обычного надувательства и даже пахивали социализмом, фактом оставалось то, что MAIN продолжала получать контракты от правительства Торрихоса. Эти контракты основывались на том первом, генеральном плане развития, и касались сельского хозяйства и традиционных секторов экономики. Краем глаза я следил за развитием общей ситуации, поскольку Торрихос и Джимми Картер намеревались перезаключить Соглашение по Каналу.

Переговоры по Каналу вызывали большие страсти и волнение в мире. Повсюду люди ожидали, сделают ли Соединенные Штаты то, что казалось единственно справедливым – позволят ли они панамцам вернуть контроль над Каналом – или вновь встанут на путь глобального «Манифеста судьбы», скомпрометированный поражением во Вьетнаме. Многим казалось, что американским президентом избран нужный человек – разумный и сострадательный – в нужное время. Однако консервативные бастионы Вашингтона и прочие правые фанатики били в колокола с остервенением – как мы можем бросить этот оплот национальной обороны, символ американской изобретательности, эту полосу воды, связывающую благосостояние Южной Америки с прихотями наших коммерческих интересов!?

Во время моих поездок в Панаму я привык останавливаться в «Континентале». Однако на пятый раз я поселился напротив в «Панаме», поскольку в «Континентале» проходила

реконструкция и было очень шумно. Вначале я досадовал – «Континенталь» был мне вторым домом, Но затем просторное лобби с ротанговыми стульями и деревянным вентиляторами под потолком стали мне нравиться все больше, и я представлял себе, что тут мог бы прогуливаться Хамфри Богарт. Я выписал себе «New York Review of Books», в котором только что прочитал статью Грэма Грина о Панаме, глядел на вентиляторы и вспоминал вечер двухлетней давности.

«Форд – слабый президент, который не будет переизбран», – Омар Торрихос предсказал это в 1975 г. на встрече с влиятельными панамскими гражданами. Я был одним из немногих иностранцев, приглашенных в элегантный старый клуб со скрипящими вентиляторами под потолком. «По этой причине я решил ускорить решение проблемы Канала. Сейчас настало хорошее время, чтобы начать масштабное политическое сражение за его возвращение».

Речь вдохновила меня. Я вернулся в свой номер и нацарапал письмо, которое отправил в «Boston Globe». После возвращения в Бостон редактор позвонил мне в офис и попросил написать полемическую статью «Колониализму нет места в Панаме в 1975 г.». Статья заняла почти половину полосы на развороте с редакторской колонкой в номере от 19 сентября 1975 г.

В статье указывались три причины для передачи Канала Панаме. Во-первых, «существующая ситуация несправедлива – это весомая причина в любом случае». Во-вторых, «существующее соглашение создает куда большую угрозу безопасности, чем передача контроля панамцам». Я сослался на исследования, проведенные Межекеанской комиссией Канала, которая заключила, что «трафик судов может быть прерван на два года взрывом бомбы – установленной всего одним человеком – со стороны дамбы Гатун» и неоднократно упоминаемые Торрихосом. И, в-третьих, существующая ситуация создает серьезные проблемы для уже ухудшившихся отношений Соединенных Штатов с Латинской Америкой». Я заканчивал статью выводом:

Лучший способ обеспечить длительное и эффективное функционирование Канала состоит в том, чтобы помочь панамцам взять на себя контроль над Каналом и ответственность за него. Тем самым, мы смогли бы гордиться действиями, подтверждающими принципы, ставшие причинами самоопределения, в которых мы заверяли себя 200 лет назад...

Колониализм был в моде на рубеже столетий (в начале 1900-х гг.) так же, как и в 1775 г. Возможно, заключение Соглашения было оправдано в контексте тех времен. Сегодня этому нет оправдания. Колониализму нет места в 1975 г. Мы, празднующие свое двухсотлетие, должны понять это и действовать соответственно.

Статья была смелым шагом с моей стороны, учитывая тот факт, что я только что стал партнером MAIN. Партнеры обычно избегали общения с прессой и, уж конечно, воздерживались от резких публикаций на политические темы на страницах самой престижной газеты Новой Англии. Я получил по внутриофисной почте массу замечаний, главным образом, анонимных, прикрепленных к копиям статьи. Я был уверен, что узнал почерк Чарли Иллингуорта. Мой первый менеджер проекта проработал в MAIN более десяти лет и все еще не был партнером. Череп и скрещенные кости украшали очередной листок: «Этот комми действительно партнер в нашей фирме?».

Бруно вызвал меня к себе в кабинет и сказал: «Вы огребете кучу неприятностей по этому поводу. MAIN – довольно консервативное местечко. Но я хочу, чтобы вы знали, что я думаю, вы поступили умно. Торрихосу это понравится и, я надеюсь, вы пошлете ему копию. Отлично. А шутники в офисе, полагающие Торрихоса социалистом, не смогут сделать ни черта, пока работа идет».

Бруно был прав, как обычно. Сейчас, в 1977 г., в Белом доме уже сидел Картер, и серьезные переговоры по Каналу шли полным ходом. Многие конкуренты MAIN взяли неправильную сторону и были вышвырнуты из Панамы, наша же работа преумножилась. И я сидел в лобби «Панамы», закончив читать статью Грэма Грина в «New York Review of Books».

В статье, названной «Страна пяти границ», обсуждалась коррупция среди

высокопоставленного руководства Национальной гвардии Панама. Автор указывал, что сам генерал признался, что вынужден был предоставить многим из своего окружения особые привилегии, например, роскошное жилье, потому что, «если я не заплачу им, им заплатит ЦРУ». Очевидно было, что американское разведывательное сообщество было тайно настроено подорвать усилия президента Картера и, при необходимости, скупить военное руководство Панама и сорвать переговоры по Каналу. Я не мог не задаться вопросом, не начали ли шакалы сжимать кольцо вокруг Торрихоса.

Я видел фотографию в рубрике «Люди» то ли в «TIME» то ли в «Newsweek», на которой были изображены сидящие вместе Торрихос и Грин, а подпись указывала, что писатель стал личным гостем и другом генерала. Мне хотелось знать, что генерал должен был подумать о романисте, которому, очевидно, доверял и который разместил столь критический материал.

Статья Грэма Грина поднимала еще один вопрос, имевший прямое отношение к тому дню 1972 г., когда я сидел за кофе у Торрихоса. Тогда я предположил, что Торрихос знает, что игра с внешним долгом сделает его богатым, а на страну наложит долговое бремя. Я был уверен, что он знает, что эта игра основывается на посылке о продажности людей у власти, и что его решение не искать личной выгоды, а использовать иностранную помощь на помощь своему народу, будет расценено как угроза всей системе. Мир наблюдал за этим человеком, его действия имели последствия далеко за пределами Панама, и это не могло ему просто так сойти с рук.

Я спрашивал себя, какой должна быть реакция корпоратократии на то, что иностранные кредиты пошли на помощь бедным в Панаме, а не на ее банкротство. Я спрашивал себя, сожалеет ли Торрихос о нашей с ним договоренности тех дней – и я не был уверен, что сам чувствую по этому поводу. Я тогда отстранился от своей роли ЭКа и сыграл в его игру вместо своей, принимая его требования о честности в обмен на большой объем контрактов. По большому счету, это было мудрое решение MAIN. И тем не менее, это противоречило тому, чему меня учила Клодин, это не продвигало глобальную империю. Неужели поэтому выпустили шакалов?

Я вспомнил свои мысли при уходе от Торрихоса о том, что латиноамериканская история заполонена мертвыми героями. Система, основанная на совращении общественных деятелей, нетерпима к отказывающимся быть совращенными.

Я подумал, что мои глаза сейчас выскочат их орбит. Знакомая фигура медленно пересекала лобби. Вначале я, и правда, подумал, что это Хамфри Богарт, но ведь Богарт давно умер. Затем я узнал в человеке, проходящем мимо меня, одну из самых больших величин в современной английской литературе, автора «Гордости и славы», «Комедиантов», «Нашего человека в Гаване» и, наконец, автора той статьи, которая лежала на столе передо мной. Грэм Грин поколебался секунду, посмотрел по сторонам и направился в кофейню.

Мне хотелось броситься за ним, но я сдержал себя. Внутренний голос сказал мне, что ему нужно побыть одному и что он, скорее всего, уклонится от меня. Я подхватил «New York Review of Books» и с удивлением обнаружил себя стоящим у входа в кофейню.

Я уже позавтракал этим утром и метрдотель бросил на меня непонимающий взгляд. Я поглядел вокруг – Грэм Грин сидел за столиком у стены. Я указал на столик рядом с ним.

«Туда, – сказал я метрдотелю. – Я могу заказать еще один завтрак?»

Я всегда был щедр на чаевые, метрдотель понимающе улыбнулся и провел меня к столу.

Романист был поглощен своей газетой. Я заказал кофе и круассан с медом. Мне хотелось знать что думает Грин о Панаме, Торрихосе и переговорах по Каналу, но я понятия не имел, как завязать беседу. Затем он поднял глаза и пригубил глоток их своего бокала.

«Простите», – сказал я.

Он впился в меня взглядом – или мне так показалось: «Да?»

«Мне очень неудобно. Но ведь вы Грэм Грин, не правда ли?»

«Почему же? Да, действительно. – Он тепло улыбнулся. – Впрочем, большинство в

Панаме не узнает меня».

Я долго распинаялся о том, что он мой любимый романист, а затем рассказал ему краткую историю своей жизни, включая работу в MAIN и встречу с Торрихосом. Он спросил меня, не тот ли я консультант, который написал статью о Соединенных Штатах, уходящих их Панамы: «В „Boston Globe“, если я правильно припоминаю».

Я был изумлен.

«Смелая вещь, учитывая ваше положение, – сказал он. – Не желаете ли присоединиться ко мне?»

Я пересел за его столик и мы просидели с ним полтора часа. По мере разговора я понял, насколько он близок Торрихосу. Время от времени он говорил о генерале, как отец говорит о своем сыне.

«Генерал, – говорил он, – попросил меня написать книгу о своей стране. Я как раз этим занят. Это будет документальная книга, немножко не то, что я обычно пишу».

Я спросил его, почему он обычно пишет романы вместо публицистики.

«Беллетристика безопаснее», – ответил он. – Большинство моих тем весьма неоднозначны. Вьетнам. Гаити. Мексиканская революция. Многие издатели побоялись бы издавать публицистические книги на эту тему». Он указал на «New York Review of Books», оставшийся лежать на моем столе: «Слова, подобные тем, могут нанести большой ущерб». Затем он улыбнулся: «Кроме того, мне нравится писать романы, они дают большую свободу, – он пристально посмотрел на меня. – Это очень важно, писать об этих вещах. Как в вашей статье в „Globe“ о Канале».

Его восхищение Торрихосом было очевидно. Казалось, панамский глава впечатлял романиста столь же сильно, сколь и своих бедных и обездоленных соотечественников. Очевидно было также беспокойство Грина за жизнь своего друга.

«Это тяжелая задача, – воскликнул он, – одолеть гиганта с Севера!». Он печально покачал головой: «Я опасаясь за его безопасность».

Ему пора было уезжать.

«Должен успеть на рейс во Францию, в – сказал он, медленно поднимаясь и пожимая мне руку. Он смотрел мне в глаза. – Почему вы не пишете книгу?». Он ободряюще кивнул: «Она живет в вас. Но помните. Пишите об этом лучше на мой манер». Он повернулся и стал уходить. Затем остановился и сделал несколько шагов назад.

«Не волнуйтесь, – сказал он. – Генерал победит. Он вернет Канал назад».

Торрихос действительно вернул его. В том же 1977 г. он добился успеха на переговорах по Каналу и по новому Соглашению Зона Канала и сам Канал переходили под панамский контроль. Правда, Белому дому предстояло еще убедить американский Конгресс ратифицировать Соглашение. Последовало длинное и трудное сражение. В конце концов, Соглашение было ратифицировано с преимуществом в один голос. Консерваторы поклялись отомстить.

Когда много лет спустя книга Грэма Грина «Узнать генерала» вышла в свет, в ней было посвящение: «Друзьям моего друга Омара Торрихоса в Никарагуа, Сальвадоре и Панаме».

Глава 18. Король королей Ирана

В промежутке между 1975 и 1978 гг. Я часто посещал Иран. Иногда я буквально разрывался на части между Латинской Америкой или Индонезией и Ираном. Шах шахов (буквально, «король королей», официальный титул) представлял собой диаметрально противоположную проблему, нежели в странах, в которых мы работали.

Иран был богат нефтью и, подобно Саудовской Аравии, не было нужды опутывать его долгами для финасирования амбициозных проектов. Однако Иран значительно отличался от Саудовской Аравии, во-первых, значительно большим населением, во-вторых, тем, что население его преимущественно не было арабским. Кроме того, страна имела бурную

политическую историю, как собственную, так и отношений с соседями. Поэтому был избран другой подход. Вашингтон и американское деловое сообщество решили сделать из шаха символ прогресса.

Мы запустили огромный проект для того, чтобы показать миру, чего может достичь сильный демократически настроенный лидер, приверженный америанским корпоративным и политическим интересам. Не обращая внимания на его очевидно недемократический титул или несколько менее очевидно недемократический характер организованного ЦРУ переворота против его демократически избранного премьер-министра. Вашингтон и его европейские партнеры представляли правительство шаха как альтернативу правительствам Ливии, Китая, Кореи, где нарастала мощная волна антиамериканизма.

Со всех сторон шах выглядел прогрессивным другом малоимущих. В 1962 г. он раздробил крупные частные землевладения и передал землю крестьянам. Нас следующий год он совершил свою Белую революцию, открывшую широкую дорогу социально-экономическим реформам. Все 1970-е годы могущество ОПЕК росло, и шах становился все более и более влиятельным мировым лидером. В то же самое время Иран развивал одну из самых мощных армий на исламском Ближнем Востоке.

MAIN участвовала во множестве проектов, охватывавших большую часть территории страны, от туристических зон на Каспии на севере до секретных военных объектов, контролирующих Ормузский пролив, на юге. И опять существом нашей работы являлось прогнозирование региональных потенциалов развития, проектирование и строительство энергосистем и линий электропередач, которые обеспечили бы требуемую электроэнергию для промышленного и коммерческого роста, выводимого из этих прогнозов.

Один за другим я посетил большинство основных регионов Ирана. Я следовал по старинному караванному пути через горы в пустыне от Кирмана до Бендер-Аббаса, я бродил по руинам Персеполя, легендарного дворца королей и одного из чудес света. Я совершил тур по самым известным и захватывающим местам страны. Шираз, Исфахан, волшебный палаточный город близ Персеполя, где короновался шах. Я полюбил эту страну и ее непростых людей.

На первый взгляд, Иран предствлял собой образец христианско-мусульманского сотрудничества. Однако вскоре я узнал, что под внешним спокойствием может таиться глубочайшее недовольство.

Однажды поздно вечером в 1977 г. вернувшись в свой номер, я обнаружил записку, подsunутую под дверь. Я был поражен, увидев, что она подписана человеком по имени Ямин. Я никогда не встречался с ним, но на правительственном бирифнге его охарактеризовали как знаменитого и наиболее опасного радикала. Записка, написанная красивым почерком по-английски, приглашала меня в некий ресторан с условием, что приходить мне стоит, лишь если и в самом деле мне интересен Иран с той стороны, которую никогда не видят люди «в моем положении». Я подумал, знает ли Ямин о моем истинном «положении». Я понимал, что иду на огромный риск, однако не смог справиться с искушением повстречаться с этим загадочным человеком.

Я вышел из такси перед крохотной дверью в высокой стене – настолько высокой, что я не мог видеть здание за ней. Красивая иранка в черных длинных одеждах проводила меня внутрь и повела меня по коридору, освещенному декоративными керосиновыми лампами, свисающими с низкого потолка.

Пройдя по коридору, мы вошли в комнату, которая ослепила меня прямо-таки бриллиантовым сиянием. Когда мои глаза, наконец, привыкли, я увидел, что стены комнаты инкрустированы полудрагоценными камнями и перламутром. Ресторан был освещен длинными белыми свечами в вычурных бронзовых люстрах и подсвечниках.

Высокий человек с длинными черными волосами, одетый в хорошо пошитый синий костюм, подошел и пожал мне руку. Он назвал себя Ямином, по его произношению я предположил в нем иранца, обучавшегося в Британии, и удивился тому, как мало он напоминал опасного радикала. Он провел меня мимо нескольких столиков, за которыми

сидели спокойно ужинавшие пары, в уединенный альков, в котором, по его заверениям, нам была обеспечена полная конфиденциальность. На мой взгляд, этот ресторан отлично подходил для тайных свиданий. Хотя наше свидание, пожалуй было в тот вечер единственным, не имевшим отношения к сердечным тайнам.

Ямин был очень доброжелателен. Во время нашего разговора я понял, что он рассматривает меня как экономического консультанта, а не как человека тайных помыслов. Он объяснил мне, что выбрал меня, потому что узнал, что я состоял в Корпусе Мира и к тому же пользуюсь любой возможностью, чтобы узнать страну и смешаться с ее людьми.

«Вы еще очень молоды по сравнению с большинством людей вашей профессии, – сказал он. – У вас еще сохранился живой интерес к нашей истории и нашим проблемам. Вы – наша надежда».

Эти слова, его внешность, обстановка и присутствие других людей в ресторане сильно успокоили меня. Я привык общаться с людьми, оказывающими мне помощь, подобно Раси на Яве или Фиделю в Панаме, и я принимал ее с благодарностью. Я знал, что отличаюсь от других американцев своим интересам к местам, которые посещаю. Я давно понял, что люди относятся к вам много лучше, если вы открываете свои глаза, уши и сердце их обычаям и культуре.

Ямин спросил меня, знаю ли я о проекте «Цветущая пустыня»: «Шах верит в то, что когда-то наши пустыни были плодородными равнинами и густыми лесами. По крайней мере, он так считает. Согласно этой теории, во времена господства Александра Македонского огромные армии, сопровождаемые миллионами овец и коз, пронесли по этой земле. Они съели всю траву и прочую растительность. Исчезновение растений повлекло засуху и, в конечном счете, огромные пространства стали пустыней. Теперь все, что нам нужно сделать, это засадить пустыню миллионами деревьев. После этого – и очень быстро – дожди вернутся и пустыня зацветет снова. Конечно, на это потребуются сотни миллионов долларов, – он снисходительно улыбнулся. – Компании, подобные вашей, получают огромную прибыль».

«Я так понял, вы в эту теорию не верите».

«Пустыня – это символ. Превращение ее в зеленую равнину – намного больше, чем просто сельское хозяйство».

Около нас появились несколько официантов с подносами, на которых стояли красиво украшенные иранские блюда. Спросив моего разрешения, Ямин стал брать еду с подносов. Затем он повернулся ко мне.

«Вопрос вам, мистер Перкинс, если позволите. Что именно разрушило культуру ваших туземных индейских народов?»

Я отвечал в том духе, что причин тому было множество, включая жадность и превосходство в вооружении.

«Да, правильно. Все верно. Но не способствовало ли этому более всего разрушение среды обитания?». Он продолжал объяснять, что как только леса и бизоны были уничтожены, а люди перемещены в резервации, это разрушило всю основу культуры.

«Вы же видите, то же самое происходит и здесь, – сказал он. – Пустыня – наша среда обитания. Проект „Цветущая пустыня“ угрожает ничем иным, как разрушением основ нашей жизни. Как мы можем это допустить?»

Я сказал ему, что как мне известно, идея проекта родилась у самих иранцев. Саркастически засмеявшись, он отвечал, что идея была подсказана шаху правительством Соединенных Штатов, а шах всего лишь американская марионетка.

«Настоящий перс никогда бы не допустил такого», – сказал Ямин. Затем он пустился в длинные рассуждения об отношении его народа – бедуинов – к пустыне. Он подчеркнул тот факт, что множество урбанизированных иранцев приезжают на отпуск в пустыню. Они устанавливают палатки для всей семьи и живут там неделю и больше.

«Мы – наш народ – часть пустыни. Люди, которыми правит шах, правит железной рукой, как ему кажется, – не просто из пустыни. Мы – и есть пустыня».

Посел этого он рассказал мне о его собственной жизни в пустыне. Когда вечер

закончился, он проводил меня назад к крохотной двери в высокой стене. Мое такси ожидало снаружи. Ямин пожал не руку и поблагодарил за проведенное с ним время. Он снова упомянул мой молодой возраст и мою открытость и сказал, что то, что я занимаю такой пост, вселяет в него надежду на будущее.

«Я очень рад иметь дело с таким человеком, как вы, – он продолжал удерживать мою руку в своей. – Я попросил бы вас еще об одном одолжении. Я не прошу вас об этом просто так. Я делаю это лишь потому, что после нашего сегодняшнего вечера, это будет иметь значение для вас. Вы извлечете из этого для себя много пользы».

«Что же я могу сделать для вас?»

«Я хотел бы вас представить одному своему очень дорогому другу, который много вам расскажет о нашем короле королей. Возможно, он шокирует вас, но я уверяю, эта встреча будет стоить потраченного на нее времени».

Глава 19. Признания замученного человека

Несколько дней спустя Ямин вывез меня из Тегерана через пыльные и обветшавшие трущобы по старой караванной тропе на край пустыни. Когда солнце уже садилось за городом, он остановил автомобиль среди крошечных грязных лачуг, окруженных пальмами.

«Очень старый оазис, – объяснил он, – он существовал за много столетий до Марко Поло». Он провел меня к одной из лачуг: «Человек внутри имеет степень PhD одного из ваших престижнейших университетов. По причинам, которые вас скоро станут ясны, он предпочитает оставаться анонимным, зовите его просто Док».

Он постучал в деревянную дверь, откуда послышался приглушенный голос. Ямин толкнул дверь и провел меня внутрь. Крошечная комната без окон была освещена только керосиновой лампой на низком столике в углу. Когда мои глаза привыкли, я увидел, что грязный пол застелен персидскими коврами. В тени в углу я заметил контуры человека. Он сидел позади лампы, свет которой скрывал его внешность. Я видел только, что он укутан одеялами и голова его чем-то обмотана. Он сидел в инвалидном кресле, и кроме столика, это был единственный предмет мебели в комнате. Ямин пригласил меня усаживаться прямо на ковер. Сам он нежно обнял сидящего человека, сказал ему на ухо несколько слов и затем вернулся и сел рядом.

«Я говорил вам о мистере Перкинсе, – сказал он. – Для нас обоих большая честь видеть вас, сэр».

«Мистер Перкинс, добро пожаловать». Голос с едва заметным акцентом был низким и хриплым. Я наклонился вперед, чтобы лучше слышать. «Вы видите искалеченного человека. Я не всегда был таким. Когда-то я был так же силен, как и вы. Я был ближайшим и довереннейшим советником шаха, – последовала долгая пауза, – шаха шахов, короля королей». Его голос, подумал я, гораздо более грустен, нежели сердит.

«Я лично знал многих мировых лидеров. Эйзенхауэр, Никсон, де Голль. Они доверяли мне вести эту страну в лагерь капитализма. Шах доверял мне и... – он издал звук, похожий на кашель, но я думаю, это был смешок, – я доверял шаху. Я верил его речам. Я был убежден, что Ирану суждено вести мусульманский мир в новую эпоху, что Персия выполнит свое предназначение. Это казалось нашей общей судьбой – шаха, моей, всех нас, кто исполнял эту миссию, кто думал, что рожден ее исполнять».

Ворох одеял задвигался, инвалидное кресло заскрипело и немного повернулось. Я мог видеть контур лица в профиль, косматую бороду и – я ужаснулся – у него не было носа! Я задрожал и стал задыхаться.

«Не самая привлекательная внешность, как сказали бы у вас, а, мистер Перкинс? Жаль, что вы не можете увидеть это при хорошем свете. Это впечатляет, – снова послышался сдавленный смех. – Но, поскольку вы можете меня узнать, я должен остаться анонимным. Конечно, вы могли бы установить мою личность при желании, хотя вы и обнаружите, что я

мертв. Официально я больше не существую. Думаю, вы не станете этого делать. Незнание гораздо безопаснее для вас и вашей семьи. У шаха и САВАК длинные руки».

Кресло закрипело и вернулось на свое место. Я почувствовал облегчение, как если бы не видеть этот профиль означало стереть из памяти жестокость, с которой это было сделано. В то время я еще не знал об этом обычае у некоторых исламских народов. Считалось, что отрезание носов вождям приносит позор всему их народу. Этим они клеймились на всю жизнь – как ясно демонстрировало лицо этого человека.

«Я уверен, мистер Перкинс, что вы спрашиваете себя, зачем мы пригласили вас сюда. – Не ожидая ответа, человек в инвалидном кресле продолжал. – Теперь вы видите, что из себя представляет человек, называющий себя королем королей, а на самом деле, являющийся слугой сатаны. Его отец был свергнут вашим ЦРУ – мне очень неприятно говорить об этом – с моей помощью, потому что как говорили, он сотрудничал с наци. Затем была беда с Моссадеком. Сегодня наш шах обгоняет Гитлера на пути в царство зла. Он делает это при полной осведомленности и поддержке вашего правительства».

«Почему?» – спросил я.

«Очень просто. Он ваш единственный реальный союзник на Ближнем Востоке, а ваш мир вращается на нефтяной оси Ближнего Востока. О, у вас есть Израиль – но это, скорее, пассив, чем актив. И там нет нефти. Ваши политики должны заботиться о голосах евреев, потому что их деньги финансируют их кампании. Так что, я боюсь, вы зависите от Израиля. А Иран – ключ. Ваши нефтяные компании – даже более могущественные, чем евреи – нуждаются в нас. Шах вам нужен, или вы думаете, что нужен, точно так же, как были нужны коррумпированные лидеры Южного Вьетнама».

«Вы предлагаете что-то еще? Неужели Иран – эквивалент Вьетнама?»

«Потенциально гораздо хуже. Увидите, шах долго не продержится. Мусульманский мир ненавидит его. Не только арабы, но и мусульмане повсюду – в Индонезии, в Соединенных Штатах, и главное, его собственный персидский народ, – раздался громкий стук, я понял, что он ударил по ручке кресла. – Он – зло! Мы, персы, ненавидим его». Наступила тишина. Я слышал лишь его тяжелое дыхание, как если бы это усилие обессилило его.

«Док очень близок к муллам, – сказал мне Ямин тихим и спокойным голосом. – В религиозных общинах зреет огромное недовольство повсюду в стране, за исключением разве что горстки коммерсантов, которым на пользу капитализм шаха».

«Я не подвергаю сомнению ваши слова, – сказал я. – Но за свои четыре визита я не видел ничего подобного. Каждый, с кем я говорил, восхвалял шаха и восхищался экономическим ростом».

«Вы же не говорите на фарси, – заметил Ямин. – Вы слышите только то, что вам говорят люди, которым это выгодно, которые получили образование в Штатах или Британии и работают на шаха. Док у нас теперь исключение».

Он сделал паузу, казалось обдумывая следующие слова. «То же самое с вашей прессой. Они говорят лишь с немногими из окружения шаха. Конечно, большей частью ваша пресса также контролируется нефтью. Так что они слышат и печатают лишь то, что хотят читать их рекламодатели».

«Почему мы говорим вам все это, мистер Перкинс? – голос Дока еще более охрип, как будто разговор и переживания отнимали у него даже те немногие силы, которые он припас для этой встречи. – Потому что мы хотим убедить вас и вышше компанию выйти из игры и уехать из страны. Мы хотим предупредить вас, что если вы собираетесь заработать здесь много денег, это напрасная иллюзия. Это правительство долго не проживет. – И вновь я услышал, как он стукнул по ручке кресла. – И тем, кто придут им на смену, не нравятся ни вы, ни похожие на вас».

«Вы имеете в виду, что нам не заплатят?»

Док сломался в припадке кашля. Ямин подошел к нему и похлопал по спине. Когда кашель прошел, он поговорил с доком на фарси и вернулся на свое место.

«Нам надо заканчивать разговор, – сообщил он мне. – Отвечу на ваш вопрос: да, вам не заплатят. Вы сделаете всю работу, но когда настанет время пожинать плоды, шаха не будет».

Когда мы ехали назад, я спросил Ямина, почему он и Док решили предупредить MAIN о грядущих финансовых потерях.

«Мы были бы счастливы увидеть вашу компанию обанкротившейся. Однако мы предпочитаем увидеть, что вы покинули Иран. Если она уйдет, это даст начало тенденции. Это то, на что мы надеемся. Видите ли, мы не хотим кровопролития, но шах должен уйти и мы используем для этого все мирные способы. Так что мы молим Аллаха, чтобы вы убедили вашего господина Замботти уйти, пока еще есть время».

«Почему я?»

«Я знал во время нашего разговора о проекте „Цветущая пустыня“, что вы открыты для правды. Я знал, что наша информация о вас верна, вы – человек между двумя мирами, человек посередине».

Это заставило меня задуматься о том, что он еще обо мне знает.

Глава 20. Падение короля

Однажды вечером в 1978 г., сидя в роскошном баре лобби «Интерконтинентал» в Тегеране, я почувствовал на своем плече чью-то руку. Я повернулся и увидел крупного иранца в деловом костюме.

«Джон Перкинс! Не узнаешь меня?»

Бывший футболист заметно потяжелел, но голос его остался прежним. Это был мой старый друг Фархад, которого я не видел больше десяти лет. Мы обнялись и сели рядом. Мне быстро стало очевидно, что он знал обо мне и моей работе все. Было также очевидно, что он не собирался делиться со мной сведениями о своей работе.

«Давай сразу перейдем к делу, – сказал он и заказал еще пива. – Я завтра лечу в Рим. Там живут мои родители. У меня есть билет для тебя на этот рейс. Ты должен лететь». Он вручил мне авиабилет. Я ни на секунду не усомнился в его словах.

В Риме мы пообедали с родителями Фархада. Его отец, отставной иранский генерал, когда-то закрывший грудью шаха от пули, выражал разочарование в своем бывшем боссе. Как он сказал, за последние годы шах показал свою истинное лицо, все свое высокомерие и жадность. Генерал обвинял американских политиков в поддержке Израиля, коррумпированных лидеров и деспотические правительства – в ненависти, охватившей весь Ближний Восток, и предсказал, что шаху осталось несколько месяцев.

«Знаете, – сказал он, – вы посеяли семена этого восстания, когда свергли Моссадека. Вы думали, что это очень умный ход, так же, как и я тогда. Но теперь это возвращается и надолго, к вам и к нам».

Я был изумлен его словами. Я слышал нечто подобное от Ямина и Дока, но в устах этого человека, они приобретали новый смысл. К этому времени все знали о существовании фундаменталистского исламского подполья, но мы полагали, что шах очень популярен у своего народа и поэтому политически неуязвим. Генерал, однако, был непреклонен.

«Запомните мои слова, – торжественно сказал он, – падение шаха будет только началом. Это будет лишь первая демонстрация того, куда идет мусульманский мир. Наш гнев тлел под песком слишком долго. Скоро он вырвется наружу».

За обедом я много услышал об аятолле Рухолле Хомейни. Фархад и его отец объяснили, что они не поддерживают его фанатический шиизм, но находятся под впечатлением от его выступлений против шаха. Они сообщили мне, что этот клерикал, имя которого переводилось как «вдохвленный Богом», родился в семье посвященных шиитских богословов в деревне близ Тегерана в 1902 г.

Хомейни не стал вступать в борьбу Моссадека с шахом в начале 1950-х гг., но активно выступил против шаха в 1960-х, критикуя повелителя настолько непримиримо, что был

выслан в Турцию, откуда он переехал в священный шиитский город Эн-Наджаф, где стал признанным лидером оппозиции. Он слал письма, статьи, записанные на магнитофон выступления, убеждающие иранцев подняться, свергнуть шаха и создать клерикальное государство.

Спустя два дня после обеда с Фархадом и его родителями в новостях из Ирана сообщалось о взрывах и беспорядках. Аятолла Хомейни и муллы начали свое наступление, которое очень скоро привело их к власти. Все последующее случилось очень быстро. Описанный отцом Фархада гнев прорвался кровавым исламским восстанием. Шах бежал в Египет в январе 1979 г., а затем с диагнозом рака улетел в нью-йоркскую больницу.

Последователи аятоллы Хомейни потребовали его возвращения. В ноябре 1979 г. вооруженная толпа исламистов захватила здание посольства Соединенных Штатов в Тегеране и удерживала пятьдесят два американских заложника в течение последующих 444 дней. Предидент Картер пытался договориться об освобождении заложников. А когда переговоры потерпели неудачу, он дал добро на военно-спасательную операцию, начатую в апреле 1980 г. Это была катастрофа и тот молоток, который вколотил последний гвоздь в крышку гроба президентства Картера.

Огромное давление, оказанное американскими коммерческими и политическими группами, вынудило больного раком шаха покинуть Соединенные Штаты. С самого дня своего бегства из Ирана ему было тяжело найти убежище, все прежние друзья отвернулись от него. Лишь генерал Торрихос проявил сострадание и предложил шаху убежище в Панаме, несмотря на всю свою неприязнь к политике шаха. Шах прилетел и получил приют в том же загородном отеле, в котором недавно было подписано новое Соглашение по Каналу.

Муллы потребовали выдачи шаха в обмен на заложников, удерживаемых в американском посольстве. Те, кто выступал в Вашингтоне против Соглашения по Каналу, обвиняли Торрихоса в коррупции, сговоре с шахом и в том, что он подвергает опасности жизни американских граждан. Они также требовали, чтобы шаха выдали Хомейни. Как ни странно, несколькими неделями ранее многие из них были самыми горячими сторонниками шах. В конечном счете, горделивый король королей вернулся в Египет, где и умер от рака.

Предсказания Дока сбывались. MAIN потеряла миллионы долларов в Иране, как и множество наших конкурентов. Картер потерял шансы на переизбрание. Администрация Рейгана-Буша промаршировала в Белый дом с обещаниями освободить заложников, свергнуть мулл, восстановить демократию и вернуть Панамский Канал.

Для меня же уроки были неоспоримы. Иран наглядно демонстрировал, что Соединенные Штаты были нацией, предпринимающей все усилия, чтобы отвергнуть правду о той роли, которую мы играем в мире. Казалось невозможным, чтобы мы были настолько дезинформированы о шахе и кипевшей к нему ненависти. Даже те из нас, которые работали в компаниях подобных MAIN, имевших офисы и персонал в стране, ничего не знали. Я был уверен, что АНБ и ЦРУ должны были видеть то, что было настолько очевидным для Торрихоса уже в 1972 г., когда я встречался с ним, но наше разведывательное сообщество намеренно поощряло нашу слепоту.

Глава 21. Колумбия – замковый камень Латинской Америки

Саудовская Аравия, Иран и Панама были прекрасным полигоном для увлекательных экспериментов, однако все же были исключением. Две первых страны имели огромные запасы нефти, третья – Канал. Ситуация в Колумбии была более типичной и MAIN была там ведущим проектантом гигантского гидротехнического комплекса.

Один профессор колумбийского колледжа, пишущий книгу по истории пан-американских отношений как-то сказал мне, что значение его страны вполне оценил Теодор Рузвельт. По его словам, показывая на карту, американский президент назвал Колумбию «замковым камнем в своде Южной Америки». Я никогда не проверял эту

историю, однако, конечно, верно, что на карте Колумбия находится на самом верху континента, как бы скрепляя остальную часть материка вместе. Она соединяет все южные страны с Панамским перешейком и, следовательно, с Центральной и Северной Америкой.

Говорил ли Рузвельт эти слова или нет, но он был лишь одним из многих президентов, которые понимали ключевую роль Колумбии. В течение почти двух столетий Соединенные Штаты рассматривали Колумбию как краеугольный камень – или, точнее, как дверь в Южное полушарие для бизнеса и политики.

Страна к тому же невероятно красива – впечатляющие побережья Атлантики и Тихого океана, поросшие пальмами, величественные горы, пампа соперничает с Великими равнинами Среднего Запада Северной Америки, гигантские дождевые леса, населенные разнообразнейшей фауной и флорой. Население тоже отличается небывалым разнообразием физических и культурных черт многочисленных этносов – от туземных тайронов до приезжих из Африки, Азии, Европы и Ближнего Востока.

В истории Латинской Америки Колумбия всегда играла ключевую роль. В колониальный период Колумбия была резиденцией всех вице-королей испанских территорий к северу от Перу и к Югу от Коста-Рики. Огромные флоты галеонов, груженных золотом, отплывали из прибрежной Картахины, чтобы транспортировать золото из далеких южных Чили и Аргентины в Испанию. Многие важнейшие сражения войн за независимость произошли именно в Колумбии, например, силы Симона Боливара разбили испанских роялистов в победном сражении при Бояке в 1819 г.

Сейчас Колумбия имела репутацию родины некоторых из самых блестящих писателей, художников и философов Латинской Америки, а также страны с финансово ответственным и относительно демократическим правительством. Она послужила моделью для программы президента Кеннеди по национальному строительству в Латинской Америке. В отличие от Гватемалы, ее правительство не было креативной ЦРУ, и в отличие от Никарагуа, ее правительство было демократически избранным, представляющим альтернативу праворадикальным диктаторам и коммунистам. Наконец. В отличие от множества стран, включая сильные Бразилию и Аргентину, Колумбия не вызывала недоверия Соединенным Штатам. Имидж Колумбии как надежного союзника продолжал укрепляться, несмотря на ее наркокартели.

Славное прошлое колумбийской истории, однако, было омрачено ненавистью и насилием. Резиденция испанского вице-короля была также обителью инквизиции. Великолепные форы, гасиенды и города были выстроены на костях индейских и африканских рабов. Сокровища, перевозимые золотыми галеонами, священные реликвии и произведения искусства, переплавленные для удобства транспортировки, были вырваны из сердца древних народов. Сами гордые культуры пали, сраженные мечами конкистадоров и болезнями. Не так давно спорные президентские выборы в 1945 г. закончились глубокой враждой между политическими партиями, которая привела к гражданской войне Ла Виоленции (1948-1957), во время которой погибло более двухсот тысяч человек.

Невзирая на конфликты и насмешки, Вашингтон и Уолл-Стрит всегда рассматривали Колумбию как критический фактор в продвижении пан-американских политических и коммерческих интересов. Тому было несколько причин – в дополнение к важному географическому положению Колумбии это происходило из-за впечатления, что правители многих стран чутко прислушиваются к Боготе и того факта, что страна экспортировала множество товаров, пользовавшихся спросом в Соединенных Штатах – кофе, бананы, текстиль, изумруды, цветы, нефть и кокаин – а также была рынком для наших товаров и услуг.

Одной из важнейших услуг, которые мы продавали Колумбии в конце двадцатого столетия, была строительная и техническая экспертиза. Колумбия была похожа на большинство мест, где я бывал. Сравнительно легко было продемонстрировать, какие выгоды страна получит от взятия огромного кредита и реализации проектов, выплачивая долг в т.ч. природными ресурсами. Огромные инвестиции в электросети, шоссе и

телекоммуникации позволили бы Колумбии освоить свои обширные газовые и нефтяные месторождения, нехоженые амазонские территории, а эти проекты позволили бы получить доход, достаточный для выплаты долга и процентов по нему.

Это в теории. В действительности же в наши намерения, как и повсюду в мире, входило подчинить Боготу глобальной империи. Моя работа, как обычно, состояла в обосновании размеров огромных кредитов. В Колумбии не было Торрихоса, и я понимал/, что мне не остается ничего другого, кроме как надуть экономические прогнозы и прогнозы роста нагрузки электросетей.

За исключением нескольких встреч по работе, Колумбия стала моим уединенным убежищем. Энн и я провели здесь несколько месяцев в начале 1970х гг. и даже сделали down payment маленькой кофейной фермы в горах на карибском побережье. Я думаю, это время как ни одно другое могло бы залечить раны, причиненные друг другу за прошлые годы. Однако, раны были слишком глубоки. После того как наш брак развалился, я смог по-настоящему познакомиться со страной.

В 1970-х гг. MAIN получила много контрактов на проектирование инфраструктуры, включая сеть гидроэлектростанций и линий электропередач из джунглей к городам высоко в горах. Мне выделили офис в прибрежном городе Барранкилья, и там в 1977 г. я встретил красивую колумбийку, которая кардинально изменила мою жизнь.

У Паулы были длинные светлые волосы и зеленые глаза – совсем не то, что большинство иностранцев ожидают увидеть у колумбийки. Ее мать и отец приехали из Северной Италии и по наследству она стала модельером. Она пошла дальше и построила маленькую фабрику, где ее работы воплощались в жизнь и продавались в дорогих магазинах по всей стране, в Панаме и Венесуэле. Она была очень внимательным человеком и помогла мне преодолеть травму разрушенного брака и некоторые комплексы в отношении женщин, которые мне так мешали. Она также помогла мне больше узнать о последствиях моей работы.

Как я говорил раньше, наша жизнь составлена из ряда событий, над которыми мы не властны. Что касается меня, такие события стали учеба в средней школе в провинциальном Нью-Гэмпшире, в которой преподавал мой отец, встреча с Энн и дядей Франком, Вьетнамская война, встреча с Эйнарсом Гривом. Однако даже перед лицом таких событий у нас есть выбор. Вся разница состоит в том, какой именно выбор мы сделаем. Например, к моему нынешнему месту в жизни привели мое стремление быть первым в школе, женитьба на Энн, вступление в Корпус Мира и выбор профессии ЭКа.

Паула была таким же событием, и ее влияние приведет меня к действиям, которые изменят мою жизнь. До тех пор, пока я не встертил ее, большей частью я мирился с системой. Я часто сомневался в том, что делал, чувствовал свою вину, но всегда находил рациональное оправдание своему пребыванию в системе. Возможно, Паула просто появилась в нужное время. Возможно, я совершил бы необходимый шаг так или иначе, поскольку мой опыт в Саудовской Аравии, Иране и Панаме подтолкнул бы меня к этому. Но я был уверен, что как одна женщина – Клодин – убедила меня присоединиться к ЭКам, так и другая – Паула – была катализатором того, что мне было так нужно. Она убедила меня заглянуть глубоко внутрь себя и увидеть, что я никогда не буду счастлив до тех пор пока играю эту роль.

Глава 22. Американская республика против Глобальной империи

«Я буду откровенна, – сказала однажды Паула, когда мы сидели за чашкой кофе, – индейцы и фермеры, живущие вниз по реке, которую вы загадили, дьявольски ненавидят вас. Даже люди в городах, которых это не затронуло, сочувствуют партизанам, напавшим на вашу стройку. Ваше правительство называет их коммунистами, террористами и наркоторговцами, но на самом деле, они всего лишь люди, семьи которых живут на земле,

которую уничтожает ваша компания».

Перед этим я рассказал ей о Мануэле Торресе. Он был инженером, нанятым MAIN, и одним из людей, недавно атакованных партизанами на строительстве дамбы гидроэлектростанции. Мануэль был гражданином Колумбии, нанятым потому, что одно из правил госдепартамента США запрещало посылать на строительство американских граждан. Мы именовали это правило «Колумбийцы – расходный материал» и оно символизировало доктрину, которую я начинал ненавидеть. Мои чувства в отношении подобной политики все больше и больше мешали мне жить в согласии с самим собой.

«Как сказал Мануэль, они стреляли из АК-47 в воздух и перед его ногами, – рассказывал я Пауле. – Он казался спокойным, когда говорил мне об этом, но я знаю, что он был на грани истерики. Они ни в кого не стреляли. Просто вручили письмо и отправили вниз по реке в лодках».

«Мой Бог! – воскликнула Паула. – Бедняга был очень напуган».

«Разумеется», – я сказал ей, что спросил Мануэля, не думает ли он, что они принадлежали к FARC или M-19, двум самым печально известным колумбийским партизанским группировкам.

«И?»

«Он сказал, ни один. Но он верит тому, что они написали в письме».

Паула взяла газету, которую я принес и прочитала письмо вслух.

«Мы, те кто занят тяжким трудом выживания, клянемся кровью наших предков, что не позволим перегородить наши реки. Мы – простые индейцы и метисы, но предпочтем умереть, чем стоять в стороне, глядя, как затопляют нашу землю. Мы предупреждаем наших колумбийский братьев – прекращайте работу на строительные компании», – она отложила газету. «Что ты сказал ему?»

Я поколебался, но лишь на мгновение: «У меня не было выбора. Я должен гнуть линию компании. Я спросил его, неужели он думает, что это письмо могли написать фермеры».

Она продолжала терпеливо смотреть на меня.

«Он только пожал плечами. – Наши глаза встретились. – О, Паула, мне самому противна моя роль!»

«Что ты сделал потом?» – надавила она.

«Я стукнул кулаком по столу. Я напугал его. Я спросил его, разве бывают фермеры с АК-47. Знает ли он, кто изобрел АК-47».

«А он?»

«Да, но я едва услышал его ответ. Русские, ответил он. Я заверил его, что он совершенно прав, изобретателем был коммунист по фамилии Калашников, высокопоставленный офицер Красной Армии. Я пытался дать ему понять, кто были эти люди, написавшие, что они не коммунисты».

«Ты сам-то веришь в это?» – спросила она.

Ее вопрос ударил меня. Что я должен был ответить, если честно? Я вспомнил Иран и Ямина, который назвал меня человеком между двумя мирами, человеком посередине. Мне было даже несколько жаль, что меня не было на стройке, когда напали партизаны, и даже, что я не был одним из партизан. Я испытывал неясное чувство зависти по отношению к Ямину с Доком и колумбийским мятежникам. У них были убеждения. Они выбрали реальный мир, а не позицию человека между мирами.

«Я должен делать свою работу», – наконец ответил я.

Она мягко улыбнулась.

«Я ненавижу ее, – продолжил я. Я думал о людях, образы которых так часто посещали меня все эти годы, о Томасе Пэйне, и других героях революционных войн, пиратах и фронтирерах. Они стояли по сторонам, не в середине. Они взяли свою сторону и жили этим. – Каждый день я ненавижу ее все больше».

Она взяла мою руку: «Твою работу?»

Наши глаза встретились и задержались. Я понимал значение этого мига. «Именно».

Она сжимала мою руку и медленно кивала. Я тут же почувствовал облегчение, как только сказал это.

«Что ты будешь делать, Джон?»

У меня не было ответа. Облегчение сменилось потребностью защититься. Я бормотал обычные оправдания насчет того, что я хотел, как лучше, что я пробовал изменить систему изнутри, и старое, проверенное – что если бы я ушел, то на моем месте был бы кто-то еще хуже. Но я видел по ее взгляду, что она не покупается на это. Она вынуждала меня признать главную правду – что вина не на моей работе, а на мне.

«А что ты? – спросил я наконец. – Во что веришь ты?»

Она слегка вздохнула и выпустила мою руку, спросив: «Ты меняешь тему?»

Я кивнул.

«О-кей, – согласилась она. – При одном условии. Мы вернемся к этому в другой день».

Она взяла ложку и, казалось внимательно изучала ее. «Я знаю, что некоторые из герильерос обучались в России и Китае». Она опустила ложку в кофе с молоком, помешала и затем медленно облизала ее. «Что им еще остается? Они должны были изучить современное оружие и научиться бороться с солдатами, которых обучили вы. Иногда они продают кокаин, чтобы иметь деньги на закупки. Как еще они могут купить оружие? Они в чудовищном положении. Всемирный банк не помогает им защищаться. Фактически, их вынуждают делать то, что они делают. – Она отпила глоток кофе. – Я считаю, что их случай очень прост. Электроэнергия поможет очень немногим, лишь самым богатым колумбийцам, а тысячи умрут, потому что рыба и вода будут отравлены после того, как вы построите свою дамбу».

Ее речь, исполненная сострадания к людям, которые противостояли нам – мне – заставила меня почувствовать, как мурашки поползли по коже. Я вцепился в подлокотники кресла.

«Откуда ты так много знаешь о партизанах?» – даже в моем пониженном тоне слышалось мое нежелание знать ответ.

«Я училась в школе с некоторыми из них, – ответила она. Поколебавшись, она отодвинула чашку. – Мой брат присоединился к движению».

Вот, значит, как. Я чувствовал себя абсолютно опустошенным. Я думал, что все знаю о ней, но это... Передо мной промелькнул образ мужчины возвратившегося домой и заставшего жену в постели с другим.

«Почему же ты никогда не говорила мне?»

«Мне казалось, это не имеет значения. Зачем? Это не то, чем я горжусь, – она сделала паузу. – Я не видела его уже два года. Ему надо быть очень осторожным».

«Откуда ты знаешь, что он жив?»

«Я ничего не знаю, кроме того, что правительство недавно поместило его в список разыскиваемых. Это – хороший знак».

Я разрывался между желаниями нападать и защищаться. Я надеялся, что ей незаметна моя ревность. «Как он стал одним из них?» – спросил я.

К счастью, она не отводила взгляда от чашки с кофе.

«Демонстрируя у офиса нефтяной компании „Occidental“, я думаю. Он и несколько десятков его друзей протестовали против бурения на землях и в лесах туземных племен, оказавшихся перед угрозой исчезновения. Их атаковала армия, затем избили и бросили в тюрьму – хотя они не делали ничего противозаконного, заметь, только стояли около здания, пели и махали плакатами. – Она выглянула в ближайшее окно. – Его продержали в тюрьме почти шесть месяцев. Он никогда не говорил нам, что там происходило, но он вышел из тюрьмы другим человеком».

Это была первая из множества подобных бесед с Паулой, и теперь я знаю, что они подготовили почву для того, что должно было случиться. Моя душа была отлучена от меня, мной управляли мой бумажник и те слабости, которые определило АНБ десятилетием

раньше, в 1968 г. Вынудив меня понять это и столкнуться с гораздо более глубокими чувствами, нежели романтика пиратов и повстанцев, Паула помогла мне на пути к спасению.

Кроме внутренних метаний, работа в Колумбии принесла мне понимание различий между старой Американской республикой и новой Глобальной империей. Республика несла миру надежду. Ее фундамент был скорее моральным и философским, нежели материалистическим. Она основывалась на понятиях равенства и правосудия для всех. Но она же была и прагматичной – не утопической мечтой, но живущим, дышащим, великодушным образованием. Она открывала свои объятия униженным. Это было дыхание, но в то же самое время и сила, с которой необходимо было считаться, при нужде она могла быть приведена в действие, как это произошло во время 2-й Мировой войны, для защиты принципов, которые за ней стоят. Институты, которые сейчас угрожают республике – крупнейшие корпорации, банки, правительственная бюрократия – она бы использовала для фундаментальных преобразований мира. Эти институты ведь обладают системами транспорта и телекоммуникаций, необходимыми для борьбы с болезнями, голодом и даже войнами – если бы только возможно было убедить их изменить курс.

Глобальная империя, в свою очередь, является антиподом республики. Эгоистичная, корыстная, жадная и материалистическая, она основана, прежде всего, на меркантилизме. Подобно империям прошлого, она распахивает свои объятия только для того, чтобы захватить все ресурсы, попавшие в ее поле зрения и насытить свою жадную утробу. Она использует любые средства, которые кажутся необходимыми ее правителям для достижения еще большей власти.

Конечно, углубляющееся понимание этих различий привело и к более ясному осознанию моей собственной роли. Клодин предупреждала меня, она честно объяснила, чего от меня ждут, принимая на работу в MAIN. И все же потребовался значительный опыт работы в странах вроде Индонезии, Панамы, Ирана и Колумбии для того, чтобы я понял все гораздо глубже. И для этого потребовались также терпение, любовь и судьба женщины, подобной Пауле.

Я был лоялен американской республике, но то, что мы делали с помощью этой новой очень хитроумной формы империализма, было финансовым эквивалентом того, что чего мы пытались достичь военной силой во Вьетнаме. Юго-Восточная Азия показала, что армии далеко не всесильны, и экономисты придумали лучший план, а агентства по иностранной помощи и частные подрядчики, которые служили им (а еще точнее, которым они служили), воплощали его в жизнь.

В странах на каждом континенте я встречал мужчин и женщин, работавших на корпорации США, не входивших в сеть ЭКов и занимавшихся много более пагубными вещами, чем может предположить любая конспирологическая теория. Как и многие из инженеров MAIN, эти сотрудники корпораций не понимали последствий своих действий и были убеждены, что потогонки и фабрички, на которых делают обувь или запчасти для автомашин, выпускаемых их корпорациями, выведут население из нищеты, тогда как на самом деле, население просто загоняли в еще один вид рабства, напоминающий феодальные поместья и плантации Юга. Современные сервы и рабы должны были жить верой, что они живут лучше несчастных на обочине прогресса, как рабы прошлого верили, что живут лучше неудачников в европейских дырах, джунглях Африки или в дебрях американского фронта.

Во мне разгоралась внутренняя борьба по поводу того, должен ли я продолжать работать в MAIN или мне следует уйти. Совесть моя повелевала уйти, но моя вторая сторона – человек из школы бизнеса, как я любил думать о себе – в этом совсем не была уверена. Моя личная империя продолжала расти, у меня прибавлялось подчиненных, увеличивалось количество стран, росли портфели акций и мое эго. Помимо соблазна денег образа жизни и адреналина власти, я часто вспоминал Клодин, предупреждавшую меня, что обратной дороги нет.

Конечно, Паула смеялась над этим: «Что б она понимала!»

Я напоминал, что Клодин была права во многих случаях.

«Это было давным-давно. Времена изменились. К тому же, что это меняет? Ты несчастлив. Разве Клодин или кто-то еще могут сделать что-то похуже?»

Паула часто повторяла этот рефрен и в конце концов я согласился. Я признался себе и ей, что все деньги, приключения и гламур больше не оправдывают суету, чувство вины и постоянное напряжение. Как партнер MAIN я становился богат, но я понимал, что если это будет продолжаться, из ловушки не будет выхода.

Однажды, когда мы прогуливались по пляжу возле старого испанского порта в Картахене, вынесшего бесчисленное множество пиратских нападений, Паула спросила меня о том, о чем я не спрашивал себя ни разу: «А что если ты никогда никому ничего не будешь рассказывать?»

«Ты имеешь в виду... просто помалкивать?»

«Точно. Не дать им повода придти за тобой. Или, на самом деле, дать им резон оставить тебя в покое и не мутить воду.

В этом что-то было – я подумал, почему это не приходило мне в голову раньше. Я не стану писать книгу или делать что-либо еще, чтобы раскрыть правду о том, что видел. Я не стану крестоносцем, а взамен буду человеком, наслаждающимся жизнью и путешествиями в свое удовольствие, возможно, даже создам семью с кем-то подобным Пауле. У меня было достаточно средств, мне просто надо было уйти.

«Все, чему тебя учила Клодин, ложь, – затем она добавила, – вся твоя жизнь ложь». Она снисходительно улыбнулась: «Ты смотрел свое резюме?»

Я признался, что не имел случая.

»Почитай, – посоветовала она. Я читала версию на испанском. Если она не слишком отличается от английской версии, мне кажется, ты найдешь его интересным».

На этом месте Yugi прекратил размещать главы на форуме <http://www.conservator.ru/forums/free/posts/65727.html>, со следующим комментарием:

Вообще говоря, дальше все лишено привлекательности свидетельства из первых рук. В следующих двух главах он уходит с работы и далее не имеет дела с мошенничествами напрямую, а только растекается мыслью по древу. В частности, рассказывает, как ему мешали писать книгу.

Я даже задумался, а надо ли?